

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Ефанов А. А.** «Волны» моральных паник в российском обществе 1990–2010-х годов: историко-социологический анализ 4
- Романовская О. А.** К вопросу «смысловой адекватности» исторической памяти о Гражданской войне 10
- Кочетов А. Н., Журавлёв А. Л.** Цена труда как фактор национальной безопасности 13
- Могилевич Б. Р.** Структура социальной коммуникации 19
- Сеидов В. Г.** Транснационализация средств массовой коммуникации в процессе глобализации 22
- Ивченкова М. С., Багирова К. Э.** Возможности и перспективы становления общества знания в эпоху глобализации 27
- Перминова М. С., Переселкова З. Ю.** К вопросу о формировании здорового образа жизни студенческой молодежи (на примере Оренбургского государственного университета) 30
- Вяльшина А. А.** Родительские предпочтения в сельских семьях с разным количеством детей 37

Слово молодым социологам

- Понукалин И. А.** Влияние новых цифровых технологий на поведение потребителей торгово-развлекательных центров: социологический анализ 47
- Лукьянова М. Н.** Концепт телесмотрения и телепотребления: теоретическая и эмпирическая интерпретации 51
- Мохнаткина К. В.** Корреляционный анализ влияния депривации на социальную активность россиян 55
- Богданова Т. А.** Геронтологическое направление социального туризма 60

Политология

- Вилков А. А.** К проблеме субъективизма в оценивании политологических исследований 65
- Шестов Н. И.** «Революционный соблазн» современных обществ и элит 71
- Панкратов С. А., Гаврилов С. Д.** Интеграция институтов публичной политики в Волгоградской области: практики реализации межсекторного взаимодействия 76
- Зазнаев О. И.** Институт прямых президентских выборов в парламентских республиках 82
- Казаков А. А.** Способы противодействия политическим манипуляциям в СМИ 87
- Ефанова Е. В., Мельниченко Д. В.** Социальные медиа как инструмент публичной политики в современной России 92
- Митрохин В. А. А. И.** Деникин: «Работать в интересах национальной России...» 96

Слово молодым политологам

- Тютюнников А. Л.** Между Востоком и Западом: Молдова на геополитическом перепутье 99
- Закиров А. Р.** Исследование GR: основные теоретические подходы 102
- Ананьина К. А.** Особенности использования факторного анализа в политологических исследованиях 107
- Сучкова А. А.** Институционализация лоббистской деятельности в России как фактор повышения эффективности взаимодействия общества и государства 111

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 22.00.00 – социологические науки; 23.00.00 – политология)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 22.02.18.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,48 (14,5).
Тираж 500 экз. Заказ 17-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Yefanov A. A.** "Waves" of Moral Panics in Russian Society in 1990–2010s: Historical-Sociological Analysis 4
- Romanovskaia O. A.** To the Question of "Semantic Adequacy" of Historical Memory about the Civil War 10
- Kochetov A. N., Zhuravlev A. L.** Price of Labor as the Factor of National Security 13
- Mogilevich B. R.** The Structure of Social Communication 19
- Seidov V. G.** The Transnationalization of Mass Media in the Globalization Process 22
- Ivchenkova M. S., Bagirova K. E.** Opportunities and Prospects for the Knowledge Society Development in the Era of Globalization 27
- Perminova M. S., Pereselkova Z. Y.** On the Formation of Healthy Lifestyles Students (for Example Orenburg State University) 30
- Vyalshina A. A.** Parent Preferences in Rural Families with Different Number of Children 37

A Word to Young Sociological Scientists

- Ponukalin I. A.** Influence of New Digital Technologies on Behavior of Consumers of Trading and Entertainment Centers: Sociological Analysis 47
- Lukyanova M. N.** The Concept of TV-viewing and TV-consumption: Theoretical and Empirical Interpretations 51
- Mohnatkina K. V.** Correlation Analysis of the Impact of Deprivation on the Social Activity of Russians 55
- Bogdanova T. A.** Gerontological Direction in Social Tourism 60

Politology

- Vilkov A. A.** Revisiting the Problem of Subjectivity in Political Science Research Evaluation 65
- Shestov N. I.** "Revolutionary Temptation" of Modern Societies and Elites 71
- Pankratov S. A., Gavrilov S. D.** Integration of Public Policy Institutions in Volgograd Region: Practices of Implementation of Intersector Interaction 76
- Zaznaev O. I.** The Institution of Direct Presidential Elections in Parliamentary Republics 82
- Kazakov A. A.** Ways to Counteract Political Manipulation in Mass Media 87
- Efanova E. V., Melnichenko D. V.** Social Media as the Tool of Public Policy in Modern Russia 92
- Mitrokhin V. A.** A. I. Denikin: "To Work for the Benefit of National Russia ..." 96

A Word to Young Politological Scientists

- Tiutiunnikov A. L.** Between East and West: Moldova on the Geopolitical Crossroads 99
- Zakirov A. R.** GR Researching: Theoretical Approaches 102
- Ananina K. A.** Specificities of Applying Factor Analysis in Political Science Research 107
- Suchkova A. A.** Institutionalization of Lobbying Activities in Russia as Factor of Increase of Efficiency of Interaction between Society and the State 111

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голenkova Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калиникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комkova Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

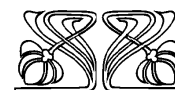
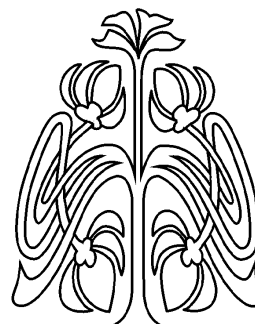
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

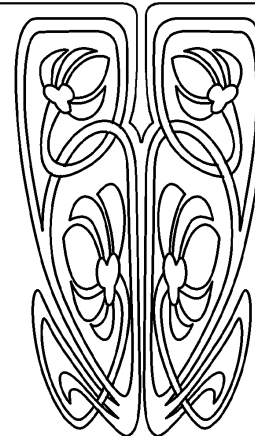
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakh K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.77

«ВОЛНЫ» МОРАЛЬНЫХ ПАНИК В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1990–2010-х ГОДОВ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. А. Ефанов

Ефанов Александр Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры журналистики, Оренбургский государственный педагогический университет, yefanoff_91@mail.ru

В статье приводится социологическое обоснование конструирования моральных паник в российском обществе 1990–2010-х гг. Используются статистические данные, а также вторичный анализ результатов социологических исследований: как изысканий других ученых, так и собственных авторских разработок. Автором определяются три «волны» моральных паник: 1990-е гг. (молодежные субкультурные движения – скинхеды, антифашисты, готы, рейверы); распространение западной культуры; гомосексуализм; пропаганда секса; наркотизм; «компьютеризация» жизни школьников; 2008–2010 гг. (педофилия; спайсфобия); 2014 г. – настоящее время (военные действия на Украине; эпидемия ВИЧ/СПИДа; популяризация «групп смерти»). С учетом исторических фактов конкретизируется, что возникновение «волн» связано с фрустрационными явлениями: государственным и общественным переустройством; экономическим кризисом; обострением отношений на международной политической арене. Мотивированность инспирирования моральных паник автор объясняет с позиций отвлечения внимания от реальных проблем (таких как высокая инфляция, низкий уровень жизни, безработица и проч.) в сторону виртуальных конструкторов тривиальной природы. Выгодоприобретателями выступают представители политической элиты, а роль посредников выполняют медиаконтролеры. Делается вывод, что новообразования второй и третьей «волн» преимущественно являются моральными паниками второго порядка, поскольку конструируются по аналогичной либо сходной модели предшествующей серии явлений.

Ключевые слова: моральные паники, волны, кризис, СМИ.

“Waves” of Moral Panics in Russian Society in 1990–2010s: Historical-Sociological Analysis

A. A. Yefanov

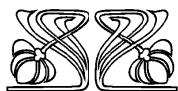
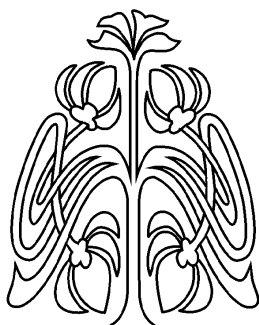
Aleksandr A. Yefanov, ORCID 0000-0002-9979-9224, Orenburg State Pedagogical University, 18, Pushkin Str., Orenburg, 460000, Russia, yefanoff_91@mail.ru

The article provides a sociological rationale of constructing moral panics in Russian society in 1990–2010s. Statistical data are used, as well as a secondary analysis of the results of sociological research: both the research of other scientists and their own author's developments. The author defines three moral panics “waves”: 1990s (youth subcultural movements (skinheads, antifascists, goths, ravers), the spread of Western culture, homosexuality, sex propaganda, narcotism, “computerization” of schoolchildren's lives); 2008–2010 (pedophilia, spiceophobia); 2014 – present (military actions in Ukraine, HIV/AIDS epidemic, popularization of “death groups”). Taking into account historical facts, it is concretized, that the emergence of “waves” is associated with frustration phenomena: state and public reconstruction; economic crisis; aggravation of relations in the international political arena. The author explains the motivation for inspiring moral panics from the perspective of distraction from real problems (such as high inflation, low living standards, unemployment, etc.) toward virtual constructs of a trivial nature. The beneficiaries are representatives of the political elite, and the role of intermediaries is performed by media controllers. It is concluded, that neoplasms of the second and third “waves” are primarily moral panics of the second order, since they are constructed from a similar model of preceding series of phenomena.

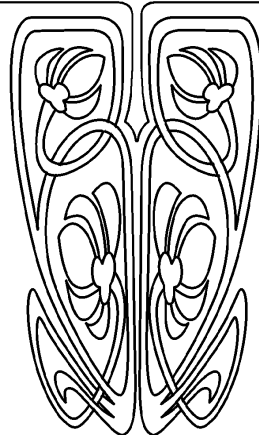
Key words: moral panics, waves, crisis, mass media.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-4-9

© Ефанов А. А., 2018

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

За два с половиной десятилетия своей истории «новая» Россия прошла непростой путь становления. Экономическая неустойчивость и политическая нестабильность продуцировали социальный кризис, проявившийся в неуверенности в завтрашнем дне, размывании ценностно-нормативных границ и, как следствие, утрате социальных ориентиров. Моральные паники как продукт массмедийных технологий возникают на фоне кризисных явлений социума. «Социологический словарь» Н. Аберкромби, С. Хилла, Б. С. Тернера определяет их как «эпизоды широко распространенного беспокойства и страха, вызванные событиями, которые имеют явно тривиальное значение. <...> Моральные паники обычно связаны с идентификацией “чертова отродья” (*folk devils*), которое считается ответственным за возникший моральный и социальный ущерб, каким бы он ни был, и сопровождаются призывами к наказанию или реставрации надлежащих моральных ценностей»¹.

Предметом рассмотрения настоящего исследования является социологическое обоснование конструирования «волн» моральных паник в российском обществе 1990–2010-х гг. Используются статистические данные, а также вторичный анализ результатов социологических исследований: как изысканий других ученых, так и собственных авторских разработок. Посредством историко-социологического анализа конкретизируются причины и социальные прецеденты, обуславливающие возникновение «волн» моральных паник.

Для определения такого социологического феномена, как «волна», необходимо обратиться к достижениям технических наук, в рамках которых данное явление было предметно изучено. «Большая политехническая энциклопедия» трактует волны как «возмущения, распространяющиеся с конечной скоростью в пространстве и несущие с собой энергию»². Подобная дефиниция может быть применима и к социологическому обоснованию «волн», поскольку под возмущением понимаются аффективные реакции общества на социальный прецедент, а под энергией – те социальные изменения, которые серия инспирируемых моральных паник способна вызвать.

Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда с позиций контекстуального конструкционизма формируют процессуальную модель развития моральной паники, которая протекает в течение ряда этапов:

- 1) проявление озабоченности поведением определенной группы;
- 2) нарастание враждебности к этой группе;
- 3) распространение мнения, что поведение группы составляет общественную угрозу;
- 4) преувеличение числа девиантов, распространение панических настроений;
- 5) неустойчивость конструкта³.

Ученые концептуализируют тезис о наличии «жизненного цикла» моральных паник. По их мнению, моральные паники не просто приходят и уходят бесследно. Даже те из них, которые, казалось бы, завершаются без видимых последствий, часто оставляют неформальные следы, которые готовят социум к последующим сериям явлений.

Так, в новейшей истории России можно выделить три «волны» моральных паник (таблица).

Первая «волна» моральных паник приходилась на 1990-е гг., когда новое российское общество пребывало в стадии своего самоопределения. Государственное и общественное переустройство, а также экономический кризис обуславливали разрушение существующих социальных границ, в результате чего в особой «зоне риска» оказалось молодое поколение. Таким образом, концентрация моральных паник происходила «вокруг социально уязвимых групп – молодежи и детей. При этом молодежь и дети могут выступать как в качестве субъекта, так и объекта моральной паники, поскольку в различных контекстах представляет собой либо “жертву”, либо “нарушителя”»⁴.

Как замечает М. Х. Хаджаров, рост преступности и криминализация общества в 1990-е гг. способствовали деформации нравственных ценностей, что «привело к размыванию ценностно-мировоззренческих представлений о правильном образе жизни. Свобода как нравственная категория была понята как вседозволенность. На этих ложных представлениях сформировалась целая прослойка молодежи, которая не признает общечеловеческих ценностей, моральных принципов и правовых норм»⁵. В этой связи состояние молодежи формирует потенциальную угрозу для общества. Молодое поколение воспринимается как некий «преемник», приходящий на смену нынешней социально активной группе, а потому вызывающий у нее беспокойство за нравственное здоровье будущей «основы» общества.

«Волны» моральных паник в новейшей истории России

Период	Причины возникновения	Социальные прецеденты
1990-е гг.	государственное и общественное переустройство; экономический кризис	молодежные субкультурные движения (скинхеды, антифашисты, готы, рейверы); распространение западной культуры; гомосексуализм; пропаганда секса; наркотизм; «компьютеризация» жизни школьников
2008–2010 гг.	экономический кризис	педофилия; спайсофобия
2014 г. – н.в.	обострение отношений на международной политической арене; экономический кризис	военные действия на Украине; распространение ВИЧ/СПИДа; популяризация «групп смерти»

Особую опасность в данном контексте представляют социальные движения экспрессивного характера, приобретающие быструю популярность в молодежной среде. Социологи сходятся во мнении, что появление любой новой группировки для россиян – это «слом культурного базиса народа, серьезный социальный недуг, равный по степени влияния алкоголизма или наркомании»⁶. Нередко опасения общества в отношении действий того или иного молодежного сообщества приобретают масштабы моральной паники, в результате чего на его участников «наклеивается ярлык» девиантов.

Рассматривая моральные паники как механизм развития молодежных сообществ, Д. В. Громов отмечает, что они «не только пугают общество “народными бесами”, но и создают им рекламу, обеспечивая приток в разрабатываемые сообщества новых участников. Именно в СМИ часто создается канон субкультурного образа, которому затем следуют неофиты»⁷. Ученый выдвигает этапы появления и дальнейшего укрупнения молодежной группы:

1) возникновение группы;

2) детальное описание СМИ особенностей этого сообщества;

3) нарастание общественных фобий, сопровождаемое появлением моральной паники, характеризующейся чрезмерной акцентуацией внимания к мифологизированному образу группы;

4) формирование «обратной реакции», при которой молодежь начинает активно вливаться в ряды сообщества, заимствуя образцы поведения, представленные в СМИ.

Подобная модель была присуща молодежным сообществам «новой» России (увеличение численности скинхедов, популяризация субкультуры готов). К примеру, медиа-тиражирование информации о «молодежи со свастикой» привело к всплескам уличной антифашистской активности.

Кроме того, в начале 1990-х гг. в России стало набирать популярность рейв-движение с музыкальным направлением «хаус». Протест СМИ против андеграунда как олицетворения западной культуры принес новому жанру еще большую востребованность, «в результате моральная паника стала традиционным способом увеличения объемов продаж молодежной музыки»⁸, чему нередко благоволят и, собственно, сами представители молодежной индустрии.

И. С. Кон, в свою очередь, считает, что одной из причин появления моральной паники в отношении молодежи стало освобождение сексуальной культуры. Причем ее первая «волна» 1920-х гг. привела к ужесточению цензуры и репрессивным мерам к искусству того времени; вторая «волна» постперестроечного периода повлекла возникновение антисексуальных лозунгов с призывами блокировать сексуальное образование, что воспринималось учеными как

«геноцид российской молодежи, со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁹.

Не менее острой в 1990-е гг. стала моральная паника в отношении гомосексуализма. Обильное проникновение экранов телевизоров в сознание вчерашнего советского народа явления гомосексуализма диссонировало с представлениями о «нормативном» проявлении чувств и сексуальных предпочтений. Общество опасалось, что молодое поколение может заимствовать подобные модели поведения. Однако уже в 2000-е гг. россияне стали уделять этой проблеме меньше внимания, увидев, что в обыденной жизни в своем окружении редко можно встретить представителей сексуальных меньшинств. Об этом свидетельствуют результаты опроса ВЦИОМ, согласно которым 92% граждан России полагают, что никогда не встречались с проявлениями «пропаганды гомосексуализма». И лишь 6% сталкивались с таковой, как они утверждают, в основном в телеэфире¹⁰.

Первая «волна» моральных паник 1990-х гг. также связана с конструированием повышенной опасности в отношении детей. Изучая освещение средствами массовой коммуникации проблемы защиты прав детей-сирот, П. И. Городецкая замечает, что данный вопрос не занимал лидирующих позиций на публичной арене, а первичное осознание масштабности проблемы – количество воспитанников детских домов – началось лишь в середине 1990-х гг. При этом особое внимание вызывали убийства российских детей в американских приемных семьях, когда общество забило тревогу, после чего жесткие заявления последовали и со стороны первых лиц страны. Однако западная пресса расценила «действия властей Российской Федерации как попытку поднять волну общественной истерии»¹¹.

С. Н. Майорова-Щеглова, напротив, развенчивает моральную панику в отношении детства, связанную с современными информационными технологиями, когда «дети Интернета совсем не общаются друг с другом. Дети с помощью компьютера просвещаются в вопросах секса. Дети привыкают только развлекаться. Дети становятся жестокими после Интернета. ИКТ конструируют новые картины мира у детей»¹². По результатам опроса, подтвердив их данными Фонда «Общественное мнение», С. Н. Майорова-Щеглова заключает, что, наряду с высокой степенью компьютерной грамотности и использованием IT-технологий как в образовательной, так и в досуговой деятельности, современное «медиа-поколение» не становится менее социализированным: общается со сверстниками в реальной жизни и не уходит в виртуальное пространство, а информацию о насилии и сексе получает с экранов телевизоров. Инициатором возникновения подобной моральной паники становится старшее поколение, поскольку «культура взрослого большинства» склонна подчеркивать «девиантность»

особенности «молодежной культуры», конструируя как «отклоняющуюся» для акцентуации ее субординированной позиции в обществе¹³.

Однако одним из самых резонансных явлений первой «волны» стала моральная паника по поводу наркотизма, которая зародилась в результате активного медиа-тиражирования информации о нападении наркоманов на пенсионеров, ставшей своеобразным «катализатором». Впоследствии взрослое население начало серьезно опасаться, что их дети могут стать наркозависимыми (после распространения через СМИ сообщений о действующих в разных регионах России группировках, насильно пристращающих подростков к наркотикам). П. А. Мейлахс проводит исследование наркотизма, где в ходе опроса выясняет, что дети осведомлены о ситуации с употреблением наркотиков значительно лучше, чем их родители. Это актуализирует мысль о том, что «реальное знание наркотической ситуации школьниками делает их менее подверженными моральной панике и апокалиптическим настроениям, распространяемым СМИ»¹⁴. Угасание данной моральной паники намечилось на фоне высокой инфляции начала 2000-х гг. (произошла смена медиа-повестки). Изучая данный прецедент, П. А. Мейлахс приходит к выводу о существовании изначально заложенного – диалектического механизма угасания любой моральной паники. При этом все явления 1990-х гг., участвующие в «моральной битве» того периода, также самонейтрализовались.

А. В. Семенова и М. В. Корсунская заявляют о накоплении памяти о прошлых моральных паниках, поскольку «воздействие предыдущей моральной паники от сходной социальной проблемы усиливает восприятие каждой последующей, если что-то напоминает аудитории источник прошлой угрозы, реакция на “врага” формируется мгновенно»¹⁵. Так, некоторые явления двадцати-, пятнадцатилетней давности стали основой для возникновения новообразований, конструируемых по аналогичной либо сходной модели. В этой связи следует говорить о моральных паниках второго порядка, культивируемых на социальной почве, заранее подготовленной предшествующей волной явлений.

Вторая «волна» моральных паник приходилась на 2008–2010 гг., когда в результате экономического кризиса в стране резко упал уровень жизни населения. В этот период общество было взволновано прецедентами педофилии. В СМИ периодически появлялись новости об учителях-педофилах и маньяках, орудующих в городе и насилующих малолетних детей. В основе данной моральной паники лежит усложненная модель конструирования явления в отношении гомосексуализма, поскольку выбирается новый объект – дети и угроза их растления, что потенциально вызовет аффективную реакцию в социуме. При этом, согласно данным статистики Главного ин-

формационно-аналитического центра МВД РФ, в стране наблюдалось сокращение количества преступлений против половой неприкосновенности детей (2009 г. – 4746; 2013 г. – 1324¹⁶). Таким образом, моральная паника в отношении педофилии возникает на основании обратной корреляции – непропорциональности статистических данных и медиа-интереса к явлению.

В отношении другого явления 1990-х гг. можно заметить, что моральная паника, связанная с наркотизмом, спустя десятилетие трансформировалась в спайсофобию. В «зоне риска» там оказывалось молодое поколение. Несмотря на то, что официальные данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствовали о постепенном снижении уровня заболеваемости наркоманией (2009 г. – 25,2 тыс. чел.; 2013 г. – 18,1 тыс. чел.)¹⁷, медиа пытались нагнетать обстановку, сконцентрировав внимание на новой разновидности наркотиков.

Третья «волна» моральных паник началась в 2014 г., когда на фоне экономической неустойчивости и напряженности на международной политической арене в результате российско-украинского кризиса наблюдалось падение общего уровня социальной стабильности. Информационная война, развернувшаяся в общемировом медиапространстве, создавала в сознании россиян приближение реальной войны, когда под угрозой оказалась целостность социальных границ. Результаты исследования ВЦИОМ в 2016 г. показали, что общество больше всего опасается конфликтов между странами и военных действий (23%). При этом 21% респондентов уверены, что такое случится (25% опрошенных предполагают, что это, скорее всего, произойдет).

Третья «волна» моральных паник также связана с эпидемией ВИЧ. Занимаясь предметным изучением проблемы распространения ВИЧ в 1990–2000-е гг., И. Г. Ясавеев приходит к выводу о снижении медиаинтереса к данному явлению по причине несоответствия принципам отбора новостей: «ВИЧ/СПИД не является интересным, необычным и даже значимым для российских СМИ событием, происшедшим за последние 24 часа. ВИЧ распространяется постоянно, изо дня в день, не обладая событийностью, драматичностью, динамизмом, новизной, соответствием интересам властвующей элиты, необходимыми для того, чтобы эпидемиологическая ситуация была “новостью”»¹⁸.

Принципиально иная картина наблюдалась в 2016 г., когда медиаконтролеры, представив проблему распространения ВИЧ как эпидемию, предприняли попытку конструирования моральной паники. Используя инструменты символизации и гиперболизации, журналисты усложнили знакомое обществу явление, интерпретировав его как предтечу социальной катастрофы. Поводом стало заявление министра здравоохранения России В. Скворцовой о том, что в 10 россий-

ских регионах зафиксирован повышенный уровень распространения ВИЧ. При этом многие СМИ придерживались принципа «постправды» в освещении данной новости, заведомо игнорируя вторую часть выступления министра. В своем докладе В. Скворцова специально сакцентировала внимание на том, что проблема распространения ВИЧ, достигшая масштаба эпидемии, не является сенсационной и спонтанно возникшей, объясняется географическим расположением регионов, через которые проходит наркотрафик.

Продолжила третью «волну» моральная паника в отношении распространения «групп смерти» в Интернете. Так, в январе 2017 г. стала вызывать панические реакции информация о деструктивном воздействии на подростков сообществ «f57», «Тихий дом», «Синий кит» и других в социальной сети «ВКонтакте». Согласно легенде, участники вступают в закрытое сообщество (администратор проводит модерацию и добавляет только несовершеннолетних), а затем выполняют ряд заданий, представленных как обретение свободы (каждый «шаг» необходимо сопровождать фотоотчетом). Последним пунктом этой «игры» якобы становится совершение суицида.

Явление в отношении распространения «групп смерти» в социальных сетях представляет собой моральную панику второго порядка. Она конструировалась по аналогичной модели с моральными паниками 1990-х гг., связанными с игроманией подростков в США и виртуализацией жизни школьников (просвещением в вопросах секса и пропагандой насилия посредством информационно-коммуникационных технологий) в России. Основное отличие данной моральной паники заключается в высшей степени демонизации виртуальной сети, представленной как деструктивная сила, истребляющая молодое поколение. Несмотря на отсутствие статистических данных о резком увеличении суицидальных случаев среди подростков в результате распространения «групп смерти» в социальных сетях (согласно официальной информации МВД РФ, основными причинами самоубийств по-прежнему остаются неразделенная любовь, проблемы с учебой, родителями и сверстниками), широкое обсуждение данной темы и оперирование технологией эмотивно-морализаторского дискурса (в том числе со стороны первых лиц государства, в частности президента В. Путина, заявившего о необходимости ужесточения карательных мер для так называемых «дистанционных убийств») смогло спровоцировать аффективные реакции в обществе. «Жизненный цикл» моральной паники составил четыре месяца. Ее рецессия произошла в результате падения медиантереса к явлению (ввиду отсутствия фактов о реальных жертвах «групп смерти»).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о существовании трех

«волн» моральных паник в новейшей истории России:

1) 1990-е гг. (молодежные субкультурные движения (скинхеды, антифашисты, готы, рейверы); распространение западной культуры; гомосексуализм; пропаганда секса; наркотизм; «компьютеризация» жизни школьников);

2) 2008–2010 гг. (педофилия; спайсофобия);

3) 2014 г. – настоящее время (военные действия на Украине; распространение ВИЧ/СПИДа; популяризация «групп смерти»).

Возникновение «волн» связано с фрустрационными явлениями: государственным и общественным переустройством; экономическим кризисом; обострением отношений на международной политической арене. Мотивированность инспирирования моральных паник можно объяснить с позиций отвлечения внимания от реальных проблем (таких как высокая инфляция, низкий уровень жизни, безработица и проч.) в сторону виртуальных конструкций тривиальной природы. Выгодоприобретателями в результате конструирования моральных паник выступают представители политической элиты, а роль посредников выполняют медиаконтролеры. Если говорить о новообразованиях второй и третьей «волн», они преимущественно являются моральными паниками второго порядка, поскольку конструируются по аналогичной либо сходной модели предшествующей серии явлений.

Примечания

- 1 Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь : пер. с англ. / под ред. С. А. Ерофеева. М. : Экономика, 2004. С. 153.
- 2 Большая политехническая энциклопедия. М. : Мир и образование, 2011. С. 210.
- 3 См.: Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics : the social construction of deviance. Oxford : Wiley-Blackwell, 2009.
- 4 Ефанов А. А. Моральные паники как фактор социальных изменений : дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2016. С. 67.
- 5 Хаджаров М. Х. Социология безопасности : Россия в эпоху смены мировых порядков // Вестн. ОГУ. 2012. № 1 (137). С. 78.
- 6 Рюмин А. М. Современные стереотипы о России в массовом сознании жителей стран Запада : дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2012. С. 104.
- 7 Громов Д. В. «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // Историческая психология и социология истории. 2012. № 1. С. 164–165.
- 8 Лисеев Р. П. Молодежный журнал как субкультурный феномен : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. С. 126.
- 9 Кон И. С. Сексуальные ценности и сексуальное поведение на фоне исторических перемен // Научная конференция «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России» (Москва, 27–28 февраля 2002 г.) : тезисы докладов / Центр демографии и

- экологии человека ИНП РАН, Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2002. С. 45.
- ¹⁰ См.: 92% россиян не встречались с «гомопропагандой», но 86% хотят ее запрета // Омнибус ВЦИОМ, 2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=112745> (дата обращения: 09.04.2014).
- ¹¹ Городецкая П. И. Социальная интерпретация конструирования защиты прав детей-сирот в трансформирующемся российском обществе : дис. ... канд. социол. наук. Самара, 2008. С. 83.
- ¹² Майорова-Щеглова С. Н. Новые информационные технологии и молодое поколение : нет моральным паникам! // Интеллигенция в мире современных коммуникаций : сб. ст. / под общ. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : РГГУ, 2009. С. 254.
- ¹³ См.: Райхитат А. О. Молодежные субкультуры в российском обществе : теоретические подходы и современные практики : дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2006. С. 55.
- ¹⁴ Мейлахс П. А. Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2007. С. 108.
- ¹⁵ Семенова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ : проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М. : Институт социологии РАН, 2010. С. 46.
- ¹⁶ См.: Преступность в отношении детей // Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2014. URL: http://riss.ru/demography/demography-science-journal/6363/#_ftnref2 (дата обращения: 14.03.2016).
- ¹⁷ См.: Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами, наркоманией и токсикоманией // Федеральная служба государственной статистики, 2014. URL: gks.ru/bgd/regl/b14_44/IssWWW.exe/Stg/10-07.doc (дата обращения: 14.03.2016).
- ¹⁸ Ясавеев И. Г. Социальные проблемы и медиа : конструкционистское прочтение. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2010. С. 188.

Образец для цитирования:

Ефанов А. А. «Волны» моральных паник в российском обществе 1990–2010-х годов: историко-социологический анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 4–9. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-4-9.

Cite this article as:

Yefanov A. A. “Waves” of Moral Panics in Russian Society in 1990–2010s: Historical-Sociological Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 4–9 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-4-9.

УДК 316.75

К ВОПРОСУ «СМЫСЛОВОЙ АДЕКВАТНОСТИ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

О. А. Романовская

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Межрегиональный институт развития образования, Саратов, romanovska.ol@yandex.ru

Статья посвящена вопросу методологической рефлексии повседневных представлений о Гражданской войне в России, рассмотренных через призму исторической памяти. Анализируются нарративные свидетельства мифологии повседневного сознания как особый канал сопричастности с прошлым. Отмечается отличие социальных фактов от их же описания через возможность универсальной процедурной проверки независимо от «точки зрения» исследователя.

Ключевые слова: Гражданская война, знание, повседневная мифология, социальная история.

To the Question of “Semantic Adequacy” of Historical Memory about the Civil War

O. A. Romanovskaia

Olga A. Romanovskaia, ORCID 0000-0003-1732-8072, Interregional Institute of Development of Education, 6, Kosmonavtov Emb., Saratov, 410002, Russia, romanovska.ol@yandex.ru

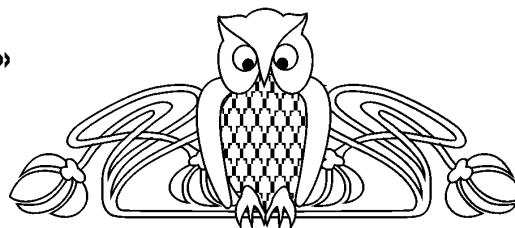
The article is devoted to methodological reflection everyday ideas about the Civil war in the Russia, viewed through the prism of historical memory. Analyzed narrative evidence of the mythology of everyday consciousness as a special channel of communion with the past. Notes difference between social facts from their own descriptions using the universal procedural checks regardless of the “perspective” of the researcher.

Key words: Civil war, knowledge, everyday mythology, social history.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-10-12

Сто лет прошло с тех пор, как «чудовищно невероятное стало фактом, и из истории России уже нельзя вычеркнуть, что темное подполье открыто на весь мир могло провозгласить себя властелином великой страны»¹. Мы не ставим перед собой задачи воспроизвести целостную историческую картину Гражданской войны в России начала XX в., цель скромнее: проиллюстрировать посредством случайной бесповторной выборки проявления повседневной мифологии, связанной с исторической памятью о Гражданской войне.

Историческая память, несмотря на свою определенную неполноту и противоречивость, обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия

социальных акторов. Не вдаваясь в аналитические размышления о трансляции исторической памяти представителями одного поколения другому, отметим, что механизмы памяти «побуждают», кроме всего прочего, и воображение. Историческая память хранит факты, имена, даты, воскрешает события, создающие социокультурную проблему: что помнить и восхвалять – что забыть и скрыть. Э. Кассирер отмечал, что исторический смысл не меняет облика вещей, не привносит в них новых качеств, но придает вещам и событиям новую глубину². Какова связь между прошлым и настоящим, что на уровне обыденного сознания, повседневной мифологии может укрепить интерес к прошлому, но и посеять сомнения относительно достоверности и ценности исторической памяти? Почему, невзирая на любые исторические перипетии, сохраняется содержательное ядро общественных социокультурных предпочтений?

Междисциплинарные исследования специфической формы общественного сознания, охватывающей само «знание», понимание и отношение социальных акторов к историческому прошлому, ее взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и возможному отражению в будущем, позволили сформировать представления об исторической памяти, которые оказались весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей и которые во многом определяют намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы решения обыденных и общественных проблем³. При отсутствии методологического единства по поводу того, что же такое историческая память и повседневная мифология, склоняемся к убеждению, что историческая память это – определенным образом сфокусированная система представлений о прошлом, которая отражает особую значимость и актуальность исторической информации «здесь и сейчас». Повседневная мифология – особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни. Миф насыщенный интуитивным содержанием; «рассуждающая мысль» – это сфера логоса⁴.

Авторская презумпция заключается в том, что в исторической памяти мы видим источник эмоциональных и психологических переживаний, создающих повседневную мифологию. Повседневная мифология – особый эмоциональный канал сопричастности с прошлым. Она начинается с факта, в нашем случае – исторического.

Повседневность рассматривается с различных точек интерпретации, но особое внимание уделяется моменту понимания того, что «повседневность» сложно поддается рефлексии. На наш взгляд, именно научная рефлексия повседневности продуцирует эвристические способы социально-исторического анализа, способность к пониманию и объяснению социальной реальности, а также политики памяти.

Поведение, нормы, ценности тех или иных социально-статусных, социокультурных, этноконфессиональных и прочих групп в лучшем случае представляются необычными для посторонних наблюдателей. Но эти «странности» могут говорить о важных моментах жизнедеятельности общества, его глубинных аксиологических процессах. Повседневная мифология – область, связанная с анализом практик, взаимодействий и культурной организации повседневной жизни. В этом контексте социально-исторические исследования нередко представляют собой соединение сущностно несоединимых феноменов знания: описания реальности «как она есть» и идеального проекта, не «понимающего» социальность в ее наличном бытии и стремящегося изменить ее в соответствии со сложившимися в процессе исследования конструктами. Наша исследовательская презумпция заключается в том, что любая наука включена и в фигуративный, и денотативный контексты.

Что же отличает социальный факт вне исследователя от него же, но опосредованного исследовательской мыслью? Очевидно, что одни смысловые конструкты проверяемы и, следовательно, в этом контексте реальны, другие являются вымышленными (данное обстоятельство может быть явно задано семантикой конструкта, но может никогда не обнаружиться), третьи конструкты принадлежат сфере воображаемого имажинативного⁵.

Обратимся для иллюстрации к результатам авторского исследования, основанного на случайной бесповторной доступной выборке респондентов. Данные являются источниками личного происхождения, поэтому в строгом классическом смысле не обладают репрезентативностью. Но отсутствие этого свойства выборки, на наш взгляд, не отменяет возможности качественного анализа полученных результатов. На вопрос «“Белые-красные” – кто они?» (по доступной выборке) только 10 респондентов без особых затруднений дали ответ: «противостоящие идеологические силы в период Гражданской войны в России». Самым распространенным был ответ «затрудняюсь ответить» – 31 человек, 21 респондент «белыми» считает белых людей, а именно: русских, европейцев, американцев; «красными» – индейцев, кавказцев, чернокожих, азиатов, словом, всех, кто не белый! (Мы умышленно сохраняем все нарративы повседневной речи респондентов, это, на наш взгляд, придает особую фактурность мифологичности сознания.) Оставшиеся 15 респондентов на вопрос «кто», утверждали: «белое вино» –

«красное вино»; или «нежность – коварство»; или «просто цвета»; или «цвет нижнего белья».

Очевидно, что заявленное равнодушие к вопросу свидетельствует об отсутствии саморефлексии по проблематике Гражданской войны. Повседневная мифология обеспечивает приспособление традиционного менталитета к изменяющейся ситуации, но в терминах нового дискурса и в направлении других «священных» объектов. Получив эти данные, мы предположили, что ментальный план исторической памяти функционирует так же, как мифология повседневного сознания.

Итак, отличие социальных фактов от их же описания заключается, прежде всего, в референциальности, т. е. возможности универсальной процедурной проверки независимо от «точки зрения» исследователя. Но всегда ли и какая процедурная проверка обладает магическим свойством объективности? В чем суть параметров релевантности, надежности и точности тогда, когда исследователь «стоит» на научных позициях В. Дильтея, предложившего сохранить термин «объяснение» только за естествознанием? Что же касается социальной истории, то она, по его мнению, стремится не объяснять, а «понимать» прошедшие события⁶. Как в этом случае оценить то, что часто напоминает художественное произведение, являясь всего лишь чьей-либо «oral history»?

Бесспорно, социальные науки отличаются от художественного мира тем, что сохраняют естественную установку на существование реального мира. С помощью кантовской конструкции «als ob» – «как если бы» – из представления о возможном извлекаются необходимые следствия для реального и указываются направления пересечения грани как основное условие вымыслообразования⁷.

Обращаясь за информацией к акторам-носителям «исторической памяти», мы, естественно, прикасаемся к весьма причудливому сочетанию некоторых научных и повседневных (бытовых) представлений об истории в целом, истории России и истории Гражданской войны в частности. Например, рассказывая о «белом офицере», респондент называл фамилию «Будёнов» и был весьма убежден в истинности своих исторических знаний. Некоторые респонденты (число их незначительно) считают, что Алексеев, Деникин и Краснов воевали на стороне «красных», а Блюхер и Тухачевский – «белые», потому что среди «простого» народа мудреные фамилии не встречаются.

По мнению респондентов, «красный командир» – с красной рожой, носом, в буденовке, на коне, с шашкой, с вилами, стремится к власти, грабит богатых, знает мало, неинтеллигентен, от него пахнет перегаром, но он всегда побеждает, потому, что для него главное – уничтожить белых, чтоб всем всего было поровну, сохранить свою власть, поесть... «Белый офицер» – при красивой форме, погонах, в трезвом уме, выправке, имеет чистую одежду, идеалы и желание восстановить

Закон Божий, он дворянин, плохой, богатый, меланхолический, наглый бандит, желающий взять власть у простого народа и защитить царя...

Чаще всего информацию о «красных – белых» можно, по мнению респондентов, получить из учебников истории. Среди художественных фильмов назывались: «Белое солнце пустыни», «Свадьба в Малиновке», «Неуловимые мстители», один респондент вспомнил фильм «Сорок первый». Редко, но вспоминали анекдоты «про Чапаева», затрудняясь при этом определить, на чьей стороне он воевал.

Вполне очевидно, что образы и красного командира, и белого офицера складываются из представлений «смотрящих» в прошлое и из реальных, сохранных общей исторической памятью черт «объектов». Несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов отмечали излишние репрессивные меры в «красных командирах», никто категорически не высказывался против Советской власти, никто не обозначил виновников в развязывании Гражданской войны. Только один респондент четко сформулировал русскую патриотическую идею, в которой нет места красным, так как они атеисты или иудеи, но белые много переживали и сомневались, поэтому их обычно расстреливали комиссары, а победителей не судят...

Многие респонденты на вопрос: «Почему Ваши симпатии на стороне “красных”?» отвечали: «Мы простые люди, не элита, не олигархи, поэтому поддерживать богачей, значит поддерживать несправедливость». Те, чьи симпатии оказались на стороне «белых», в большинстве своем испытывают уважение к дореволюционной культуре России, императорской армии, имеющей славные традиции, навеки утерянные с приходом «красных».

Итак, вне зависимости от возраста, пола, социального статуса и даже личных симпатий к «красным – белым», респонденты информацию о Гражданской войне воспринимают эмоционально: гордятся, грустят и сочувствуют. В основной массе своей, не имея сколько-нибудь точных знаний о происходивших событиях, респонденты все-таки «узнают» персонажей отечественной истории. Это могут быть образы исторической эпохи на индивидуальном уровне, точки зрения, версии, взгляды, порой даже просто мнения. Здесь историческая память не выходит за рамки жизненного пространства личности, личности, создающей и одновременно существующей в повседневной мифологии.

Результатом нашего исследования явилась авторская презумпция противоречивости и неоднозначности повседневности, что не позволяет полностью принять вариации об исторической безценности добра и зла. Полагаем, что рефлексия массовых представлений о прошлом, стереотипы «мы непредсказуемы» или «умом Россию не понять» более не вписываются ни в державно-патриотическую трактовку самобытности Российской цивилизации, ни в официально-идеологические поиски национальной идеи. Очевидно, что массовые представления о прошлом не должны сводиться к совокупности статистических данных, которые следует научно описать и проанализировать в синхронной конфигурации, но имеют мощнейший прогностический потенциал нравственного осмысления будущего.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-81-01028).

Примечания

- 1 Из записок общественного деятеля // Сборник Российских политических программ 1917–1995. Выборг : Посев, 1991 ; Архив русской революции : в 22 т. Т. 21–22. М. : Терра, 1993. С. 379.
- 2 См.: *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарики, 1998. С. 649.
- 3 См.: *Тоценко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 19.10.2017).
- 4 См.: *Ливоев В. М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск : Карелия, 1991. С. 14.
- 5 См.: *Батыгина Г. С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса : структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук ; Невидимая граница : грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // Социальные науки в постсоветской России : сб. / под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свицерски. М. : Академический Проект, 2005. С. 6–107, 323–340.
- 6 См.: *Дильтей В.* Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. Антология / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. М. : Юрист, 1995. С. 213–256.
- 7 См.: *Кант И.* Критика способности суждения. М. : Искусство, 2001.

Образец для цитирования:

Романовская О. А. К вопросу «смысловой адекватности» исторической памяти о Гражданской войне // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 10–12. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-10-12.

Cite this article as:

Romanovskaia O. A. To the Question of “Semantic Adequacy” of Historical Memory about the Civil War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 10–12 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-10-12.

УДК 316.334.22

ЦЕНА ТРУДА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Н. Кочетов, А. Л. Журавлёв

Кочетов Алексей Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Саратовский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, karataeva-m@mail.ru

Журавлёв Андрей Леонардович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права, Международный юридический институт, Москва, Euro3816@yandex.ru

Раскрывается содержание понятия «социально-экономическая безопасность», что входит в общую теорию национальной безопасности. Показана зависимость состояния указанной безопасности от социальной политики государства в сфере формирования цены труда. Доказывается, что занижение цены труда и низкая зарплата рядовых квалифицированных работников формируют социальную поляризацию и несправедливость, что ведет к социально-классовому антагонизму и создаёт угрозу национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, социально-экономическая безопасность, социальная защита работников, цена труда, социальная поляризация, индексация зарплаты, стоимость рабочей силы.

Price of Labor as the Factor of National Security

A. N. Kochetov, A. L. Zhuravlev

Aleksey N. Kochetov, ORCID 0000-0001-6180-5994, Saratov Military Institute Troops of the National Guard of the Russian Federation, 158, Moskovskaya Str., Saratov, 410023, Russia, karataeva-m@mail.ru

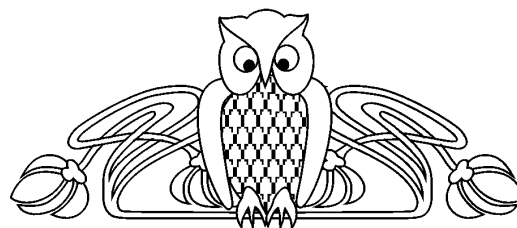
Andrey L. Zhuravlev, ORCID 0000-0002-5334-5868, International legal institute, 4, Kashenkin Lug Str., Moscow, 127427, Russia, Euro3816@yandex.ru

Is revealed the content of the concept of social and economic safety, which enters into the general theory of national security. The dependence of the state of the indicated safety on the social policy of state in the sphere of the formation of the price of labor is shown. It proves, that the understating of the price of labor and the low wage of the series skilled workers forms social polarization and injustice, which leads to the socio-class antagonism and is created the threat of national security.

Key words: national security, social and economic safety, social protection of workers, price of labor, social polarization, indexing of wage, cost of work force.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-13-18

Понятие «безопасность» как сложное многогранное социальное явление имеет конкретно-исторический характер, тесно связано со всеми формами и направлениями взаимодействия в системе «природа – человек – общество» и означает

отсутствие опасности, сохранность, надежность. При этом наибольшую значимость представляет содержательная сторона разнообразных взаимодействий между элементами данной системы.

Применительно к практическим потребностям наиболее общим следует признать понятие «безопасность жизнедеятельности». Безопасность жизнедеятельности – это защищенность материального мира и общества от негативных воздействий различного характера. Как следует из определения, объектами безопасности жизнедеятельности являются природа, человек и общество. В настоящее время в структуре безопасности жизнедеятельности основная определяющая, системообразующая роль принадлежит национальной безопасности.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года национальная безопасность определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹. При этом под защищенностью понимается способность сохранения объектом или системой (природа, человек, общество, государство и др.) своей качественной определенности и возможность выполнения своих функций в условиях воздействия негативных факторов.

В системе национальной безопасности особо выделяется *социально-экономическая безопасность как единство экономических и социальных факторов*. Она рассматривается как защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в экономической и социальной сфере от внутренних и внешних угроз.

В социальном плане наиболее вероятными угрозами безопасности России являются:

– чрезмерное социальное неравенство населения, что ведет к нарушению социального мира и общественного согласия. Достигнутый относительный баланс социальных интересов может быть нарушен в результате расслоения общества на узкий круг богатых и преобладающую массу бедных, не уверенных в своем будущем людей. Увеличение доли бедных слоев населения в городе создает социальную и криминальную напряженность и почву для широкого распространения девиантного и криминального поведения

населения, относительно новых для России негативных явлений – наркомании, организованной преступности, проституции и др.;

– устойчивость длительной безработицы и задержка выплаты заработной платы занятым работникам, что может привести к социальным конфликтам;

– демографический кризис, сокращение трудоспособного населения, вызванное высокой смертностью и низкой рождаемостью.

Эти социальные факторы имеют причинную зависимость от экономических, из которых угрозу национальной безопасности могут представлять следующие явления:

1) деформированность структуры российской экономики, а именно: усиление топливно-сырьевой направленности экономики; отставание разведки запасов полезных ископаемых от их добычи; низкая конкурентоспособность продукции большинства отечественных предприятий; приобретение иностранными фирмами российских предприятий в целях вытеснения отечественной продукции как с внешнего, так и с внутреннего рынка;

2) криминализация хозяйственной деятельности, вызванная в основном следующими факторами: сращивание части чиновников государственных органов с организованной преступностью; возможность доступа криминальных структур к управлению определенной частью производства и их проникновения в различные властные структуры; ослабление системы государственного контроля, что привело к расширению деятельности криминальных структур на внутреннем финансовом рынке, в сфере приватизации, экспортно-импортных операций и торговли;

3) неустойчивость финансового положения предприятий, неблагоприятный инвестиционный климат, сохранение инфляционных процессов и другие проблемы, связанные с финансовой дестабилизацией в экономике.

Состояние экономики, отвечающее требованиям национальной безопасности России, должно характеризоваться определенными качественными критериями и параметрами (пороговыми значениями), приемлемыми для всего общества. В этом плане узел взаимосвязи экономического и социального в обществе содержится в понятии «цена труда».

И в экономической теории, и в социологии в ранг аксиомы возведено то положение, что социальные условия жизни полностью определяются уровнем экономического развития, а эффективность экономики достигается внутри нее самой через действие чисто экономических факторов: инвестирования, рентабельности, конкуренции и т. д. Отсюда господствующая стратегия: сначала необходимость значительно увеличить объем внутреннего национального продукта, обеспечить подъем экономики до необходимой отметки, только потом можно будет установить

нормальный уровень жизни и социальной защищенности населения. В социальной политике государства эта теория стала оправданием занижения цены труда рядовых работников. Никто не оспаривает мысль, что в переходной экономике рост социальной защиты населения со стороны государства должен происходить медленно, постепенно, по мере наращивания объемов и темпов валового национального продукта. Однако Россия в состоянии «переходной экономики» и системной трансформации находится уже больше столетия: от раннего капитализма к империализму, от империализма к социализму, от раннего социализма к развитому, от развитого социализма опять к капитализму. Переходное состояние стало главным оправданием власти перед обществом в плохом качестве жизни населения, в котором по главному своему показателю – реальной заработной плате – за этот период произошел явный регресс, в отличие от всех других стран. Российский народ все время вынужден спасать экономику, «затягивая потуже пояса» и отказывая себе в самом необходимом, для того чтобы не мешать экономике «функционировать по своим экономическим законам».

Убеждение о разделении экономики и социальной сферы породило вывод: сначала уменьшение затрат для достижения экономической эффективности, а затем повышение зарплаты и реализация принципа социальной справедливости. Главный аргумент – экономическая эффективность первична по отношению к качеству жизни населения. Это не так. Качество жизни – это цель, а социально ориентированная экономика – средство для достижения этой цели. Эффективность экономики является не только средством для социального развития, но и результатом качества социальных отношений между людьми или, как говорят социологи, результатом «структурных свойств социальной системы», а точнее, зависит от степени социального в функционировании общества.

Если обратимся к историческому опыту зарубежных стран, то увидим, что эффективность экономики зависит не от степени ее либерализации, а от качества социальных отношений. Эти качества проявляются, прежде всего, в цене труда. Этот принцип воплотил в практику Л. Эрхард в Германии в 1950-е гг. Эрхард стал первым в мире либеральным реформатором нового типа. Ему пришлось работать в условиях, когда государственное вмешательство в экономику стало реальностью. Он понимал, что в условиях значительного влияния социалистических идей не обойтись без использования широких мер по социальной защите. В обществе устанавливается принцип социальной справедливости, «баланс интересов с точки зрения всеобщего блага – благосостояние для всех»². Помощь со стороны государства должна оказываться на основе данного принципа. Это служит главным условием

формирования рыночной экономики, снимает социальную напряженность в обществе и обеспечивает национальную безопасность.

В России сложился худший вид финансово-олигархического капитализма – социально не ориентированного. Это такой тип общества, который основан на тотальном контроле производства и сферы услуг частными собственниками средств производства, на узаконенной эксплуатации и несправедливом присвоении практически всех результатов наемного труда. Когда мы говорим о социально ориентированной экономике, то имеем в виду ее полную ориентацию на потребителя, т. е. показатель ее результативности в уровне жизни населения, который в основном определяется размером зарплаты. Государственное замораживание заработной платы, девизизация труда в России привели к тому, что в структуре доходов уменьшилась доля заработной платы и увеличилась доля предпринимательских доходов, концентрирующихся у достаточно небольшой группы граждан.

На рынке труда ставки заработной платы определяются двумя законами – равновесной цены труда и стоимости рабочей силы. Первый утверждает, что конъюнктура спроса и предложения на рынке труда лежит в основе цены труда, а следовательно, заработной платы. Но эта конъюнктура определяет только колебания цены труда. В ее основе должна лежать стоимость рабочей силы, в которую входят затраты на приобретение квалификации. Оплата труда происходит не в момент найма работника, а лишь после затраты им определенного количества труда. В момент заключения сделки по продаже рабочей силы заработная плата предварительно отражает меру цены труда. В момент оплаты труда рабочей силы она выступает как средство платежа. В этом процессе срабатывает уже не закон равновесной цены труда, а закон эквивалентности величины труда и цены труда, который основывается на законе стоимости, по которому уровень квалификации работника изначально включается в величину труда. Эквивалентность цены труда и величины труда следует трактовать исходя из теории прибавочной стоимости. Она состоит в том, что работодатель оплачивает наемному работнику только одну часть его труда, а другая часть результатов его труда присваивается в виде прибыли. Поэтому проблема указанной эквивалентности сводится к эквивалентности заработной платы и стоимости рабочей силы.

Социальное содержание закона стоимости заключается в том, что размер заработной платы зависит не столько от колебаний спроса и предложения труда, сколько от качества труда, квалификации и профессионализма работников. Различные виды работ требуют разных затрат на профессиональное образование. Следовательно, всегда, независимо от этой конъюнктуры, цена

труда квалифицированных работников должна быть выше, чем малоквалифицированных и неквалифицированных.

Либеральные теоретики утверждают, что справедливость в оплате труда различных категорий работников устанавливается объективно, через стихийный механизм формирования равновесной цены труда. На наш взгляд, этот механизм не может обеспечивать справедливости в оплате труда. Но, с другой стороны, государственная политика в области заработной платы не должна игнорировать основных рыночных законов формирования цены труда.

От цены труда зависит не только степень социальной справедливости, но и эффективность экономики. По всем экономическим законам индексация заработной платы наемных работников увеличивает их покупательный спрос и стимулирует развитие экономики, что само по себе содержит антиинфляционную направленность. В своей политике правительство ссылается на два экономических закона:

- 1) рост заработной платы не должен опережать роста производительности труда;
- 2) рост заработной платы является причиной инфляции.

В такой политике бедность населения является главным залогом выживаемости экономики. Однако формирование экономической эффективности на основе бедности обречено на провал, поскольку снижение потребительского спроса уменьшает объем реального производства и в конечном итоге ведет к повышению цен. Стимулирующим фактором развития производства может быть увеличение потребительского спроса через повышение оплаты труда. Увеличивать потребительский спрос можно и за счет нетрудовых доходов. И этот процесс наиболее бурно развивается в России: доля зарплаты в совокупном доходе населения составляет чуть больше 40%. Результат – нетрудовая социальная поляризация населения. В связи с этим российские специалисты в других странах работают лучше, а у себя дома гораздо хуже, чем специалисты в других странах.

В первой половине 2000-х гг. вопросу цены труда уделялось особое внимание в связи с принятием нового Трудового кодекса. Тогда звучали такие аргументы, что существующая в России система заработной платы не отвечает требованиям рыночной экономики. Уровень затрат на рабочую силу у нас, по сравнению с развитыми странами, остается недопустимо низким. Занижение цены труда напрямую связано с тем, что минимальный размер оплаты труда (МРОТ), который устанавливается законодательно как социальный норматив, в действительности таковым не является, потому что его размер ниже прожиточного минимума. Его размер – произвольно заниженная величина, ничем не обоснованная и противоречащая законам стоимости рабочей

силы и равновесной цены труда³. По рекомендации Международной организации труда (МОТ), он должен достигать 50% средней зарплаты. В России его следует расценивать как один из инструментов государственной политики замораживания заработной платы. Этот социальный нонсенс был отмечен еще в докладе Генерального директора МБТ Х. Сомавиа «Труд как средство борьбы с нищетой» на Международной конференции в Москве в 2003 г.⁴ В 2005 г. в досье журнала «Человек и труд» были приведены следующие данные: минимальная зарплата в странах Западной, Центральной и Восточной Европы установлена в следующих размерах: Франция – 1090 евро, Великобритания – 980 евро, Словакия – 148 евро, Литва – 125 евро, Украина – 44 долл., Россия – 24 долл.⁵

В начале 2000-х гг. правительством была поставлена стратегическая задача – поднять МРОТ до уровня прожиточного минимума. В 2001 г. Минтруд России совместно с Минэкономразвития России, Минфином России с учетом замечаний участников Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений подготовил предложения «О поэтапном повышении минимального размера оплаты труда». Подготовка их проводилась на основе долгосрочного макроэкономического прогноза Минэкономразвития России. Тогда МРОТ составлял всего 30% от прожиточного минимума. К 2005 г. предлагалось довести минимальный размер оплаты труда до уровня прожиточного минимума⁶. Но эта задача не решена до сих пор. В 1990 г. в Советском Союзе МРОТ составлял 80 руб., что в 1,5 раза было выше прожиточного минимума. В 1992 г. он был ему равен, в 2000-х гг. МРОТ был в 3 раза ниже прожиточного минимума, в 2009 г. равнялся 4330 руб. – 79% от величины прожиточного минимума, а в 2013 г. – 5205 руб., или 68% от прожиточного минимума⁷. В 2015 г. МРОТ составлял 5965 руб. при прожиточном минимуме в 10 017 руб. (60% от его величины). В 2016 г. прожиточный минимум был уменьшен до 9776 руб., вероятно, для того, чтобы снизить показатель доли населения, живущей за чертой бедности. Принятый в том году МРОТ в 6204 руб. составлял 63% от этой величины. В 2017 г. предварительно МРОТ определен в 7500 руб., а прожиточный минимум – в 10 694 руб., т. е. МРОТ будет равен 70% от этой величины⁸. Начиная с 2009 г. показатель МРОТ стал уменьшаться по отношению к величине прожиточного минимума вопреки поставленной задаче о выравнивании этих величин.

Приблизительно с 2008–2009 гг. правительство как бы забыло об этой стратегической задаче, занижение цены труда приобрело хронический характер и уровень реальной заработной платы наемных работников снизился. По данным Минэкономразвития России, в 2016 г. уровень доходов населения по сравнению с январем

2015 г. сократился на 6,1%. При средней зарплате в 32 тыс. руб. 70% работников получают меньше ее размера. Кроме того, сохраняется задолженность по заработной плате – в 2016 г. 4,3 млрд руб. (в 2010 г., по данным статсборника, она составляла 3,6 млрд руб., т. е. выросла, несмотря на санкции законодательства)⁹.

Механизм занижения цены довольно прост – не исполняется закон об индексации заработной платы, который касается, прежде всего, «госбюджетников»¹⁰. Трудовой кодекс Российской Федерации (ст. 134) указывает, что во всех организациях небюджетного сектора экономики индексация заработной платы осуществляется в порядке, установленном коллективным договором, соглашением или локальным нормативным актом организации. Регулирование заработной платы во внебюджетной сфере, в рыночных секторах экономики должно осуществляться через коллективные и индивидуальные договорные (между работодателями и работниками) формы: в результате переговоров профсоюзов и работодателей заключаются коллективные (отраслевые) тарифные соглашения, устанавливающие размеры и условия оплаты труда, порядок и сроки ее индексации. Ориентиром здесь может служить Типовая модель национального межпрофессионального коллективного соглашения, разработанная МОТ на основе международных трудовых норм¹¹. В частности, в разделе «Заработная плата» предусматривается:

– определение размера минимальной заработной платы с учетом потребностей трудящихся и их семей, уровня заработной платы, существующего в стране, стоимости жизни, видов и размеров социальных пособий, а также экономических факторов (производительность труда, поддержание высокого уровня занятости);

– равенство в оплате труда и защита заработной платы, что подразумевает стабильность в исполнении обязательств, принятых сторонами, когда размеры заработной платы, установленные соглашением, не могут быть снижены.

Вопреки мировой практике, российское министерство финансов считает, что индексация зарплат станет причиной взлета инфляции. В свое время еще министр финансов Алексей Кудрин настаивал на том, что индексации зарплат – порочная практика, которую надо отменить.

Но, во-первых, это явное нарушение закона. При таком отношении правительства к закону не мог работать механизм индексации, который для «госбюджетников» был заложен в единой тарифной сетке (ЕТС).

Во-вторых, можно ли считать индексацию заработной платы «бюджетников» причиной роста инфляции? На наш взгляд, нельзя. Индексация означает не рост реальной заработной платы, а лишь ее номинальное увеличение в соответствии с индексом роста потребительских цен.

По нашим расчетам, на основании опубликованных статистических данных все «бюджетники» в составе занятого населения составляют приблизительно 18% (12 млн чел. из 70 млн занятого населения). В эту цифру включена численность руководителей управления всех уровней (5,3 млн чел.)¹². Увеличение номинального размера их заработной платы не может оказывать существенного «давления» на потребительский рынок. В отличие от них объем платежеспособного спроса буржуазных слоев намного выше, их личные доходы в большей мере влияют на рост цен в различных секторах потребительского рынка. По оценкам экспертов, «новые русские» тратят от 40 до 50 млрд долл. в год на удовлетворение личных нужд и прихотей (примерно треть совокупных объемов оплаты труда в стране). На телевизионной передаче на 5 канале 3 марта 2015 г. обсуждался вопрос об индексации заработной платы «бюджетников». Основное мнение было таким – нужно снижать цены, а не повышать зарплату. Но если цены растут, индексация – единственное средство для социальной защиты работников.

В практике западных стран применяются разнообразные формы индексации заработной платы. Обычно применяется индексация основных ставок заработной платы, определенных в коллективном договоре, либо когда надбавки к зарплате установлены в процентах от основных ставок заработной платы. Индексация как метод защиты номинальной заработной платы от инфляции получил распространение в развитых странах с рыночной экономикой вскоре после окончания Второй мировой войны. В соответствии со степенью охвата граждан индексацией развитые страны можно подразделить на две категории:

– страны, где практически все население охвачено индексацией (Бельгия, Дания, Исландия, Италия и др.);

– страны, где индексация применяется лишь по отношению к определенным социальным группам (как правило, на основе соответствующего пункта в коллективном договоре).

В 2007 г. заместитель министра Минфина РФ Татьяна Голикова на Совете Федерации заявила, что схема индексации зарплаты «бюджетников» заложенная в единой тарифной сетке, себя исчерпала. После этого ЕТС была отменена. С отменой ЕТС сложился произвол работодателей в вопросе оплаты труда, резко возросла ее дифференциация между руководителями и рядовыми работниками. В советское время, например, зарплата директора завода приблизительно в два-три раза превышала зарплату квалифицированного работника. Сейчас это превышение может быть в десятки раз. Такие факты неоднократно приводились в средствах массовой информации. Уровень квалификации потерял свое значение, но возрос фактор степени приближен-

ности отдельных персон к работодателю, к «хозяину». Указанная дифференциация усиливает несправедливое социальное неравенство общества, и показатели этого неравенства имеют тенденцию к его росту.

Основной показатель измерения социального неравенства – Индекс Джинни, по данным официальной статистики, с середины 2000 г. в России практически не изменился, варьируется приблизительно на уровне 0,42¹³. Чем ближе он к 0, тем больше равенство и меньше неравенство, чем ближе к 1, тем неравенство выше. Пороговым значением Индекса, опасным для общества, считается 0,5. Однако российский бизнес и административная элита редко показывают свои доходы налоговикам и Росстату. А вот когда банк Credit Suisse в своем отчете Global Wealth Report посчитал этот индекс по распределению накопленного богатства, то в России он оказался самым высоким среди всех стран, попавших в выборку, – 0,84¹⁴. Такая социальная поляризация в течение длительного времени, несомненно, представляет угрозу национальной безопасности.

В развитых странах от произвола работодателей наемных работников защищают профсоюзы и конвенции МОТ. Именно отсутствие в России независимых отраслевых профсоюзов является главным препятствием в решении проблемы занижения цены труда. Для ее решения профсоюзы должны добиваться:

1) соблюдения закона об индексации зарплаты;

2) принятия социально обоснованного норматива МРОТ не ниже прожиточного минимума.

Длительная практика замораживания зарплаты квалифицированных работников усиливает социальную поляризацию, формирует несправедливое социальное неравенство, уменьшает роль справедливого неравенства по труду, порождает антагонизм между богатыми и бедными, что само по себе представляет угрозу национальной безопасности. Эта угроза вытекает из сущности финансово-олигархического капитализма, который по своей природе отвергает принцип социальной справедливости.

Примечания

¹ О безопасности : федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Эрхард Л. Благополучие для всех. М. : Начала-Пресс, 1991. С. 3.

³ См.: О минимальном размере оплаты труда : закон РФ от 30.03.1993 № 4693-1 (ред. от 16.11.2011). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О прожиточном минимуме в Российской Федерации : федер. закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

- ⁴ См.: *Сомавиа Х.* Труд как средство борьбы с нищетой // *Человек и труд.* 2003. № 3. С. 5.
- ⁵ См.: *Статистика МРОТ в досье журнала // Человек и труд.* 2005. № 1. С. 20.
- ⁶ См.: *О поэтапном повышении минимального размера оплаты труда // Человек и труд.* 2001. № 8. С. 26.
- ⁷ См.: *Социальное положение и уровень жизни населения России в 2013 г. : стат. сб. М. : Росстат, 2013. С. 118, 119.*
- ⁸ См.: *Минимальный размер оплаты труда в России.* 2017. URL: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 20.03.2017); *Прожиточный минимум.* 2017. URL: <http://www.working-papers.ru,>prozhitochny-minimum-rf> (дата обращения: 20.03.2017).
- ⁹ См.: *Рынок труда России : проблемы и перспективы.* URL: <http://www.ereport.ru >truda-rossii-problemy...perspektivi> (дата обращения: 21.02.2017).
- ¹⁰ См.: *Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ.* Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Ст. 134.
- ¹¹ См.: *Трудовые отношения и коллективные действия в современной России : политические, правовые и социальные аспекты / отв. ред. А. Кацва, П. Кудюкин, С. Патрушев. М. : Эдиториал, 1999. С. 261–268.*
- ¹² Рассчитано по: *Социальное положение и уровень жизни населения России.* 2013 : стат. сб. М. : Росстат, 2013. С. 56 ; *Социальное положение и уровень жизни населения России.* 2015 : стат. сб. М. : Росстат, 2015. С. 57.
- ¹³ См.: *Социальное положение и уровень жизни населения России.* 2013. С. 96.
- ¹⁴ См.: *Рыбакова Т.* Яхтунг // *Совершенно секретно.* 2015. 6–13 окт. С. 25.

Образец для цитирования:

Кочетов А. Н., Журавлёв А. Л. Цена труда как фактор национальной безопасности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2018. Т. 18, вып. 1. С. 13–18. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-13-18.

Cite this article as:

Kochetov A. N., Zhuravlev A. L. Price of Labor as the Factor of National Security. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology,* 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 13–18 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-13-18.

УДК 316.344.3

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Б. Р. Могилевич

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mogilevich@sgu.ru

Рассмотрена структура социальной коммуникации в междисциплинарном ракурсе. Показано, что социальная коммуникация имеет основой социальные, психологические и лингвистические компоненты. Дана характеристика каналов социальной коммуникации, коммуникативной компетенции и коммуникативной ситуации и целей. Особое внимание уделено содержанию информации социальной коммуникации. Приведены характеристики языковой компетенции в ракурсе социального контекста. Обоснована связь коммуникативной компетенции и экстралингвистической ситуации в рамках оппозиции «свой – чужой». Представлены основные характеристики структуры социальной коммуникации, необходимые для достижения коммуникативной цели.

Ключевые слова: социальная коммуникация, экстралингвистическая ситуация, языковая и коммуникативная компетенции, социальный контекст.

The Structure of Social Communication

B. R. Mogilevich

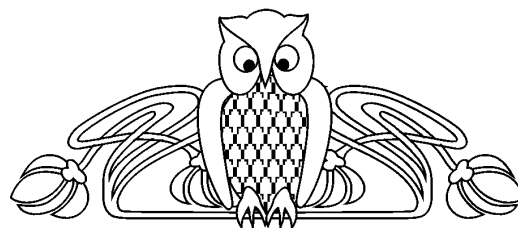
Bronislava R. Mogilevich, ORCID 0000-0002-4986-9183, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, mogilevich@sgu.ru

The article deals with interdisciplinary status of the social communication structure. It is shown that social communication is based on social psychological and linguistic components. The social communication channels, communicative competence and communicative situations and goals are characterized. The special attention is paid to the content of the social communication information. The main characteristic features of languages competence from the point of view of social context. The correlation between communicative competence and extralinguistic situation within the opposition “non-alien–alien” is stated. The structural peculiarities of communicative process necessary for achieving communicative goals are presented.

Key words: social communication, extralinguistic situation, language and communicative competences, social context.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-19-21

Communication is a complex and multilevel phenomenon. On the one hand, it is a process of information exchange, aimed at communicators' mutual understanding and mutual activity. On the other hand, it is a realization of many-sided system of social interaction. The well-known sociological communication model integrates sociological, psy-

chological and linguistic components of generating speech actions¹. According to this model, social structures and linguistic norms complement each other and, in their turn, influence social changes and social codes. Human communication consists of socially acceptable and mutually conditioned utterances (texts). Summarizing the investigations on this problem, R. Bell proposed his original system of communication channels:

- independent – dependent;
- static – dynamic;
- sound – visual.

Here, dependent channels include linguistic means and independent channels are presented by non-linguistic (gestures, facial expressions, space proximity) ones. Independent and dependent channels complement each other though some communicative situations demand the use of non-verbal means, only.

Static channels are represented by written language and by such static means as poses. Dynamic communication channels are reflected in oral speech, intonation, voice timbre and gestures.

Sound and visual channels are the most vivid manifestation of the dichotomy: written language – oral speech. However, some paraverbal means (exclamations and so on) can be visual and sound simultaneously².

The channel choice and its correlation with other social skills characterize the level of language user communicative competence. Needless to say, that communicative competence incorporates the concept of language competence, as an inborn knowledge³.

D. Searle considers language competence from the point of view of social aspects of language usage, that is language competence forms the basis of communicative competence which makes it possible to generate utterances (texts) in a correlated context.

Thus, it is quite legitimate to affirm that communicative competence integrates language competence (the choice of language code) with social consequences of human interaction. Moreover, communicative competence allows language users to distinguish acceptability/unacceptability of speech actions in various situations – that is to distinguish aliens from non-aliens⁴.

U. Habermas defines communicative competence as the ability to take part in social interaction in accordance with extralinguistic situation pattern. It is quite obvious that communicative competence

influences the choice of communicative channels in the course of transmitting information⁵.

In its turn, information incorporates three components:

- cognitive information deals with semantics and presents the subject of linguistics;
- indexal information reflects sociological and psychological characteristics of language users, which provides the communication to better evaluate each other in the course of interaction;
- regulative component of information serves as the means of constructing the proper communication patterns in terms of space, behavior, start and conclusion of interaction⁶.

As for the concept of communication situation, the thing is, it is always conditioned by social human nature of communicators. D. Hymes introduced his original taxonomy model of situation components in the form of the acronym speaking:

- setting;
- participants;
- ends;
- act sequence;
- key;
- instrumentalities;
- norms;
- genres.

Here: setting presents temporal and special characteristics; participants – communicators; ends – goals and outcome; act sequence – format and content; key – the manner of performing communication; instrumentalities – communication channels; norms – the rules of performing communication; genres – text typology⁷.

Thus, communication is considered from the following points of view: communication channels, correlation of linguistic codes with various extralinguistic situations, information content.

In the course of social communication the participants pursue three types of goals:

- cognitive – generating, distributing and acquiring information;
- motivative – stimulating activity;
- expressive – expressing and acquiring emotions.

While achieving these goals, the participants perform three types of social actions:

- imitating – distributing and acquiring new meanings and tendencies, which makes it possible to inherit traditions, customs (background knowledge);
- dialog – the equality of subject-subject relations between communicators;
- governing – subject-object type of communicators relations.

Nevertheless, the above mentioned types of social actions can complement each other, but one type dominates.

In their turn communicative social actions are performed at three levels of social communication. Microcommunication level means:

- the individual exchange of ideas and points of view (dialog); instructions (governing);
- copying actions and examples (imitating).

Group communication at this level is presented in the following forms:

- references (imitating referential social groups); management (group governing);
- socialization (mastering social norms and social values);
- authorship (despotic government).

At midcommunication level social communication is represented by:

- fashion – transmitting attractive ideas, moral norms;
- negotiations – multisubjective dialogs;
- group hierarchy – limitation by group norms;
- adaptation – occurs between representatives of various ethnic groups, different cultures and religions;
- governing society – creation and propagation of ideas and meanings.

Macrocommunication level takes place in the course of interaction between states, cultures and civilizations. The forms of macrocommunication social actions are represented by:

- borrowing the achievements;
- cultural interaction under equal cultural dialog;
- information aggression.

Thus, the sociological structure of communication integrates the following components: communication channels, communicative and language codes, types of extralinguistic situations, types of information content, social actions, and communication levels.

Summing up, it is quite appropriate to consider communication as a process of generating, distributing and acquiring information aimed at achieving mutual understanding. It is a complex, multilevel process of social meanings' transmission within space and time. Only in the course of communication a human being realizes his/her personal potential. This process is characterized by heterogeneous structure and specific presentation at various stages of social development. Without taking into account this complexity it is impossible to reflect its unique character so important under globalization conditions.

Примечания

- ¹ См.: Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. С. 17.
- ² См.: Леонтьев А. А. Психология общения. М. : Смысл, 1999.
- ³ См.: Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life. Jumperz, 1972. P. 18–22.
- ⁴ См.: Сёрль Д. Природа интенциональных состояний //

- Философия, логика, язык : сб. ст. / сост. и предисл. В. В. Петрова ; общ. ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 136–140.
- ⁵ См.: *Хабермас Ю.* Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов // *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. М. : Весь мир, 2011. С. 15–26.
- ⁶ См.: *Хомский Н.* О природе и языке. М. : КанКнига, 2005. С. 82.
- ⁷ См.: *Белл Р.* Социоллингвистика. М. : Международные отношения, 1980.

Образец для цитирования:

Могилевич Б. Р. Структура социальной коммуникации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 19–21. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-19-21.

Cite this article as:

Mogilevich B. R. The Structure of Social Communication. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 19–21. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-19-21.

УДК 327

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. Г. Сеидов

Сеидов Вадим Гаджиевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы, Дипломатическая академия МИД России, Москва, tabaris@mail.ru

Предметом данного исследования является транснационализация средств массовой коммуникации как явление, непосредственно связанное с процессом глобализации. На основе сравнения взглядов разных политологов анализируется место средств массовой информации и коммуникации в современном обществе в условиях перехода различных общественных отношений (экономических, политических) от уровней компетенции национальных государств на международный, наднациональный уровень. Особое внимание обращается на роль глобальной компьютерной сети Интернет, которая значительно влияет на углубление процессов глобализации, в частности, в информационной сфере. В статье подчеркивается и определяется значение Интернета как современного вектора транснационализации, при этом отмечаются и негативные социальные последствия глобального распространения Интернета. Автор выделяет объективные факторы транснационализации (появление и развитие медиабизнеса, основанного на применении новых технологий; возникновение универсального спроса на медиапродукты и новые технологии со стороны потребителей различных стран) и субъективные факторы (современные либеральные ценности; влияние средств массовой информации и коммуникации на общественное сознание и общественное мнение). В статье сравниваются показатели социальной эффективности Интернета и телеканалов. Делается вывод о том, что распространение влияния разных средств массовой информации, интенсивное развитие Интернета способствуют усилению влияния средств массовой коммуникации на региональных и глобальном уровнях, повышению их эффективности в процессе формирования и регулирования общественного мнения.

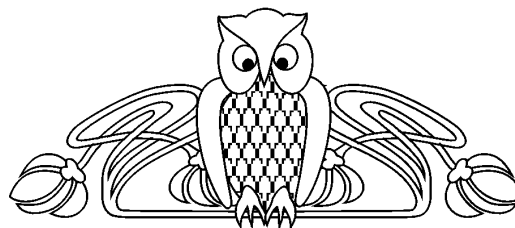
Ключевые слова: глобализация, средства массовой информации, средства массовой коммуникации, транснационализация, медиапродукты, информационно-коммуникационные технологии.

The Transnationalization of Mass Media in the Globalization Process

V. G. Seidov

Vadim G. Seidov, ORCID 0000-0002-4934-7318, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, 53/2, Stroenie 1, Ostozhenka Str., Moscow, 119021, Russia, tabaris@mail.ru

The subject of this research is the transnationalization of mass communication as a phenomenon directly related to globalization. Based on the comparison of the views of different scientists, the author analyzes the place of the media and communications in modern society, in the transition of different social relations (economic, political) of the levels of competence of national States at the international, suprana-

tional level. Special attention is drawn to the role of the global computer network Internet, which significantly affects the deepening of the globalization processes, particularly in the information sphere. The article emphasizes and defines the value of the Internet as a modern vector of transnationalization, but it has negative social consequences of the global spread of the Internet. The author distinguishes objective factors of transnationalization (the emergence and development of media business, based on the use of new technologies; occurrence of a universal demand for products and new technologies by consumers of different countries) and subjective factors (this is a modern liberal values; the impact of media and communication on public perception and public opinion). The article compares the indicators of social efficiency of the Internet and TV channels. The author comes to the conclusion that the spread of influence of different media, the rapid development of Internet contributes to the increasing influence of mass communications at the regional and global levels, enhancing the effectiveness of mass media in the formation and regulation of public opinion.

Key words: globalization, mass media, mass communication, transnationalization, media products, information and communication technology.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-22-26

Мы живем в условиях бурно развивающихся информационных и коммуникационных технологий, каждый новый качественный этап которых непосредственно приводит к обогащению содержания и формы современных средств массовой коммуникации (СМК). В свою очередь деятельность СМК под воздействием процессов глобализации, выходя за рамки национальных государств, приобретает международных характер. Такое положение вещей требует нового анализа оценки места СМК в современном обществе с точки зрения их транснационализации.

Не без определенного основания считается, что транснационализации сфер деятельности способствуют современные либеральные ценности. Выдвигается даже точка зрения о том, что «либерализм становится философией новой цивилизационной общности “транснациональных космополитов”, считающих себя гражданами мира, хотя, возможно, и хранящих некоторые культурные национальные ценности. Эта новая общность наилучшим образом соответствует целям транснационализации и глобализации»¹. Разделяя мнение о том, что либеральные идеи в нынешнем мире занимают довольно широкое место в глобальном политико-идеологическом пространстве, но при этом не абсолютизируя их значимости, можно подчеркнуть, что действительно свобода человека, финансов, товаров и т.п. ресурсов поощряет и поддерживает взаимо-

действие и взаимоотношения на наднациональном уровне. По мнению А. Акопянца, процесс транснационализации в основном порождают действия так называемых «акторов вне суверенитета». И в этой связи специалист утверждает, что «для «акторов вне суверенитета» международное сотрудничество и взаимозависимость становятся одной из немногочисленных форм реализации собственных стратегий. Поэтому культурологический аспект глобализации, экономическая взаимозависимость, а также новые информационные методы взаимодействия являются эффективными механизмами реализации целей и задач транснациональных акторов международных отношений»².

Таким образом, выясняется, что транснационализация – это феномен, непосредственно связанный с процессом глобализации, имеет место практически во всех сферах общества и предполагает выход деятельности отдельных отраслей той или иной сферы за рамки компетенции национальных государств на международный, наднациональный уровень.

Из такого определения выходит, что современное состояние СМИ в контексте их транснационализации означает, прежде всего, их международный уровень, региональный или глобальный географический охват, а также организацию и урегулирование их деятельности с учетом международных стандартов. К примеру, такие телеканалы, как ВВС, Euronews, AlJazeera и т. п. телекорпорации, сегодня неуместно считать сугубо национальными по той главной причине, что каждая из них с точки зрения своей зрительской аудитории претендует на региональный и глобальный масштаб.

Помимо этого, «под глобализацией СМИ и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) понимают глобализацию рынков, т.е. возникновение универсального спроса на медиапродукты и новые технологии со стороны потребителей различных стран. Это дает возможность продавать продукт всей мировой аудитории. Глобализация в организации производства осуществляется, когда в различных странах, для различных групп используются одни и те же, но переосмысленные модели медиабизнеса, основанные на применении новых технологий»³.

В разрезе транснационализации СМИ и глобализации стоит уделить особое внимание глобальной сети Интернет, которая с момента своего появления сильно влияет на углубление глобализационных процессов, в особенности в информационной сфере. В этом смысле начало использования интернет-контента в качестве одной из своих версий (электронной) со стороны традиционных видов СМИ является еще одним признаком их транснационализации. К примеру, в России уже в 1998–2000 гг. резко возрос интерес к сетевым СМИ, появились первые интернет-проекты.

Вообще, появление сетевых СМИ представляет собой особый высокий уровень транснационализации СМИ. Этот новый по своим качественным характеристикам процесс уже сейчас требует систематического подхода к вопросам, связанным с организацией и ведением так называемых сетевых СМИ. Правотношения, связанные с Интернетом, приобретают экстранациональный характер, где не срабатывают или могут быть неэффективными локальные правовые нормы учета законодательства в других странах.

При рассмотрении вопросов, связанных с Интернетом, отдельного внимания заслуживает такое современное социально-психологическое явление, как интернет-зависимость, которое уже утвердилось как самостоятельный предмет исследований в области общественно-гуманитарных наук. Легкий доступ, удобные мультимедийные технологии для поиска и потребления информации, разнообразные онлайн сервисы для общения и т. п. необходимые информационные возможности Сети выступают факторами усиления зависимости пользователей от нее. Многие смотрят на Интернет как на средство для преодоления одиночества. Собеседника в Интернете можно легко найти в любое время суток и в течение всей недели. Быстро можно преодолеть физическую отдаленность и ощущение расстояния. Интернет расширил социальные сети по всему миру. Кроме того, коммуникация может быть анонимной. Но при этом время интернет-общения не позволяет восполнить дефицит непосредственного эмоционального общения лицом к лицу. На сегодняшний день благодаря усилиям специалистов в области социологии, психологии и других наук выявлены факторы, обуславливающие интернет-зависимое поведение (социальная дезорганизация, слабая социальная интеграция, низкий самоконтроль, социальная тревога, низкая самооценка, депрессия, расстройства влечений, злоупотребление психоактивными веществами и т. д.).

Кроме того, учеными как результат зависимости от Глобальной сети выявлены случаи, связанные с серьезными отклонениями пользователей от норм реальной жизни. Чрезмерное пребывание в Интернете достаточно сильно негативно повлияло на повседневную жизнь многих людей. «При этом выявилась отчетливая тенденция роста таких явлений. Психологи Стэнфордского университета припомнили, что еще три года назад пользователи жаловались на то, что из-за компьютера и Интернета портились и нередко приобретали конфликтный характер семейные и партнерские отношения. Настораживают бурные темпы роста. Если тогда (3 года назад) число “пожаловавшихся” не превышало 6%, то сейчас оно выросло в 10 раз»⁴.

Однако стоит оговориться, что эти данные касаются реалий США, где, разумеется, Интернет берет свое начало и, по сути, является чуть

ли ни самым основным средством информации социального пользования. Еще стоит отметить, что «именно в США впервые появились специализированные медицинские учреждения, где “лечат” взрослых, потерявших работу, семью, оказавшихся в полном одиночестве, в состоянии глубочайшей депрессии и нервных расстройств. Это зло квалифицируется как IAD (Internet Addiction Disorder) – расстройство здоровья в результате интернет-зависимости»⁵. Таким образом, зависимость от Интернета представляет собой один из ярких эффектов популяризации Всемирной паутины в жизни людей.

В ряду социальных последствий негативно-го характера Интернета можно перечислить еще много аспектов, связанных с его деятельностью: киберпреступность, функционирование террористических и экстремистских сайтов, нарушение конфиденциальности информации, рассылка спама правонарушающего характера и т.д.

Однако в данном контексте, на наш взгляд, уместно отметить еще один момент, непосредственно связанный с социальными последствиями распространения Интернета. Речь идет о материалах порнографического характера, которые на сегодняшний день занимают широкое место на просторах Глобальной сети. С точки зрения нравственности и морали это означает, что Всемирная паутина со своими уникальными информационными возможностями превращается в виртуальное социальное пространство, которое представляет собой реальную угрозу нравственному воспитанию подрастающего поколения. Следующие цифры и факты подтверждают это мнение. В частности, «9 из 10 детей в США в возрасте от 8 до 16 лет видели порнографию в Интернете, в основном, случайно, готовя домашнюю работу», кроме этого, «более одной четверти (25,7%) детей в возрасте 17 лет и младше посещали сайт для взрослых, куда заходит около 3 миллионов несовершеннолетних. Из них 21,2% были младше 14 лет, а 40,2% были женского пола. В индустрии для взрослых около 20–30% человеческого трафика составляют дети. В настоящее время через Интернет распространяется до 75% детской порнографии в мире»⁶.

Говоря об Интернете, отдельно стоит отметить, что на сегодняшний день количество интернет-пользователей превысило 3,2 млрд человек. По официальным данным, «за прошедшие 15 лет количество людей, которые пользуются сетью, увеличилось в восемь раз». Примечательно и то, что «“Всемирной паутиной” уже охвачено 43% жителей Земли»⁷.

Кроме этого, согласно подсчетам специалистов, Северная Америка является континентом с высокой степенью проникновения Интернета – 77,4%. При этом в африканский континент Интернет проникает всего на 10,9%. А по всему миру это показатель равняется 28,5%. По количеству пользователей Интернета лидирует Азия,

их число превышает 825 млн чел. Разумеется, еще можно приводить разнообразные цифры и факты по самым различным параметрам и особенностям Глобальной сети. И они тоже будут доказывать всевозрастающий интерес к Интернету по всему миру⁸.

Иначе говоря, в современном мире Интернет представляет собой такой вид СМИ и информационную систему, которую уместно оценить как высокоэффективную и мультиэффективную.

Всеобщий и широкий охват Интернета доходит в наше время до такого уровня, что даже социальную значимость такого традиционного вида СМИ, как телевидение, невозможно описать вне воздействия сети на него. Иначе говоря, в наше время телевидение имеет широкое место и в Интернете. Кроме того, в силу своих колоссальных медийных возможностей в самой сети Интернет существуют многочисленные онлайн-порталы, где можно посмотреть любимые фильмы, сериалы, программы и т.д. К тому же многие каналы параллельно функционируют и в Интернете. Одним словом, телевидение и Интернет сегодня – это достаточно сильно взаимно переплетенные медийные системы.

Тем не менее, заслуживают внимания довольно свежие цифры и факты по поводу социальной эффективности телеканалов.

Сильная интеракция Интернета и телевидения обуславливает новый характер процесса телесмотрения. По данному поводу обратимся к цифрам. Так, «18% мировых потребителей ежедневно просматривает онлайн контент со своих телевизоров. 31% подключенных телезрителей смотрят потоковое видео, 29% – качают контент через интернет и 26% – просматривают “быстрый” контент. 1/5 провайдеров платного ТВ знает, что их кабельные, спутниковые или телеком провайдеры предлагают технологии, которые позволяют просматривать видео-контент на цифровых устройствах через сеть интернет. По данным NielsenCompanу, 70% офисных работников просматривают развлекательное онлайн видео на работе. WebTV стало популярным выбором телесмотрения. 25% владельцев планшетов смотрят телешоу и фильмы через подписку к услугам video-on-demand, например, Hulu или Netflix»⁹. Наряду с этим современное телевидение улучшает свое качество за счет новых креативных векторов. К примеру, хорошие обороты набирает развитие интерактивного телевидения, или IPTV, которое представляет собой последнее слово в области телекоммуникаций, сочетая в себе «два в одном» – широкополосный доступ к Интернету и цифровое ТВ. А также примечательны цифры по данному направлению ТВ. «По итогам 2014 года, мировой рынок IPTV составил более 117 миллионов домохозяйств, а Россия заняла 5-е место с 4,9 миллионами подключенных к IPTV пользователями. Согласно данным агентства iKS-Consulting, по итогам 2015 года

российский рынок платного цифрового ТВ был представлен в следующих пропорциях: 47% – кабельное ТВ, 41% – спутниковое телевидение, IPTV – 12%. При этом доля аналогового телевидения составила всего лишь 39% по сравнению с цифровым, на долю которого пришелся 61% подключенных домохозяйств»¹⁰.

Собственно по поводу телевидения стоит еще отметить, что, по аналитическим подсчетам, у него сужается молодежная аудитория. Если брать примеры из российских реалий, то больше 70% населения составляют активную зрительскую аудиторию. «По данным TNS TV Index (100000+), детская и молодежная аудитория постепенно, но уверенно уменьшается: среди зрителей 4–17 лет их количество упало на 2% (до 59%), а зрителей 18–34 лет – на 1% (60%). Верными зрителями российского телевидения остаются, в основном, люди из старшей возрастной аудитории: у людей в диапазоне 35–54 лет процент телесмотра составляет 78%, а у людей старше 55 лет эта доля – 84%»¹¹. Закономерен вывод о том, что общий возраст телезрителей стареет. Однако при этом примечательны и другие данные, а именно «притягательность телевидения настолько велика, что лишь единицы горожан в возрасте 35+ могут обходиться без него: 86% смотрят телевизор каждый или почти каждый день и 99% – хотя бы раз в неделю. В среднем, каждый горожанин 35+ проводит перед телевизором 20,5 часов в неделю. На этом фоне молодежь действительно можно назвать мало смотрящей телевизор (чуть более 14 часов в неделю)»¹².

Как бы там ни было, в рамках рассматриваемой проблемы смело можно утверждать, что телевидение в современном мире продолжает успешно выполнять традиционные функции со своими новыми телекоммуникационными технологиями, взаимно переплетающиеся с технологиями Интернета. Но неоспорим и тот факт, что появление Интернета в той или иной мере негативным образом повлияло на аудиторию телезрителей.

Разумеется, процесс глобализации влияет на деятельность такого важного вида традиционных СМИ, как газета. В соответствии с закономерностями рыночных отношений и свободы слова тиражи газет в целом в последние несколько десятилетий увеличиваются, круг читателей отдельно взятых изданий расширяется. Однако, как показывает анализ, в последние несколько лет во всемирном масштабе тиражи газет имеют тенденцию к сокращению.

Кроме этого специалистами определены самые популярные газеты в современном мире, которые имеют наибольший тираж. Согласно им, первое место занимает японская газета «The Yomiuri Shimbun», которая ежедневно выходит в количестве 14 млн экземпляров. Далее в списке газет с наибольшим тиражом – японская «Asahi»

с 12,6 млн экземпляров и китайская «Sichuan Ribao», ее тираж 8 млн экземпляров. В первой сотне самых популярных в мире газет – 17 китайских изданий. По этому показателю Китай уступает только Японии, которая лидирует и по количеству самых читаемых изданий – их в списке 21. Кроме этого, стоит обратить внимание на то, что в Европе самая тиражируемая газета – это немецкая «Bild» с 6 млн экземпляров. Десятку самых популярных газет замыкает ежедневник – «Московский комсомолец», который выпускается в России, странах СНГ и за рубежом тиражом 1,77 млн экземпляров. Разумеется, «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Коммерсант», «Из рук в руки» тоже являются популярными в России¹³.

Приведенные выше СМИ – далеко не полный список всех мировых популярных газет. Но цифры, касающиеся их, дают основания утверждать то, что процессы транснационализации и глобализации имеют реальное влияние и на жизнь газет. Однако и здесь стоит упомянуть один момент, что с появлением Глобальной сети возникли и принципиально новые СМИ – электронные газеты, которые имеют ряд особенностей. Одна из них состоит в том, что эта газета постоянно обновляется, часто хорошо иллюстрирована, в ней, как правило, нет законченных статей.

Несомненно, одним из ярких социальных отражений деятельности СМИ на сегодняшний день выступает реклама, которая представляет собой многогранный медиа-маркетинговый и социальный феномен глобального масштаба. Одновременно это мощное доходное звено мировой финансовой системы выступает и признаком транснационализации СМИ. Так, например, в современном мире сформировались крупнейшие международные рекламные агентства и холдинги, чьи доходы в год насчитывают миллиарды долларов США. К примеру, в десятку таких рекламных гигантов включают: WPP, Omnicom Group, Publicis Groupe, Interpublic Group of Cos, Dentsu, Aegis Group, Hakudoho DY Holdings и т. д. Следует отметить, что каждый из них имеет однозначно транснациональный характер, и каждая из компаний представляет собой эффективную медиа- и маркетинговую систему, структуру которых составляют различные рекламные группы, имеющие специализацию по товарам и по географии рынков, а также PR-агентства, группы, продвигающие цифровые коммуникации, и т. п. Мировые рекламные холдинги функционируют в основном за счет деятельности медиагрупп, которые занимаются медиаразмещением. Иначе говоря, каждая из компаний представляет собой разветвленную международную структуру, которая непосредственно влияет на национальные рекламные рынки. Кроме этого, функционируют международные рекламные объединения, такие как, например, Transworld Advertising Agency Network (TAAN), в состав которого входит 46

агентств из 29 стран, или IN Network – международный рекламный гигант, включающий в себя 95 крупных рекламных агентств их 80 стран¹⁴.

Стоит обратить внимание на аналитические мнения по прогнозу глобального рекламного рынка. Согласно утверждениям, излагаемым в конце 2015 г., «уже в следующем году расходы на медиа и маркетинг приблизятся к одному триллиону долларов. Если в текущем году объем рекламного рынка составит 924 млрд долларов, то в следующем году этот показатель достигнет 965 млрд». И вообще прогнозы по поводу стабильного роста доходов от рекламного рынка довольно оптимистичны. В частности, по подсчетам специалистов, «глобальный рекламный рынок может рассчитывать на стабильный рост вплоть до 2019 года. По прогнозам Zenith Optimedia, по итогам 2015 года расходы вырастут на 3,9%, в 2016-м – на 4,7%, в 2017-м – на 4,3%, в 2018-м – на 4,2%»¹⁵.

В заключение следует отметить, что в современном мире социальная значимость СМК увеличивается за счет создаваемых и успешно применяемых в информационной сфере инноваций. Транснационализация деятельности СМК с точки зрения исторического времени ее становления уместно оценить как закономерный процесс. Однако при этом на транснационализацию всех сфер, в том числе сферы СМК, активно влияют как объективные, так и субъективные факторы. Основной вывод заключается в том, что все более расширяющаяся зона влияния деятельности отдельно взятых видов СМИ, а также интенсивно развивающийся Интернет способствуют укреплению форм СМК на региональном и глобальном уровнях и развитию функций СМК в формировании и преобразовании общественного мнения.

Примечания

- ¹ Мовсесян А. Г. Философия транснационализации // Вестн. Финанс. ун-та. 2000. № 3. С. 40.
- ² Акопянц А. Транснационализация современного миро-

вого политического процесса и «акторы вне суверенитета» // Власть. 2013. № 1. С. 177.

- ³ Сергеев Е. Ю. Средства массовой коммуникации в условиях глобализации // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 1. С. 121.
- ⁴ Еляков А. Д. Благо и зло : жгучий парадокс Интернета // Философия и общество. 2011. № 2. С. 66–67.
- ⁵ Там же. С. 67.
- ⁶ Статистика порнографии во времени (Только цифры, только факты). URL: http://warmen.at.ua/news/statistika_pornografii_vo_vremeni_tolko_cifry_tolko_fakty/2010-07-06-5 (дата обращения: 25.12.2017).
- ⁷ Количество пользователей Интернета в мире достигло 3,2 млрд человек. URL: <http://pronedra.ru/internet/2015/05/26/kolichestvo-polizovatelej-interneta> (дата обращения: 26.12.2017).
- ⁸ См.: Мировая статистика интернета. URL: <http://cospi.ru/mirovaya-statistika-interneta/> (дата обращения: 20.12.2017).
- ⁹ Попова И. Интересные факты мирового телесмотрения. URL: <http://uadigital.tv/2013/02/01/interesnye-facty-telesmotreniya> (дата обращения: 20.12.2017).
- ¹⁰ Интерактивное телевидение : от возможностей технологии до алгоритма подключения и настройки // Комсомольская правда : [сайт]. URL: <http://www.kp.ru/guide/interaktivnoe-televidenie.html> (дата обращения: 20.12.2017).
- ¹¹ Телевидение России теряет молодёжную аудиторию, а большую часть зрителей составляют люди в возрасте, сообщает «Sostav.ru». URL: <http://mediasat.info/2015/04/23/russiatvviewing> (дата обращения: 20.12.2017).
- ¹² Смотрит ли молодежь ТВ. URL: <http://viptrend.ru/analytics/1657.html> (дата обращения: 26.12.2017).
- ¹³ См.: Самые популярные газеты в мире. URL: <http://samogoo.net/samyie-populyarnyie-gazetyi-v-mire.html> (дата обращения: 20.12.2017).
- ¹⁴ См.: Крупнейшие мировые агентства. URL: http://studme.org/1254092310229/marketing/kрупнейshie_mirovye_agentstva (дата обращения: 20.12.2017).
- ¹⁵ Мировой рынок рекламы достигнет \$1 трлн. URL: <http://viptrend.ru/analytics/1685.html> (дата обращения: 20.12.2017).

Образец для цитирования:

Сеидов В. Г. Транснационализация средств массовой коммуникации в процессе глобализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 22–26. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-22-26.

Cite this article as:

Seidov V. G. The Transnationalization of Mass Media in the Globalization Process. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 22–26 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-22-26.

УДК 316.324.8

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М. С. Ивченкова, К. Э. Багирова

Ивченкова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, m.ivchenkova@gmail.com

Багирова Карина Эдуардовна, преподаватель кафедры английского языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, bagirova_karina@bk.ru

В статье представлен обзор основных подходов и концепций глобализации, который подводит нас к пониманию, что общество знания может возникнуть и развиваться только в глобальном и информационном обществе. Концепция общества знания позволяет осознать невозможность глобализации без развития информационно-коммуникативных, сетевых технологий. Верно и обратное. Таким образом, становление общества знания и глобализация – это взаимодополняемые элементы. Рассуждая о взаимосвязи глобализации и общества знания, необходимо учитывать рост значимости не только научного, но и обыденного знания, а также фиксировать возможные риски, связанные с глобализацией и развитием науки.

Ключевые слова: глобализация, общество знания, глобальное общество знания, новые политические практики.

Opportunities and Prospects for the Knowledge Society Development in the Era of Globalization

M. S. Ivchenkova, K. E. Bagirova

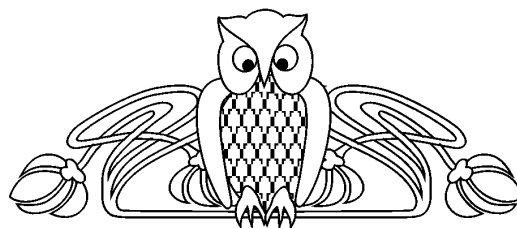
Maria S. Ivchenkova, ORCID 0000-0002-9297-814X, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35, Bld. 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia, m.ivchenkova@gmail.com

Karina E. Bagirova, ORCID 0000-0002-2861-6689, MGIMO-University, 76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia, bagirova_karina@bk.ru

The article covers an overview of the main approaches and concepts of globalization, that giving an understanding of development the knowledge society only in the global and information society. The concept of the knowledge society makes it possible to realize the impossibility of globalization without the development of information, communication and network technologies. The opposite is also true. Thus, the knowledge society development and globalization are becoming complementary elements. Arguing about the relationship between globalization and the knowledge society it is necessary to consider the growing importance of not only scientific but also ordinary knowledge, and also to fix the possible risks associated with globalization and the development of science.

Key words: globalization, knowledge society, global knowledge society, new politic practices.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-27-29

В науке понятие «глобализация» получило широкое использование лишь в 1980-х гг. Первые исследования были основаны на экономическом аспекте, таким образом, сделав экономистов пионерами среди теоретиков глобализации.

Анализируя экономическую глобализацию, экономисты исследовали интеграцию рынков, становление транснациональных корпораций и международную торговлю, трудовую миграцию и т.д. С точки зрения экономической теории, глобализация – наивысшая ступень международной экономической интеграции, когда суммарный объем международных рынков в стоимостном выражении превышает объемы национальных рынков и межрегиональный, внутриблочный обмен. Экономическая глобализация включает создание зон свободной торговли, таможенных и валютных союзов. С экономической глобализацией также сопряжен феномен информатизации экономики, ключевыми категориями которой выступают «информация», «знание» и «информационные технологии».

Позже к исследованиям экономистов подключились теоретики международных отношений, которые стали рассматривать глобализацию как транснационализацию (Дж. С. Най, Р. О. Кеохейн, Р. Н. Купер, Л. Кроз, Дж. Н. Розенау¹ и др.). Транснационализацию рассматривали как утрату государствами монопольного положения субъекта международных отношений – в результате вызова, который государственному суверенитету бросали транснациональные корпорации, международные организации, неправительственные организации, крупные финансовые центры.

Вслед за концепциями транснационализации появляются теории культурной глобализации и глобальной культуры (П. Бергер, Дж. Ритцер, С. Хантингтон, Р. Робертсон² и др.). Здесь глобализация рассматривается как процесс взаимопроникновения культур, превращение мира в единое социокультурное и коммуникативное поле, как процесс столкновения различных культур и цивилизаций, как вестернизацию и «макдонализацию».

Концепции культурной глобализации можно разделить на два направления. В рамках первого подхода глобальная культура рассматривается в качестве гетерогенного образования, складывающегося на основе взаимодополнения и смешения различных культур вследствие естественного исторического развития. К данному направлению можно отнести работы Р. Робертсона³ с введенным им понятием «глокализации».

В рамках второго направления глобальная культура рассматривается в качестве гомогенного по западному образцу образования, подчиненного функционированию глобального рынка. Здесь глобализация трактуется как искусственно созданный идеологический конструкт, внедряемый при помощи СМИ и современных информационно-коммуникативных технологий.

Наиболее всестороннее изучение процесс глобализации получил в социологических теориях глобализации Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана, Дж. Нейсбита, Д. Хелда, Дж. Урри⁴. Необходимо отметить синтетический характер социологических подходов, согласно которым глобализация понималась шире «транснационализации», «интеграции», «столкновения культур». С точки зрения социологического подхода, понятие «глобализация» описывает не только процессы взаимодействия между, но и процессы изменения внутри наднациональных, национальных и локальных социальных единиц. Социологи рассматривают глобализацию не только как интеграцию, но и как сопротивление ей.

Э. Гидденс рассматривает глобализацию в качестве «радикализации модерна», необходимого последствия современности. Общество модерна отличается от традиционного общества целым рядом характеристик, но важнейшим изменением, связанным с модернизацией, выступает переход от социальных связей и солидарности на основе взаимодействия «лицом к лицу» к соответствующим связям и солидарности на основе опосредованных взаимодействий⁵. Наступление эпохи модерна разорвало пространство и время. Глобализация становится продолжением описанной тенденции к росту значимости растянутых социальных связей, которая становится возможной благодаря развитию современных информационно-коммуникативных технологий.

Глобализация представляет собой не один односторонний процесс, а сочетание целого комплекса взаимосвязанных, зачастую противоречивых процессов. Динамика развития задается и постоянной трансформацией социальных практик в зависимости от поступающей информации. В связи с последним темпы социальных изменений значительно ускоряются, становятся все менее предсказуемыми и поддающимися контролю. Многократное увеличение новых знаний о мире делает его все менее предсказуемым, развитие науки способствуют появлению новых рисков.

Осмысление рисков находит свое концептуализацию в работах У. Бека, по мнению которого процесс превращения множества национально-государственных обществ Первого модерна в единое мировое общество риска Второго модерна следует называть не глобализацией, а «космополитизацией». Космополитизация представляет собой не только процесс усиления внешних взаимосвязей, но и внутренние изменения, космополитизацию изнутри (индивидуализацию).

Глобализация как диалектический процесс создания транснациональных связей и пространств, обесценивающий локальные и создающий смешанные культуры, – это не новое явление. На современном этапе глобализация становится следствием всепроникающего воздействия новых рисков и соответствующей всемирной солидарностью страха перед их лицом.

Глобализация изменяет общественное сознание и самоопределение каждого индивида в мире. У. Бек определяет глобализацию в категориях не пространственно-временного измерения, а изменения общественного сознания, становления космополитического самосознания⁶.

Исторической особенностью современной глобализации является достигнутый уровень неустранимой «глобальности». Под «глобальностью» Бек понимает качественное увеличение космополитического самосознания, самовосприятия в рамках мирового общества. При этом под «мировым обществом» понимается «общность социальных отношений, которые не могут интегрироваться в национально-государственную политику или определяться ею»⁷. «Под глобализацией, таким образом, подразумевается и отсутствие всемирного государства. Точнее: наличие мирового общества без всемирного государства и без всемирного правительства. Речь идет о расширении глобально дезорганизованного капитализма»⁸.

У. Бек выделяет восемь причин, не позволяющих устранить глобальность: расширение пространства и экономическая глобализация; продолжающаяся информационная и коммуникационно-техническая революция; борьба за права человека; глобальная культура; постинтернациональная, полицентричная мировая политика; проблема глобального неравенства; экологические проблемы; транскультурные конфликты.

Обзор различных подходов и концепций глобализации подводит нас к пониманию, что общество знания может возникнуть и развиваться только в глобальном и информационном обществе, без единого глобального правительства, солидарность которого основывается на общем, если не научном, то обыденном знании и едином глобальном сознании.

Концепция общества знания позволяет осознать невозможность глобализации без развития информационно-коммуникативных, сетевых технологий. Верно и обратное. Развитие информационно-коммуникативных технологий невозможно без научно-технического прогресса, изучения и умножения знаний. Последнее невозможно без коммуникации, поскольку, в силу неисчерпаемого характера информации, коммуникация в широком смысле есть способ не только приумножения, но и существования знания. Наконец, какие бы то ни было ограничения коммуникации противоречат самой логике этого процесса. В итоге, познание и развитие информационных технологий способствуют гло-

бализации. Глобализация, взаимосвязанность коммуникаций способствуют развитию информационных технологий. Таким образом, становление общества знания и глобализация – это взаимодополняемые элементы.

Говоря о взаимосвязи глобализации и общества знания, мы учитываем, во-первых, рост значимости не только научного, но и обыденного знания, а во-вторых, не только перспективы, но и возможные риски, связанные с глобализацией и развитием науки.

Общества прошлого можно рассматривать как прообразы или ранние формы «общества знания». Доказательством этого, по мнению Н. Штера, выступает тот факт, что господство и прежде «никогда не опиралось только на физическую силу – оно всегда предполагало превосходство в знании»⁹. Само поддержание господства, как и воспроизводство общества, требовало воспроизводства культуры, а следовательно, и воспроизводства знания. Так, расцвет отдельных цивилизаций был обусловлен их превосходством в знаниях и технологиях.

«Знание – универсальное свойство человека»¹⁰. Коммуникация – это способ существования и приумножения знания и информации. Знание в трансформирующемся постиндустриальном обществе носит интересующий характер, а субъектом познания и мышления выступает не индивид, а группа. Процессы глобализации усиливают коммуникативные связи людей благодаря развитию информационных технологий и, как следствие, с невиданной ранее скоростью распространяют как научное, так и обыденное знание. Эти взаимопроникающие процессы ведут к разрушению старых и выработке новых социальных форм сетевого характера. В силу высокой скорости умножения знания повышается интенсивность проникновения сетевых форм социального взаимодействия, что ведет к условности и текучести институциональных границ.

Важным вопросом для общества знания в эпоху глобализации становится контроль над умножением знания. Все этапы продуцирования и распределения знания как процесса функционирования социума столкнутся рано или поздно, с одной стороны, с проблемой обеспечения равного доступа к коммуникациям и технологиям, с другой – с проблемами информационной собственности, персонализации и приватности.

Поэтому наблюдение и контроль над знанием в глобальном обществе знания становится приоритетом и вектором новых политических практик, опирающихся на общечеловеческие ценности.

В основе новых политических практик, направленных на формирование и развитие общества знания, лежит стремление противостоять тенденции к диссипации через укрепление универсальных международных институциональных структур, с опорой на общие принципы и ценности, включая международное право, понятия о справедливости, равенстве и гуманизме.

Примечания

- 1 См.: Linkage Politics : Essays on Convergence of National and International Systems / ed. by J. Rosenau ; Princeton Center of International Studies. N. Y. : Free Press, 1969 ; Transnational Relations and World Politics / R. O. Keohane, J. S. (Jr) Nye (ed.). Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1972 и др.
- 2 См.: Многоликая глобализация : культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004 ; Robertson R. Globalization : Social Theory and Global Culture. L. : Sage Publications, 1992 ; Рутцер Д. Макдонализация общества. М. : Праксис, 2011 ; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003 и др.
- 3 См., например: Robertson R. Op. cit.
- 4 См.: Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004 ; Бек У. Что такое глобализация. М. : Прогресс-Традиция, 2001 ; Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь мир, 2004 ; Нейсбит Д. Мегатренды. М. : АСТ, 2003 ; Хелд Д. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М. : Праксис, 2004 ; Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : ИД ВШЭ, 2012.
- 5 См.: Гидденс Э. Последствие современности. М. : Праксис, 2011.
- 6 См.: Бек У. Космополитическое мировоззрение. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
- 7 Бек У. Что такое глобализация. С. 25.
- 8 Там же. С. 29.
- 9 Штер Н. Мир из знания / пер. с нем. А. Н. Малинкина // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 33.
- 10 Там же.

Образец для цитирования:

Ивченкова М. С., Багирова К. Э. Возможности и перспективы становления общества знания в эпоху глобализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 27–29. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-27-29.

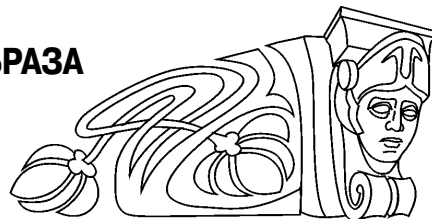
Cite this article as:

Ivchenkova M. S., Bagirova K. E. Opportunities and Prospects for the Knowledge Society Development in the Era of Globalization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 27–29 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-27-29.

УДК 316.728

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на примере Оренбургского государственного университета)

М. С. Перминова, З. Ю. Переселкова

Перминова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, ms-perminova@rambler.ru

Переселкова Зинаида Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии науки и социологии, Оренбургский государственный университет, anizz@yandex.ru

Статья посвящена изучению ориентации студентов на здоровый образ жизни, а также использованию потенциала вуза для укрепления своего здоровья. Рассмотрены основные компоненты здорового образа жизни, выделены профилактические мероприятия по укреплению здоровья. Проанализированы мероприятия, проводимые в Оренбургском государственном университете, направленные на поддержание и пропаганду здорового образа жизни. Администрация вуза проводит активную политику, направленную на пропаганду и поддержание здоровья студенческой молодежи, которая включает в себя: организацию деятельности учреждений по оказанию первичной медико-санитарной помощи, работу сети учебно-спортивных комплексов и секций, проведение мероприятий, нацеленных на популяризацию здорового образа жизни. В то же время исследование показало, что имеющиеся возможности учебного заведения могли бы использоваться более эффективно. Во внеучебное время спортивные секции работают на платной основе, при этом отсутствует система скидок для студентов. Система информирования о мероприятиях вуза, связанных с пропагандой здорового образа жизни, разработана недостаточно; значительная часть студентов о них ничего не знают. Обращаются за медицинской помощью в студенческую поликлинику только треть опрошенных студентов, и основной целью названо получение справки для деканата, подтверждающей уважительную причину пропусков учебных занятий. Результаты опроса свидетельствуют о том, что большое число студентов считают здоровье необходимым условием жизненного успеха и выделяют его среди главных жизненных ценностей, но лишь половина опрошенных уделяют ему должное внимание, используя для его сохранения и улучшения скудный перечень факторов ЗОЖ.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, компоненты здорового образа жизни, студенческая молодежь, вуз, Оренбургский государственный университет.

**On the Formation of Healthy Lifestyles Students
(for Example Orenburg State University)**

М. S. Perminova, Z. Y. Pereselkova

Maria S. Perminova, ORCID 0000-0002-0462-3681, Bryansk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 18, Gorkogo Str., Bryansk, 241050, Russia, ms-perminova@rambler.ru

Zinaida Y. Pereselkova, ORCID 0000-0003-1021-8823, Orenburg State University, 13, Pobedy Str., Orenburg, 460018, anizz@yandex.ru

The article is devoted to the study of the students' orientation to a healthy lifestyle and to the using of the University's potential to improve their health. The main components of a healthy lifestyle are considered, and the main preventive actions for promoting health are described in the article. The events of Orenburg State University that aimed at maintaining and promoting healthy lifestyles are analyzed. The administration of the University realizes an active policy of promotion and maintenance of students' health, which includes: the organization of institutions for the provision of primary health care, the functioning of educational and sports complexes and clubs, and events aimed at promoting a healthy lifestyle. At the same time, the study showed that the opportunities of the institution could be used more efficiently. During extra-curricular time sports sections operate on a fee basis with no discounts for students. The system of informing students about the University's events that related to the promotion of healthy lifestyles is underdeveloped; most students know nothing about such events. Only a third part of students seek medical help in the student clinic, and getting some certificates that confirm a valid reason of missing classes for a dean is called the main purpose. The results of the survey indicate that most of students consider health as a necessary condition of successful life and choose it among the main life values, but only a half of the respondents pay health a due attention using the meager list of factors of a healthy lifestyle to maintain and improve health.

Key words: healthy lifestyle, components of a healthy lifestyle, students, university, Orenburg State University.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-30-36

В настоящее время одним из основных факторов сохранения здоровья, увеличения продолжительности жизни, профилактики различных заболеваний выступает ведение здорового образа жизни – оптимальной организации поведения человека в повседневной жизни, позволяющего ему, максимально используя собственные духовные и физические качества, достигать физического, душевного и социального благополучия. Другими словами, здоровый образ жизни (ЗОЖ) объединяет все, что способствует выполнению человеком своих профессиональных, общественных и бытовых функций в оптимальных для здоровья условиях и выражает ориентированность на формирование, сохранение и укрепление своего здоровья.

Рассматривая такую категорию, как здоровый образ жизни, отметим, что это интегральное понятие, характеризующее степень реализации потенциала конкретного общества, социальной группы, индивида в обеспечении здоровья, сте-

пень социального благополучия как единства уровня и качества жизни, степень эффективности функционирования социальной организации в ее отнесении к ценности здоровья¹.

Как показывает анализ научных трудов, проблемы здоровья населения рассматриваются, как правило, по следующим направлениям:

- 1) влияние образа жизни на здоровье человека;
- 2) выявление факторов риска для здоровья;
- 3) исследование самоохранительного поведения человека.

На наш взгляд, данные направления могут быть использованы в качестве модели исследования здоровья не только населения в целом, но и отдельных социальных групп, например молодежи как особой социально-демографической группы общества. Она выделяется на основе совокупности своих возрастных характеристик, особенностей социального положения, а состояние ее здоровья является одним из важнейших факторов обеспечения безопасности и стабильности государства. В этих условиях задача укрепления здоровья населения, обеспечения доступности здорового образа жизни, а также его пропаганды становится первоочередной. Здоровье граждан государства, в особенности детей и молодежи, является богатством нации, залогом ее развития и процветания.

В России в последние десятилетия разработан целый комплекс национальных проектов и программ – «Дети России», «Здоровье», «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы»², «Охрана здоровья матери и ребенка», «Профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни. Развитие первичной медико-санитарной помощи»³, направленных на формирование у населения культуры здоровья и здорового образа жизни; повышение мотивации к сохранению своего здоровья; ведение активного медицинского просвещения; снижение масштабов алкоголизма и наркомании; создание условий, благоприятствующих росту рождаемости, повышению престижа материнства и отцовства; развитие физической культуры и спорта; а также на обеспечение доступности и качества медицинской помощи. Однако, несмотря на разнообразие программ и проектов, на протяжении последних десятилетий в России отмечена тревожная тенденция ухудшения здоровья молодежи, ее физической подготовленности. Большая часть молодых людей уже к двадцати годам имеют хронические заболевания, уровень рождаемости в стране лишь в нескольких регионах превышает уровень смертности⁴. Это связано не только с изменениями, произошедшими в экономике, экологии, условиях труда и быта российского населения, но и с недооценкой в обществе такой ценности, как здоровье. Поэтому формирование потребности у молодежи в здоровом образе жизни, его пропаганда должны стать

важнейшей задачей не только общества в целом, государства, но и таких социальных институтов, как семья, образование и религия. Немаловажным является и социологическая диагностика здоровья молодой части населения как условие оптимизации социальной политики охраны здоровья подрастающего поколения в субъектах Российской Федерации.

В государственных документах об образовании («Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», Закон «Об образовании в РФ» и др.) как одна из важнейших для образовательных учреждений разного уровня и профиля ставится задача формирования у молодых россиян (прежде всего студентов как будущих специалистов) ценностного отношения к здоровому образу жизни. Ученые акцентируют внимание на том, что студент – это развивающаяся личность, нуждающаяся в особо продуманной системе поддержки здоровьесбережения, легко ранимый с позиций здоровья контингент. В возрастной периодизации человека студенческий возраст (17–25 лет) определяется как поздняя юность или ранняя зрелость. Помимо интенсивного физиологического созревания организма, в этот период активно происходят: оформление личности и мировоззрения; проявление своей индивидуальности; гражданское и социальное становление личности; стремление к постижению целей своего развития; становление самосознания и образа своего «Я» и, наконец, профессиональное становление.

В этом возрастном периоде доминируют мотивы, связанные с профессиональным самоопределением, с удовлетворением социально-психологических потребностей, с определением и реализацией индивидуального способа жизни. От студенческой молодежи требуется значительная мобилизация сил для адаптации к новым условиям проживания, обучения, формирования межличностных отношений, к высоким умственным и физическим нагрузкам. Это возможно при оптимальном уровне здоровья, которое имеет немаловажное значение для успешного обучения.

Однако состояние здоровья такой части молодежи, как студенты, вызывает ряд опасений у медиков и педагогов. Период обучения в вузе является важным этапом становления будущих специалистов, так как именно в эти годы в значительной мере раскрываются их способности, совершенствуется интеллект, расширяется круг познаний. Н. И. Пономарев и В. М. Филиппов отмечают, что одним из направлений развития ценностных ориентаций личности является формирование потребности студентов вуза в здоровом образе жизни⁵.

Проблема сохранения здоровья студенческой молодежи на сегодняшний день является не только медицинской, но и педагогической. Вместе с объективными причинами неблагополучия

(снижение качества жизни, ухудшение экологической обстановки) необходимо выделить и педагогические аспекты: недостаточную информированность о роли здорового образа жизни в сохранении и укреплении его здоровья; недостаточно активное внедрение современных здоровьесберегающих технологий в воспитательно-образовательный процесс вуза; отсутствие мотивации к ведению здорового образа жизни у значительной части студенческой молодежи.

Следовательно, формирование ценностного отношения студенчества к здоровому образу жизни является важнейшим направлением. Вопросы сохранения здоровья молодого поколения приобретают особую остроту в условиях социально-демографического кризиса, поскольку значимость приобретают те задачи, которые связаны с устранением негативных тенденций в молодежной среде: рост различного рода социальных девиаций, курение, алкоголизм, наркомания, преступность⁶.

Реальную помощь в решении этих задач может оказать создание программы, направленной на укрепление здоровья студентов и формирование у них здорового образа жизни, которая может рассматриваться как часть общей системы учебно-воспитательной работы в вузе. Естественно, в этой работе должны быть задействованы не только администрация университета, преподаватели и медицинские работники, но и студенческие общественные организации.

С целью изучения ориентации на ведение здорового образа жизни студенческой молодежи в Оренбургском государственном университете нами был проведен анализ мероприятий, направленных на сохранение, поддержание и пропаганду ЗОЖ.

Хотелось бы отметить активную политику руководства ОГУ в отношении поддержания и сохранения здоровья студентов. На территории университета действует студенческая поликлиника (Медико-санитарная часть ОГУ), основная задача которой заключается в оказании первичной медико-санитарной и консультативно-диагностической помощи обучающимся и работникам ОГУ, прикрепленным к поликлинике, в рамках программ обязательного и добровольного медицинского страхования, а также в экспертизе временной нетрудоспособности обучающихся. Любой студент университета может получить бесплатную консультацию различных специалистов (гинеколог, стоматолог, окулист, эндокринолог, дерматолог, кардиолог, невролог и т. д.). На базе студенческой поликлиники функционируют клиничко-диагностическая лаборатория, осуществляющая забор крови и мочи, процедурный и рентгенкабинет, УЗИ-кабинет, кабинет эндоскопии и функциональной диагностики. На базе медико-санитарной части ОГУ в 2008 г. открылся Центр охраны репродуктивного здоровья подростков и молодежи. Активно про-

водятся мероприятия, связанные с вакцинацией, особенно в период увеличения заболеваемости гриппом. Особое внимание уделяется медицинским профосмотрам студентов, которые проводятся при поступлении в ОГУ и при достижении студентами 20-летнего возраста.

С 2013 г. согласно приказу ректора ОГУ на территории и во всех помещениях университета действует запрет на курение⁷. Ежегодно проводятся молодежные акции, нацеленные на популяризацию здорового образа жизни и отказ от вредных привычек. Например, 19 ноября 2015 г. в ОГУ состоялась акция, приуроченная к Международному дню отказа от курения. Студенты, одетые в костюмы русских богатырей, олицетворяли силу, здоровье и правильный образ жизни. По инициативе первичной профсоюзной организации студентов был проведен фотомарафон. Молодые люди, выступающие против курения, делали фото с табличками «Я против табачного дыма», «Не курил, не курю и не буду курить».

В целях обеспечения доступности питания в университете работает Комбинат питания и торговли продовольственными товарами, который насчитывает 25 торговых точек, расположенных во всех учебных корпусах университета и обслуживающих ежедневно более 5000 человек. В ассортимент включены кисломолочные продукты, каши, супы, диетические блюда, салаты, фрукты, выпечка, мясные изделия, запеканки. В то же время в учебном расписании университета отсутствует большая перемена, что делает практически недоступным для студентов посещение столовой во время учебного дня и заставляет их ограничиваться быстрыми перекусами в буфетах.

Для занятий физической культурой и спортом студенты Оренбургского государственного университета имеют в своем распоряжении учебно-спортивный комплекс «Пингвин» с 50-метровым бассейном, игровым залом, залами дзюдо, тяжелой атлетики, аэробики, стадионном с двумя хоккейными кортами. На территории студенческого городка создана универсальная спортивная площадка с синтетическим покрытием, оснащенная снарядами для занятий спортивной гимнастикой. Занятия физической культурой занимают значительный объем в расписании студентов 1–3-го курсов всех направлений подготовки и проходят дважды в неделю в течение всего семестра.

В целях повышения эффективности внеучебной спортивно-массовой работы систематически проводятся физкультурно-спортивные мероприятия, такие как «Первокурсник» (соревнования по пяти видам спорта: мини-футбол, легкая атлетика, перетягивание каната, волейбол, баскетбол); «Университет» (по девяти видам спорта: волейбол, баскетбол, настольный теннис, шахматы, плавание, футбол, гиревой спорт, легкая атлетика, перетягивание каната);

«Бодрость и здоровье» (проводится среди команд преподавателей и сотрудников университета по шести видам спорта: плавание, шахматы, волейбол, лыжный спорт, мини-футбол, настольный теннис); Областной фестиваль студенческого спорта, который проводится каждые два года между вузами Оренбургской области.

Однако высокая оснащенность университета спортивными сооружениями не всегда позволяет полноценно их использовать студентам для занятий физической культурой и спортом. Во внеучебное время большинство спортивных объектов ОГУ и созданные на их базе спортивные секции работают на платной основе. И по ряду направлений установленная плата порой превышает среднюю стоимость занятия спортом в общегородских спортивных комплексах. Возможно, руководству вуза стоило бы пересмотреть ценовую политику в отношении занятий в спортивных секциях на основе введения системы скидок студентам университета для оплаты занятий.

Таким образом, Оренбургский государственный университет располагает хорошо оснащенной спортивной базой, медицинской частью, для студентов проводятся разнообразные мероприятия с целью пропаганды здорового образа жизни. Но одной лишь базы недостаточно, необходимо активное участие и самих студентов в этом разнообразии мероприятий. Для изучения ориентации студентов на здоровый образ жизни и особенно использования потенциала вуза для этих целей было проведено социологическое исследование методом анкетирования. По квотно-стратифицированной бесповторной выборке было опрошено 100 студентов первых и вторых курсов обучения по четырем основным направлениям подготовки:

1) гуманитарное направление (факультет гуманитарных и социальных наук, юридический факультет) – 30 студентов;

2) экономическое направление (финансово-экономический факультет, факультет экономики и управления) – 30 студентов;

3) естественнонаучное направление (геолого-географический факультет, факультет прикладной биотехнологии и инженерии, химико-биологический факультет) – 18 студентов;

4) техническое направление (архитектурно-строительный факультет, аэрокосмический институт, факультет информационных технологий, электроэнергетический факультет, физический факультет) – 21 студент (такое количественное распределение студентов в выборке по направлениям подготовки объясняется их количественным соотношением в генеральной совокупности по данным факультетам).

По гендерному признаку распределение студентов выглядит следующим образом: 47% мужчин и 53% женщин. На первом и втором курсах обучения было опрошено по 50% респондентов.

Анализ социально-демографических характеристик студентов ОГУ дает нам следующую картину. До поступления в университет большая часть студентов были городскими жителями. В Оренбурге проживали 24% студентов; в других городах области – 20%; из городов других областей приехали 7% студентов; из соседних стран (Казахстан, Киргизия) – 8%; остальные 39% – это студенты из сельской местности. В настоящее время 43% опрошенных студентов живут в общежитии, 21% – с родителями, остальные снимают жилье. Говоря о материальном положении студентов, необходимо отметить, что для 33% респондентов доходов их семей хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать займ или кредит. Для 30% респондентов покупка вещей длительного пользования не вызывает затруднений; 32% опрошенных отметили, что для их семей затруднительна покупка лишь действительно дорогих вещей, например автомобиля; для 5% респондентов денег хватает только на питание, покупка одежды вызывает затруднения. Таким образом, 52% студентов оценили материальное положение своей семьи как достаточно высокое. Однако субъективные оценки своего материального положения не всегда соответствуют реальной экономической ситуации в семье, поскольку респондент часто склонен завышать оценку своего экономического статуса.

Для того, чтобы выяснить отношение студентов ОГУ к собственному здоровью и ЗОЖ, нами был предложен список ценностей, из которых они должны были выбрать наиболее значимые. На первом месте среди ценностей оказалась семья (19% опрошенных); на втором месте – здоровье (16%); на третьем – образование (15% опрошенных). Как ни странно, дети как ценность оказались на последнем месте – это указали лишь 2% студентов. Такие ценности, как власть, внешняя привлекательность, здоровый образ жизни, отметили по 1% опрошенных. В ответах студентов есть небольшие противоречия: во-первых, для молодежи значима семья, но отдельно от детей. Возможно, это объясняется тем, что семья означает для индивида лишь определенный статус, а не ценность. Во-вторых, здоровье стоит на втором месте, а вот здоровый образ жизни оказался в конце списка.

Студентам было также предложено оценить по пятибалльной шкале, что может помочь достижению жизненного успеха. Максимальные оценки получило такое качество, как сила характера, на втором месте оказалась семья. Престижная работа и здоровье получили большее количество оценок в 3 балла; при этом везение, по мнению студентов, никак не влияет на жизненный успех. Таким образом, в ответах студентов мы можем наблюдать значимость для них здоровья и семьи.

На вопрос о том, что такое здоровый образ жизни, большинство студентов дали весьма

стандартные ответы – это занятие спортом (36% ответов респондентов), отказ от вредных привычек (25%) и правильное питание (24%). Такие ответы, как здоровый сон, гигиена, соблюдение режима дня и т. д., набрали не более 2%. Необходимость придерживаться ЗОЖ отметили 62% студентов. Это дает возможность иметь крепкое здоровье и создать семью, быть физически крепким. В качестве основных методов заботы о здоровье студенты используют такие, как занятие спортом (18% респондентов); полноценное питание (15%) и отказ от курения и алкоголя (по 10% соответственно). Следовательно, методы сохранения здоровья и здоровый образ жизни для студентов выступают синонимами.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что большое число студентов (как было отмечено выше) считают здоровье необходимым условием жизненного успеха и весьма значимым, но лишь половина опрошенных уделяет ему должное внимание, что приводит к возникновению еще одного противоречия между вербальным осознанием значимой ценности здоровья и активной сознательной деятельностью по его сохранению и укреплению. Необходимой и главной предпосылкой сохранения здоровья является здоровый образ жизни как некая эталонная модель, система общих условий, предписаний, мероприятий, способствующих укреплению и сохранению здоровья. Здоровье в ценностных ориентирах студентов имеет высокую оценку, а реальное поведение противоречит высказанным мнениям и суждениям о ценности ЗОЖ.

Как и предполагалось, студенты получают информацию, связанную со здоровьем, в основном из Интернета (35% ответов респондентов). По 17% студентов отметили такие источники информации, как врачи и телевидение. Получается, что из различных видов СМИ студенты получают больше информации, чем от специалистов. Это весьма тревожная тенденция, поскольку и Интернет, и передачи на телевидении часто преподносят информацию в искаженном виде, весьма упрощенную и порой не соответствующую официальной точке зрения специалистов системы здравоохранения.

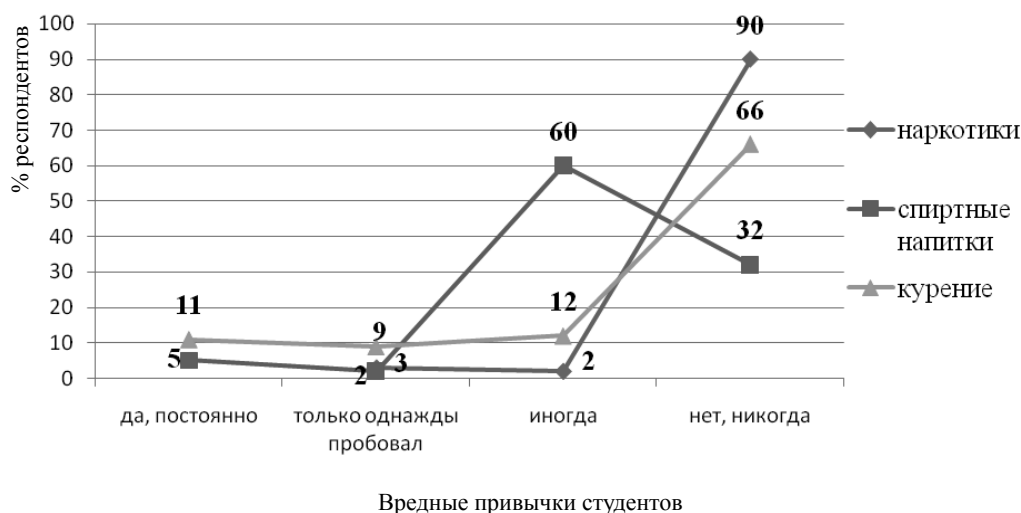
Для оценки студентами своего здоровья значимым был вопрос, связанный с частотой заболеваний (ОРЗ, ОРВИ, грипп и т. д.). Большая часть студентов (48%) болеют 1–2 раза в год и чаще всего лечатся в домашних условиях; обращаются в студенческую поликлинику 30% опрошенных; 13% идут к участковому терапевту по месту жительства. Основной целью посещения студенческой поликлиники является получение справки для деканата, подтверждающей уважительную причину пропусков учебных занятий. Получается, что услугами студенческой поликлиники, основной задачей которой является оказание первичной медико-санитарной и консультативно-диагностической помощи обучаю-

щимся, пользуются лишь треть студентов. С одной стороны, это может быть связано с тем, что в выборку попали студенты первых и вторых курсов, которые еще не знакомы со всеми возможностями университета. С другой стороны, это сигнал для кураторов студенческих групп, для руководства кафедр и деканатов проводить более активную разъяснительную и ознакомительную работу со студентами о ресурсах Оренбургского государственного университета.

Как уже отмечалось выше, одним из компонентов ЗОЖ является отказ от вредных привычек. Несколько вопросов в анкете были посвящены изучению наличия вредных привычек у студентов. Анализируя ответы, мы установили, что практически две трети студентов употребляют алкогольные напитки. Из данных рисунка видно, что из 67% респондентов, которые употребляют алкогольные напитки, лишь 2% указали, что однажды пробовали алкоголь. 32% студентов указали, что они курят, большая их часть – регулярно или от случая к случаю. По данным анкетирования, первый опыт употребления сигарет наблюдается, в среднем в 14–16 лет.

Нам было интересно понять, как студенты оценивают собственные силы в борьбе с такой вредной привычкой, как курение. Так, 8% респондентов собираются бросить курить, но им не хватает силы воли; 5% пытались неоднократно бросить курить; 8% опрошенных отметили, что курение никак им не мешает и они не рассматривают это как вредную привычку.

Здоровый образ жизни – это не только отказ от вредных привычек, это организация своей повседневной жизни таким образом, чтобы максимально использовать собственные духовные и физические качества для достижения физического, душевного и социального благополучия. Как показывают результаты многочисленных социологических исследований, свыше 50% студентов не соблюдают основные элементы режима жизнедеятельности, у них не сформирована установка на рациональное планирование своего времени. Они часто нарушают гигиенические нормы умственного труда, быта, питания, недооценивают положительное влияние на учебную деятельность таких важных факторов, как режим сна, система питания, пребывание на свежем воздухе и выполнение физических упражнений. Ответы студентов ОГУ показывают, что в большинстве случаев у них есть 4–5 часов свободного времени в день, и самыми распространенными вариантами проведения досуга являются «пассивные» или «простые» виды отдыха – общение с друзьями, поход в кино или просто занятие домашними делами. Занимаются спортом только 7% студентов. Эти показатели говорят о непритязательном типе досуговой активности молодежи. Такой вид времяпрепровождения немедленно удовлетворяет потребности в расслаблении и не требует

специального обучения, но и не способствует карьерному и социальному росту.

Для восстановления умственной работоспособности на достаточно высоком уровне и сохранения здоровья необходимо гигиенически правильно чередовать занятия с отдыхом. Лучшим отдыхом является сон в определенное время не менее 7–8 часов. 85% студентов отметили, что спят в среднем по 6–8 часов, что соответствует норме. Однако для 15% студентов сон длится 2–3 часа. В основном причиной этого является стремление совместить работу и учебу; либо это различные нервные расстройства, приводящие к бессоннице. Безусловно, данный факт отрицательно будет влиять на умственную работоспособность студента.

Проведенные многочисленные исследования физиологов, гигиенистов, психологов и педагогов свидетельствуют о том, что режим двигательной активности значительно влияет на качество учебной деятельности студентов. Установлен наиболее благоприятный двигательный режим – 6–8 часов в неделю, которого придерживаются большинство опрошенных студентов – 75%. Данная группа студентов тренируется 2–3 раза в неделю. Самыми любимыми видами спорта студентов оказались волейбол, спортивная ходьба, бег, футбол и легкая атлетика. Однако на вопрос о проведении свободного времени только 7% студентов отметили, что самостоятельно занимаются физическими упражнениями. Возможно, такое противоречие объяснимо тем, что занятия спортом в данном случае отождествляются с занятиями по физической культуре в вузе. Регулярно посещают такие занятия 74% опрошенных.

Специалисты констатируют, что, к сожалению, занятия физкультурой в учебных заведениях по-прежнему направлены на решение задач, отражаемых показателями физической подготовленности, зачетными нормативами учебной про-

граммы. В связи с этим во многих публикациях прослеживается мысль о необходимости создания таких программ и технологических моделей формирования ЗОЖ средствами физической культуры, которые существенно изменили бы проблемную ситуацию, отношение студента к своему здоровью и образу жизни. Как отмечают В. Д. Паначев и М. Т. Фазлеев в своей работе «Исследование здорового образа жизни студентов», необходимо, чтобы компетентный подход, не противореча имеющимся инновационным концепциям и моделям физического воспитания студентов (доказавшим их практическую целесообразность), был наряду с другими подходами (личностно-ориентированным, деятельностным, дифференцированным и др.) использован в практической деятельности кафедр физической культуры⁸. Но, разрабатывая данное инновационное направление формирования здорового образа жизни студентов средствами физической культуры, необходимо активизировать еще и ресурсы образовательного пространства вуза.

Далее студентам предлагалось оценить уровень своего здоровья и определить, что же является залогом крепкого здоровья человека. Так, большая часть студентов оценили свое здоровье на оценку «четыре» – 62%. Удовлетворительно оценивают свое здоровье 21% опрошенных; а 17% поставили себе оценку «отлично». В качестве залога крепкого здоровья студенты отметили следующее: занятия спортом, правильный режим дня (38% ответов); отказ от вредных привычек и наследственность (17 и 19% соответственно).

Таким образом, анализ полученных данных социологического исследования позволяет сделать вывод о том, что для сохранения и улучшения здоровья студенческая молодежь использует скудный перечень факторов ЗОЖ, зачастую отсутствует система и регулярность использования методов заботы о собственном здоровье. Основ-

ными профилактическими мероприятиями по укреплению здоровья студенты считают занятия спортом, отказ от вредных привычек и правильное питание. Остальные показатели здорового образа жизни не находят практического применения в повседневной жизни студенческой молодежи. Будущий специалист еще в студенческие годы должен прийти к осознанию:

- 1) необходимости вести здоровый образ жизни;
- 2) формирования потребности в здоровом образе жизни;
- 3) выбора эффективных методов заботы о собственном здоровье;
- 4) реализации на практике выбранных методов;
- 5) постоянного контроля за происходящими изменениями в организме, коррекции собственных действий и объективной оценки полученных результатов.

Другими словами, потребность ведения здорового образа жизни должна стать нормой повседневной жизни студенческой молодежи. Однако, помимо активности самих студентов в данном направлении, на наш взгляд, необходимо совершенствование образовательного процесса. Программа занятий физической культурой, ориентируясь на государственный образовательный стандарт, могла бы быть скорректирована путем предоставления альтернативного выбора студентам занятий в различных спортивных секциях. Необходимо привлекать к занятиям спортом большее количество студентов путем создания системы скидок и уменьшения стоимости абонемента на занятия. Несмотря на существующие в вузе мероприятия, нацеленные на пропаганду ЗОЖ и привлечение студенческой молодежи к активным занятиям спортом (спортивные мероприятия, пропагандистские акции и т. д.), система информирования о них разработана недостаточно, так, 39% опрошенных студентов ОГУ не участвуют в подобного рода мероприятиях, поскольку о них ничего не знают. Необходимо вести работу по информированию и привлечению студентов к проводимым вузом спортивным мероприятиям. Система поощрения в виде доплаты к студенческим стипендиям за достижения в спорте могла бы стать дополнительной мотивацией для студенческой молодежи.

В целом, представленный материал исследования отражает один из аспектов проблемы ЗОЖ студентов вуза, разрабатываемых в педагогической здоровьесохраняющей деятельности образовательных учреждений. Необходимо учитывать, что данное направление интенсивно развивается и обновляется новыми научными данными. Поэтому результаты исследования не претендуют на исчерпывающее отражение, а являются лишь ориентиром для дальнейшего анализа данной проблематики путей и условий формирования ЗОЖ студентов вуза.

Примечания

- 1 См.: *Перминова М. С.* Ориентация на здоровый образ жизни у студенческой молодежи // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования : сравнение опыта постсоциалистических государств : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. семинара (Оренбург, 28 мая 2014 г.) / под ред. И. Б. Гоптаревой. Оренбург : ОГУ, 2014. С. 214–219.
- 2 См.: О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 3 См.: Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». URL: <http://www.gosminzdrav.ru/ministry/programms/health/info> (дата обращения: 15.04.2016).
- 4 См.: Демографический атлас России. URL: <http://www.gosmintrud.ru/2025/atlas> (дата обращения: 18.04.2016).
- 5 См.: *Рыбачук Н. А.* Формирование принципов здорового стиля жизни студентов // Физическая культура. 2004. № 2. С. 59–60.
- 6 См.: *Иванова С. Ю.* Формирование потребности студентов вуза в здоровом образе жизни : дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2008. 266 с. URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/formirovanie-potrebnosti-studentov-vuza-v-zdorovom-obraze-zhizni.html> (дата обращения: 18.04.2016).
- 7 См.: Приказ ректора Оренбургского государственного университета от 03.06.2013 № 253. URL: <http://www.osu.ru/doc/3289> (дата обращения: 12.04.2016).
- 8 См.: *Паначев В. Д., Фазлеев М. Т.* Исследование здорового образа жизни студентов // Современная наука : актуальные проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (14). С. 87–90.

Образец для цитирования:

Перминова М. С., Переселкова З. Ю. К вопросу о формировании здорового образа жизни студенческой молодежи (на примере Оренбургского государственного университета) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 30–36. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-30-36.

Cite this article as:

Perminova M. S., Pereselkova Z. Y. On the Formation of Healthy Lifestyles Students (for Example Orenburg State University). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 30–36 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-30-36.

УДК 316.442

РОДИТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В СЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ С РАЗНЫМ КОЛИЧЕСТВОМ ДЕТЕЙ

А. А. Вяльшина

Вяльшина Анна Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов, anvyal@mail.ru

В статье показаны различия родительских предпочтений у женщин с разным количеством детей. На материалах пилотажного исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН, рассмотрены родительские предпочтения относительно основных сфер жизнедеятельности детей (товары и услуги для детей, возможности для детей и характер взаимоотношений детей с ближайшим окружением). Выявлены различия родительских предпочтений опрошенных женщин в зависимости от выбранных моделей репродуктивного поведения. Показано влияние на эти процессы системы жизненных ценностей, связанных с родительскими функциями, личным пониманием благополучия и характером ожиданий от детей.

Ключевые слова: дети, сельские семьи, сельские женщины, родительские предпочтения, репродуктивное поведение.

Parent Preferences in Rural Families with Different Number of Children

A. A. Vyalshina

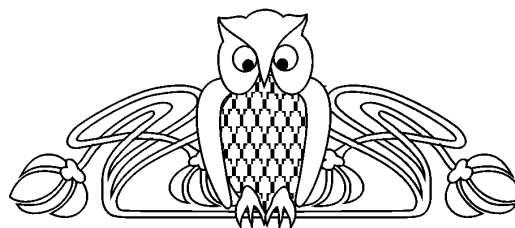
Anna A. Vyalshina, ORCID 0000-0001-6723-5961, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, 94, Moskovskaya Str., Saratov, 410012, Russia, anvyal@mail.ru

The article shows the differences in parental preferences among women with different number of children. The materials of the pilot study carried out by the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences consider parental preferences for the main spheres of life of children (goods and services for children, opportunities for children and the nature of the relationship of children with the closest environment). There is analyze the dependence of differentiation of parental preferences from women's models of reproductive behavior. Author show the influence on these processes of differences in the systems of life values relative to parenthood, children, marriage, personal understanding of well-being and the nature of expectations from children.

Key words: children, rural families, rural women, parental preferences, reproductive behavior.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-37-46

Дети и молодежь являются важным стратегическим ресурсом успешного социально-экономического развития любой страны. Сегодня конкурентоспособность нашей страны определяется качеством ее человеческого капитала. На всех уровнях государственной власти признается ключевая значимость детей и молодежи для долгосрочного развития, что обуславливает приоритетность вопросов формирования и развития

их человеческого капитала. По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2017 г. численность детей до 14 лет в России составляла 25 548 тыс. человек, или приблизительно 17,4% населения нашей страны. Еще 6690 тыс. человек – это подростки в возрасте 15–19 лет (около 4,6% населения).

Инвестиции, вложенные в детском возрасте, имеют долгосрочные позитивные эффекты на будущие результаты во взрослой жизни. Однако основное развитие и воспитание детей происходит в семьях. Дети зависимы от своих родителей, от принимаемых ими решений, от выбранных ими моделей брачного, репродуктивного, трудового, инвестиционного поведения. Демографические и социально-экономические характеристики родителей обуславливают дифференциацию поведения семей относительно рождения, воспитания и развития имеющихся в них детей. Почему в семьях с приблизительно равными ресурсами дети достигают различных результатов в будущем? Почему дети из совершенно разных по своим характеристикам семей добиваются схожих результатов в будущем? От чего вообще зависит успешность детей? Эти вопросы имеют приоритетное значение для выявления основных детерминант формирования, накопления и развития человеческого капитала детей, обусловленных семьей происхождения. К ним относятся социальные, демографические и экономические характеристики родителей, такие как возраст, уровень образования, статус занятости, уровень дохода. Очевидно, что семьи различаются по характеру и структуре инвестиций в человеческий капитал детей на основе бюджетных ограничений домохозяйств и потребительских предпочтений родителей.

Актуальность исследования родительских предпочтений относительно развития человеческого капитала детей именно в сельской местности обусловлена невысокой доступностью качественных услуг здравоохранения и образования, низкой распространенностью услуг помощи в воспитании детей, низким уровнем благосостояния большинства сельских семей, а также неразвитостью рынка товаров и услуг для детей. В сельской местности проживают около 29,4% всех детей до 14 лет, и основным фактором их воспитания и развития становятся родительские практики, освоенные в условиях не только значительных бюджетных ограничений, но и низкой доступности основных услуг жизнеобеспечения.

Основной гипотезой исследования выступает предположение о том, что родительские предпочтения являются производными от моделей репродуктивного поведения. В тот момент, когда родители принимают решение о рождении ребенка определенной очередности (первого, второго или последующего), их родительские предпочтения относительно необходимого набора благ и услуг для детей детерминированы теми же драйверами, что и репродуктивное поведение.

Объектом исследования являются сельские женщины в возрасте от 18 до 45 лет, имеющие детей. Предметом исследования выступают родительские предпочтения сельских женщин относительно товаров и услуг для детей, возможностей для детей и характера взаимоотношений детей с ближайшим окружением. Выбор в качестве объекта исследования именно женщин обусловлен сложившейся традицией в исследованиях репродуктивного поведения, а также вопросов воспитания и развития детей на основе ответов женщин-матерей из-за их преобладающего участия в этих процессах.

Целью настоящего исследования является изучение различий в родительских предпочтениях относительно воспитания и развития детей в семьях с разным количеством детей. Главные задачи исследования: 1) анализ различий в системах жизненных ценностей женщин с разным количеством детей относительно родительских функций, брака, взаимодействия с детьми; 2) исследование факторов субъективного понимания благополучия у женщин с разным количеством детей; 3) выявление различий в родительских предпочтениях в основных сферах жизнедеятельности детей (товары и услуги для детей, возможности для детей и характер взаимоотношений детей с ближайшим окружением) среди родителей, имеющих одного, двух или более детей.

Предпочтения являются объектом исследования во многих дисциплинах. Данный исследовательский интерес к ним обусловлен их определяющей значимостью в качестве основного мотиватора индивидуального поведения. Однако в разных науках предпочтения понимаются по-разному. Например, в психологии предпочтения рассматриваются как индивидуальные отношения (аттитюды) к набору объектов в процессе принятия решений¹. Другие авторы рассматривают предпочтения с точки зрения оценочных суждений в смысле симпатий/антипатий объекта².

Для экономистов предпочтения представляют собой набор ранжированных альтернатив, основанных на характере и степени удовлетворения, удовольствия, счастья или полезности, которые эти варианты обеспечивают на основе оптимального реального или воображаемого выбора. Экономистов не интересуют предпочтения сами по себе, они используют их в качестве основы для эмпирического анализа спроса на основе

теории выбора. Родительские предпочтения экономисты считают разновидностью потребительских предпочтений, подразумевая, что ребенок (дети) является обычным товаром.

В социологии под предпочтениями понимаются социально обусловленные стимулы (причины) поведения³. Предпочтения приобретаются через обучение и передачу культурного опыта, а формируются путем освоения моделей поведения и образцов потребления⁴. Ключевой особенностью предпочтений является то, что они представляют собой интернализированные причины поведения. Предпочтения, полученные под влиянием одного набора обстоятельств, становятся причинами определенных моделей поведения в других обстоятельствах. Однако рынки, социальные взаимодействия и другие институты воздействуют на эволюцию вкусов, личностных черт, жизненных ценностей и целей индивидов, обуславливая изменения самих индивидов и их предпочтений. Кроме того, воздействие различных социальных групп, ближайшего окружения, родственников или институтов может либо трансформировать предпочтения, либо стать причиной формирования новых. Некоторые длительные экономические или социальные явления (например безработица, бедность или дискриминация) могут иметь серьезное влияние на формирование предпочтений. Данные социально-экономические институты изменяют способ восприятия индивидом своих возможностей и определяют соответствующие мотивы поведения, которые со временем интернализируются в предпочтения. Родительские предпочтения представляют собой освоенные родителями модели поведения на основе принятия определенных образцов индивидуального потребления и согласования их с образцами потребления для детей.

Наличие определенного количества детей в семье, определяющее конкретный тип родительских предпочтений, объясняется по-разному в экономических и социальных науках.

Экономический подход к рождаемости (фертильности) делает акцент на эффектах родительских доходов и стоимости рождения и воспитания детей, не принимая во внимание изменения предпочтений или вкусов родителей. Наиболее важными детерминантами стоимости детей, по мнению экономистов, являются эффект детей на возможности занятости, ценность родительского времени, потраченного на детей, финансовые и психологические издержки избегания рождения детей посредством методов контроля рождаемости, а также взаимодействие между количеством и качеством детей. Согласно экономическому подходу социально-экономические обстоятельства жизни индивидов влияют как на количество рождений, так и на время рождения детей. В зависимости от принимаемой экономической модели эффекты могут быть различными. Согласно подходу семейной экономики, предложенному

впервые у Беккера, индивиды получают прямое удовольствие от рождения и воспитания детей, а также от их благополучия. Дети, и особенно их качество, являются таким же потребительским товаром в функции полезности своих родителей, как и любой другой. Беккер считал связь между доходом и числом детей положительной, однако более поздние исследования опровергли это предположение и доказали обратное отношение между доходом и рождаемостью, акцентируя внимание на двух главных аспектах. Согласно первому подходу существует так называемый количественно-качественный компромисс (quality-quantity tradeoff), суть которого заключается в том, что рост доходов стимулирует рост ценности детей и, как следствие этого, увеличение требований к их качеству. Таким образом, снижение уровня рождаемости обусловлено ростом расходов на формирование и развитие человеческого капитала детей⁵. Вторым подходом основывается на альтернативных издержках женщин на детей. Необходимость значительных затрат материнского времени на ребенка снижает уровень рождаемости у женщин с более высоким уровнем образования. Это так называемое зарплатное пенальти матерей («motherhood wage penalty»), которое выражается в потенциальных и реальных потерях дохода для работающих женщин с высоким уровнем образования, решивших родить ребенка⁶.

Процесс воспитания детей направлен на получение определенных характеристик ребенка через накопление и развитие его человеческого капитала. Он определяется произведенными родителями финансовыми, временными, социальными и другими затратами через сложившиеся в семье модели принятия решений и характер распределения ресурсов. Однако важно отметить, что целью домохозяйства является не только максимизация качества детей посредством использования имеющихся ресурсов, но и поддержание определенного уровня индивидуального (родительского) потребления и досуга.

В социальных науках рождение детей относится к семейному поведению и обуславливается изменением норм и ценностей, относящихся к семейному образу жизни. Существенный сдвиг от традиционных семейных ценностей к современным означает переориентацию идеалов, проявляющуюся в смене представлений о гетеросексуальной нуклеарной семье в сторону снижения ценности брака и перехода к альтернативным формам семейного поведения (сожительство, монородительские семьи, гомосексуальные семьи, разведенные семьи). В изучении влияния ценностей и установок и их изменений на репродуктивное поведение большое внимание уделяется теории так называемого «второго демографического перехода», предложенной Lesthaeghe и Van de Каа⁷. В соответствии с этим подходом новые веяния, выражающиеся в ограничении институтов контроля, акцентуации индивидуальной ав-

тономии и росте ценностей и потребностей самореализации, являются главными движущими силами новых моделей брачного и репродуктивного поведения, среди которых – откладывание рождения детей, снижение общего количества имеющихся детей или сознательная бездетность, наблюдаемые с 60-х гг. XX в. Другие исследования сосредоточены на влиянии изменения социальных норм на рождаемость. Одни пишут об институционализации возрастной нормы рождаемости (т. е. возрастной дедлайн рождения детей – age deadlines for childbearing), представляющей собой критический возраст, после которого социально неприемлемо быть родителями⁸.

Изучение влияния социальных взаимодействий на репродуктивный выбор индивида привлекает значительное внимание. Это влияние проявляется посредством социального обучения и/или социального контроля. Значительная часть исследований, проведенных на материалах развитых стран, иллюстрирует ключевую роль сетей персональных взаимодействий в формировании репродуктивных решений как относительно времени рождения первого ребенка, так и количества детей⁹. Индивиды рассматривают, к примеру, коллег по работе или друзей как ключевой источник социального обучения, перенимают их удачные модели сочетания занятости и семейных обязанностей.

Некоторые исследования эмпирически доказывают зависимость репродуктивных различий от места проживания индивидов. Отдельные исследования показывают наличие различий в желаемом размере семьи между жителями городов и сельской местности¹⁰. Эти различия обусловлены, с одной стороны, социально-экономической структурой территории проживания, а с другой – влиянием ближайшего окружения на формирование репродуктивных решений.

Отдельную группу исследований составляют работы по изучению социальных сетей как источника социального капитала. Социальный капитал определяется как ресурсы индивида, доступные через индивидуальные взаимоотношения. Они включают в себя товары, информацию, деньги, способность работать, влияние, власть, активную помощь¹¹. Используя данные подходы, некоторые исследователи показали, как социальный капитал (или его недостаток) вместе с экономическими и культурными ресурсами затрагивают процесс принятия решений в сфере рождаемости¹². Они основываются на наличии долгосрочных, стабильных и доверительных отношений (члены семьи, бабушки, дедушки, друзья и близкие родственники), которые помогают паре или индивиду с ресурсами поддержки репродуктивности.

Кроме того, индивидуальные решения в сфере рождаемости формируются под воздействием собственных предпочтений индивида, которые закладываются в раннем детстве. Теория предпо-

чений К. Хаким¹³ постулирует существование разнородности среди предпочтений относительно жизненных стилей у женщин, находящихся в расцвете репродуктивного периода и трудовой жизни, которые представляют собой главный драйвер рождаемости. Хаким считает, что предпочтения относительно стиля жизни скорее стабильны в течение жизни и существуют в трех основных видах: ориентированные на карьеру, ориентированные на семью и ориентированные на определенное сочетание карьеры и семейных обязанностей. Исследования показывают, что ориентированные на семью женщины имеют максимальную рождаемость среди всех женщин, в то время как ориентация на карьеру снижает количество рождений у женщин¹⁴.

Информационную базу нашего исследования составили результаты пилотажного прикладного социологического исследования сельских женщин в возрасте 18–45 лет, имеющих детей. Опрос был проведен Институтом аграрных проблем РАН в июле–августе 2014 г. в шести районах Саратовской области. Исследование было направлено на изучение репродуктивного поведения сельских женщин, анализ родительских практик, отношения к мерам социальной поддержки материнства и детства. Всего было опрошено 123 женщины, имеющих от 1 до 5 детей.

Различия в моделях репродуктивного поведения вытекают из различных соотношений между уровнем индивидуального потребления, индивидуальным досугом, моделями трудового поведения (или карьерных притязаний), с одной стороны, и потребностью иметь определенное количество детей, с другой. Дифференциация моделей репродуктивного поведения обусловлена различиями в структуре системы жизненных ценностей женщин с определенным местом в ней ценностей ребенка, нескольких детей, удачной карьеры, образования, высокого уровня материального благополучия. Таким образом, структура родительских приоритетов и предпочтений относительно формирования человеческого капитала детей определенным образом «фиксируется» в момент принятия решения о рождении определенного количества детей, являясь как бы производной от имеющегося числа детей. Иными словами, принятие решения о рождении в семье конкретного количества детей детерминирует и определенные родительские предпочтения относительно дальнейшего развития детей и их качественных характеристик.

В отечественных исследованиях практика анализа родительских предпочтений относительно широкого спектра товаров, услуг, возможностей для детей немногочисленна. Существуют отдельные исследования по изучению родительских предпочтений относительно образовательных практик для детей с точки зрения получения как дошкольного образования, так и профессионального¹⁵. Одной из целей нашего исследова-

ния стал анализ конкретного перечня товаров, благ, услуг, возможностей для детей, необходимых, по мнению родителей, для достижения детьми наилучших результатов в будущем. Другими словами, мы хотели узнать, что, по мнению родителей, нужно их детям, чтобы вырасти полноценными и успешными людьми. Можно сколько угодно долго рассуждать о наборе тех или иных благ, определяющих качества детей и субъективные представления родителей об этих качествах. Однако нас интересовал абсолютно конкретный набор товаров, благ и возможностей, необходимых детям. Оценка родительских предпочтений проводилась путем анализа доли родителей, выбравших тот или иной пункт из предложенного перечня в вопросе о том, «...что на Ваш взгляд необходимо ребенку (детям) для достижения наилучших результатов в будущем?».

При формировании перечня необходимых товаров, благ и возможностей для детей мы опирались на зарубежные исследования благополучия детей. К примеру, ЮНИСЕФ (UNICEF, детский фонд ООН) занимается исследованием благополучия детей как в развитых, так и развивающихся странах на основе анализа индикаторов материального благополучия, здоровья и безопасности, образования, взаимоотношений в семье, поведения, рисков¹⁶. В разработанной нами анкете за основу взят перечень благ для детей, представленный в регулярных докладах ЮНИСЕФ, позволяющий определить уровень благополучия ребенка (детей) в семье. Для исследования уровня депривации детей используются показатели наличия определенного имущества в семье (отдельная спальня у ребенка, наличие персонального компьютера, возможность хотя бы раз в год выезжать всей семьей путешествовать, стол (парта) для занятий, тихое место для занятий, образовательное компьютерное обеспечение, доступ в Интернет, калькулятор, словарь, школьные учебники). Данный перечень был дополнен индикаторами, иллюстрирующими особенности формирования, накопления и развития человеческого капитала детей в современной России: возможность получать качественные услуги образования и здравоохранения, безопасное окружение в виде отсутствия криминальных группировок, актов вандализма, сект, возможность найти подходящую работу после получения образования, вести здоровый образ жизни.

При интерпретации полученных данных перечень предложенных в анкете благ для детей был разделен на три логических части. Первая часть представляет собой анализ родительских предпочтений относительно товаров и услуг для детей. К ним относятся отдельная собственная комната, отдельная собственная кровать, стол для занятий, собственные детские книги, учебники, новая одежда и обувь по размеру по мере износа старой, домашний компьютер, доступ в Интернет, собственный мобильный телефон, по-

лучение образования, профессии после школы, а также хорошее образовательное учреждение (школа, детский сад с хорошими учителями и воспитателями, благоприятная окружающая обстановка). Вторая часть позволяет исследовать родительские предпочтения относительно возможностей для детей: возможность правильно питаться (т. е. хотя бы через день кушать мясо или рыбу, ежедневно кушать овощи и фрукты, молочные продукты); возможность посещать секции, кружки по интересам; высказывать свое мнение по вопросам, затрагивающим благополучие ребенка; возможность расти в безопасном окружении (т. е. при отсутствии криминальных группировок, актов вандализма, хулиганства, сект); возможность получать качественные услуги здравоохранения; найти подходящую работу после окончания учебы; вести здоровый образ жизни (т. е. заниматься спортом, плавать, зимой кататься на лыжах, на коньках, не курить); а также возможность выезжать на отдых, путешествовать. Третья часть касается изучения родительских предпочтений относительно взаимоотношений детей с ближайшим окружением. К ним относятся помощь, поддержка и понимание родителей и других родственников (т. е. наличие постоянного контакта с ребенком, умение выслушать, помочь решить проблемы); наличие братьев и сестер; много друзей сверстников, своя компания; помощь родителям по хозяйству; благоприятный климат в семье, отсутствие ссор, брани.

Представленная группировка благ для детей позволяет исследовать родительские предпочтения относительно необходимости их наличия в жизни ребенка (детей) для достижения наилучших результатов в будущем, охватывающие основные аспекты жизни ребенка.

Современные социологи и демографы, анализирующие изменения моделей репродуктивного поведения, доказывают наличие процессов трансформации семейных ценностей и семейного образа жизни в сторону роста индивидуалистических тенденций. Индивидуализм характеризуется приоритетностью собственного благополучия и самовыражения. В отношении родительства индивидуализм выражается в снижении ценности института брака, нежелании жертвовать чем-либо для других, даже для собственного ребенка (детей), в ситуации конфликта интересов такие родители думают в первую очередь не о благополучии других членов семьи, а о своих собственных интересах.

Для анализа зависимости (обусловленности) родительских предпочтений от выбранных моделей репродуктивного поведения (т. е. наличия определенного числа детей) мы исследовали отношение женщин, имеющих разное количество детей, к родительству, детям и браку на основе выбора оценочных суждений. Метод оценивания суждений основан на рассмотрении установки

относительно изучаемого объекта (в нашем случае родительство, дети) как уровня напряженности позитивных и негативных чувств по отношению к объекту установки. Выбор того или иного суждения позволяет говорить о степени выраженности эмоциональной напряженности отношения респондента к предмету установки. В нашей анкете были представлены положительные и отрицательные суждения относительно родительства, детей и брака. Положительные суждения:

- о родительстве: «Женщина должна как можно больше времени уделять своим детям, чтобы они росли счастливыми»;

- о детях: «Рождение детей – долг каждой женщины»;

- о браке: «Брак – это отношения на всю жизнь, их нельзя разрывать ни при каких обстоятельствах».

Отрицательные суждения:

- о родительстве: «Женщина может родить ребенка, даже если не собирается вступать с мужчиной в постоянные отношения»;

- о детях: «Рождение детей ухудшает материальное положение семьи»;

- о браке: «Нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если не собирается пожениться».

Степень согласия социальных групп женщин, выделенных по количеству имеющихся детей, с представленными суждениями свидетельствует о различиях в социальных установках этих групп относительно родительства, детей и брака. Так, согласно данным табл. 1, среди однопородных женщин максимальная доля тех, кто соглашается с отрицательными суждениями, и минимальная – согласных с положительными суждениями. Среди однопородных женщин максимальная доля согласных с тем, что женщина может родить ребенка, даже если не собирается вступать с мужчиной в постоянные отношения (81,0% по сравнению с 57,9% согласных с этим утверждением среди многодетных женщин); а также с тем, что нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если не собирается пожениться (66,7% по сравнению с 26,3% согласных с этим суждением среди многодетных). Кроме того, среди однопородных женщин выше доля тех, кто считает, что рождение детей ухудшает материальное положение семьи: с этим согласны 19,0% однопородных женщин и только 10,5% многодетных. Также среди однопородных женщин минимальная доля тех, кто считает, что рождение детей – долг каждой женщины (57,1% по сравнению с 84,2% среди многодетных женщин), и тех, кто согласен с утверждением о том, что брак – это отношения на всю жизни и их нельзя разрывать ни при каких обстоятельствах (19,0% по сравнению с 47,4% среди женщин, имеющих троих и более детей). Кроме того, среди однопородных женщин ниже доля тех, кто согласен с тем, что женщи-

Таблица 1

Анализ установок относительно родительства, детей и брака у женщин, имеющих разное количество детей, %

Суждения о родительстве, детях, браке	Количество имеющихся детей		
	один	двое	трое и больше
Брак – это отношения на всю жизнь, их нельзя разрывать ни при каких обстоятельствах	19,0	18,2	47,4
Женщина должна как можно больше времени уделять своим детям, чтобы они росли счастливыми	81,0	93,2	94,7
Рождение детей – долг каждой женщины	57,1	70,5	84,2
Женщина может родить ребенка, даже если не собирается вступать с мужчиной в постоянные отношения	81,0	77,3	57,9
Нормально, когда неженатая пара живет вместе даже если не собирается пожениться	66,7	40,9	26,3
Рождение детей ухудшает материальное положение семьи	19,0	18,2	10,5

на должна как можно больше времени уделять своим детям, чтобы они росли счастливыми, по сравнению с многодетными женщинами (81,0 и 94,7% соответственно). Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что для однодетных женщин характерно особое отношение к родительству, детям (ребенку) и браку, обусловленное определенной системой жизненных ценностей, мотивацией и субъективным пониманием личного благополучия.

Субъективное понимание благополучия для однодетных женщин связано с повышенной ценностью благ индивидуального потребления (пользования). Этим объясняются повышенные доли однодетных женщин по сравнению с двухдетными и многодетными, связывающих личное благополучие с ценностями хорошего здоровья, приемлемого дохода, интересной работы, а также наличия собственности и имущества. Такие ценности, как прочность семьи и особенно хорошие отношения с детьми, менее других важны для личного благополучия именно однодетных женщин (табл. 2). Невысокая доля ценящих возможность самореализации, вероятно, связана со

спецификой объекта исследования, а именно тем фактом, что опрашивались сельские женщины, имеющие небольшой выбор рабочих мест и сфер приложения труда, а также невысокий уровень карьерных притязаний¹⁷.

Особое отношение однодетных женщин к детям (ребенку) подтверждается характером ожиданий от детей. Речь не идет о дифференциации представлений у женщин с разным количеством детей о том, какими дети вообще должны быть, каким качествами должны обладать и т. д. В данном случае мы обращаем внимание на то, что среди однодетных женщин минимальные доли тех, кто выбрал *любые* из перечисленных желаемых качеств детей (табл. 3). Данный факт свидетельствует о том, что у однодетных женщин *минимальные* требования к качеству детей (ребенка) не только по сравнению с женщинами, имеющими двоих или более детей, но и по сравнению со средними значениями по выборке.

Кроме того, среди однодетных женщин минимальная доля тех, кто рассматривает расходы на детей в качестве инвестиций в их будущее, повышающие их шансы достичь успеха в буду-

Таблица 2

Анализ субъективных представлений о личном благополучии у женщин, имеющих разное количество детей, %

С какими ценностями в первую очередь связано Ваше личное понимание благополучия?	Количество имеющихся детей		
	один	двое	трое и больше
Хорошее здоровье	95,2	86,4	84,2
Приемлемый доход	52,3	52,1	26,3
Хорошие отношения с супругом	52,4	47,7	68,4
Наличие собственности, имущества	23,8	9,1	15,8
Вера в Бога	4,8	4,5	15,8
Хорошие отношения с детьми	28,6	68,2	47,4
Положение в обществе, признание	0,0	0,0	21,1
Прочность семьи	33,3	40,9	42,1
Самореализация	4,8	6,8	5,3
Получение удовольствия от жизни	4,8	6,8	15,8
Интересная работа, профессия	23,1	18,2	15,8

щем (табл. 4). Если среди двухдетных женщин расходы на детей считают инвестициями 81,8%, а среди многодетных женщин – 73,3%, то среди однопородных только 57,1%. Более того, около 4,8% однопородных женщин считают расходы на детей тратой общих ресурсов семьи, не позволяющих использовать их на другие нужды семьи.

Как же различаются родительские предпочтения в семьях с разным количеством детей? Удивительно, но однопородные женщины демонстрируют самые высокие требования к качеству товаров и услуг для детей, к их возможностям и взаимоотношениям. Так, они единогласно считают, что для достижения наилучших результатов в будущем их ребенку необходимы хорошие образовательные учреждения на разных стадиях их жизненного цикла и получение профессионального образования после окончания школы. Конечно, данный факт не говорит о том, что двухдетные

или многодетные женщины не считают необходимым для своих детей учиться. Однако среди двухдетных женщин около 90,9% считают, что их детям нужно получить профессиональное образование после окончания школы. Аналогичным образом среди однопородных женщин максимальные доли тех, кто считает необходимым для своих детей наличие у них собственных книг, учебников, отдельной комнаты, кровати, стола для занятий, домашнего компьютера и т. д. (табл. 5), по сравнению с женщинами, имеющими двоих и более детей. Важно также обратить внимание на то, что женщины, имеющие двоих детей, наоборот, по многим показателям демонстрируют минимальные родительские предпочтения относительно товаров и услуг для детей. Так, среди них минимальны доли тех, кто указал на необходимость наличия у детей собственного мобильного телефона, доступа в Интернет, домашнего компьютера.

Таблица 3

Характер ожиданий от детей у женщин, имеющих разное количество детей, %

Какими бы Вы хотели видеть своих детей в будущем?	Количество имеющихся детей		
	один	двое	трое и больше
Образованными людьми	52,4	68,2	78,9
Почитающими своих родителей и помогающими им в старости	23,8	54,5	68,4
Чуткими, воспитанными, терпимыми	28,6	61,4	57,9
Рациональными, предприимчивыми, инициативными	19,0	38,6	42,1
Честными, смелыми	23,8	52,3	52,6
Трудолюбивыми, аккуратными, исполнительными	47,6	59,1	73,7

Таблица 4

Восприятие расходов на детей женщинами, имеющими разное количество детей, %

Как Вы считаете, расходы на детей – это:	Количество имеющихся детей		
	один	двое	трое и больше
Инвестиции (вложения) в будущее детей, повышающие их шансы достичь успехов в будущем	57,1	81,8	73,7
Расходы денежных средств, уменьшающие общие ресурсы семьи и не позволяющие использовать деньги на другие нужды	4,8	0,0	0,0
Трудно сказать	38,1	18,2	26,3

Таблица 5

Родительские предпочтения относительно товаров и услуг для детей в семьях с разным количеством детей, %

Перечень товаров и услуг для детей	Количество имеющихся детей		
	один	двое	трое и больше
Отдельная собственная комната	85,7	79,5	73,7
Отдельная собственная кровать	85,7	70,5	73,7
Стол для занятий	85,7	70,5	78,9
Собственные детские книги, учебники	95,2	68,2	78,9
Новая одежда и обувь по размеру по мере износа старой	85,7	68,2	89,5
Домашний компьютер	85,7	59,1	73,7
Доступ в Интернет	85,7	56,8	57,9
Собственный мобильный телефон	85,7	50,0	73,7
Получение образования, профессии после школы	100,0	90,9	94,7
Хорошее образовательное учреждение (школа, детский сад с хорошими учителями и воспитателями, благоприятная окружающая обстановка)	100,0	97,7	100,0

Анализ родительских предпочтений относительно возможностей для детей, способствующих достижению наилучших результатов в будущем, показывает их значительную дифференциацию в зависимости от числа имеющих детей. Однодетные женщины так же, как и относительно товаров и услуг для детей, демонстрируют максимальные предпочтения относительно возможностей для детей: все они считают необходимым для детей возможность получать качественные услуги здравоохранения, найти подходящую работу после окончания учебы, выезжать на отдых и путешествовать (табл. 6). Среди женщин, имеющих одного ребенка, максимальны доли тех, кто считает нужным для своих детей вести здоровый образ жизни и возможность посещать секции и кружки по интересам. Двухдетные женщины демонстрируют минимальные требования к таким возможностям, как наличие безопасного окружения и возможность высказывать свое мнение по вопросам, касающимся благополучия ребенка. На необходимость полноценного питания для детей, заключающегося в регулярном употреблении мяса или рыбы, овощей, фруктов и молочных продуктов, указали 75,0% двухдетных женщин, 78,9% многодетных и 81,0% однодетных женщин. Согласно полученным данным получается, что 19,0–25,0% опрошенных женщин считают, что для достижения наилучших результатов в будущем полноценное и рациональное питание не является важным.

Исследование родительских предпочтений относительно характера взаимоотношений детей с ближайшим окружением позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, однодетные женщины опять показывают максимальные требования к качеству взаимоотношений ребенка. Все однодетные женщины считают необходимым для детей наличие благоприятного климата в семье, без ссор и брани; около 95,2% из них уверены в необходимости для детей помощи, поддержки и понимания со стороны родителей и других родственников; еще 76,2% из них счи-

тают важным для детей общение с друзьями-ровесниками. Во-вторых, возможность для детей иметь братьев и сестер, причем чем больше, тем лучше, вызвало у родителей наименьшую поддержку. Однодетные женщины, демонстрирующие максимальные предпочтения относительно почти всех благ и возможностей для детей, показали низкие предпочтения относительно рождения своим детям братьев или сестер. Среди двухдетных женщин доля считающих необходимым для своих детей иметь еще братьев или сестер минимальная по сравнению с остальными – 54,5% (табл. 7). В-третьих, необходимость взаимодействия детей с родителями в процессе совместной деятельности по хозяйству вызвала поддержку у 90,5% однодетных, у 89,5% многодетных и только у 65,9% двухдетных женщин. Особый интерес этот факт вызывает потому, что наши респонденты – жители сельской местности, значительное время уделяющие ведению домашнего хозяйства, содержанию скотины и птицы, работе на приусадебном участке и огороде. Вероятным объяснением этому служит либо факт снижения занятости современных сельских домохозяйств на семейном подворье, либо отсутствие интереса у детей к занятию приусадебным хозяйством.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о значительной дифференциации родительских предпочтений относительно товаров, услуг и возможностей для детей в семьях с разным количеством детей. Они обусловлены различиями в системе жизненных ценностей женщин, имеющих одного, двоих и более детей, выбранных ими моделей индивидуального потребления и трудового поведения. Дискуссионным остается вопрос о степени готовности родителей реализовывать свои родительские предпочтения на практике в условиях имеющихся бюджетных ограничений, т. е. обеспечивать своим детям все те возможности и блага, которые они обозначили как необходимые, при определенном уровне материального благополучия.

Таблица 6

Родительские предпочтения относительно возможностей для детей в семьях с разным количеством детей, %

Перечень возможностей для детей	Количество имеющих детей		
	один	двое	трое и больше
Возможность хотя бы через день кушать мясо или рыбу, ежедневно кушать овощи и фрукты, молочные продукты	81,0	75,0	78,9
Возможность посещать секции, кружки по интересам	90,5	81,8	89,5
Высказывать свое мнение по вопросам, затрагивающим благополучие ребенка	81,0	65,9	68,4
Безопасное окружение (отсутствие криминальных группировок, актов вандализма, хулиганства, сект)	95,2	68,2	84,2
Возможность получать качественные услуги здравоохранения	100,0	84,1	89,5
Возможность найти подходящую работу после окончания учебы	100,0	84,1	94,7
Вести здоровый образ жизни (заниматься спортом, плавать, зимой кататься на лыжах, на коньках, не курить)	95,2	84,1	94,7
Выезжать на отдых, путешествовать	100,0	75,0	78,9

Таблица 7

Родительские предпочтения относительно характера взаимоотношений детей с ближайшим окружением в семьях с разным количеством детей, %

Перечень взаимоотношений детей с ближайшим окружением	Количество имеющихся детей		
	один	двое	трое и больше
Помощь, поддержка и понимание родителей и других родственников (постоянный контакт, умение выслушать, помочь решить проблемы)	95,2	81,8	84,2
Наличие братьев и сестер, чем больше, тем лучше	66,7	54,5	68,4
Много друзей-сверстников, своя компания	76,2	70,5	68,4
Помогать родителям по хозяйству	90,5	65,9	89,5
Благоприятный климат в семье, отсутствие ссор, брани	100,0	88,6	94,2

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о дифференциации родительских предпочтений относительно товаров, услуг и возможностей для детей, а также характера взаимоотношений детей с ближайшим окружением у сельских женщин, имеющих разное количество детей. Данная дифференциация обусловлена выбранными моделями репродуктивного поведения на основе сочетания уровня индивидуального потребления, индивидуального досуга и моделей занятости с потребностью иметь определенное количество детей. Однодетные женщины желают иметь и ребенка, и неснижающийся уровень индивидуального потребления, индивидуальный досуг и определенную модель занятости. В понимании личного благополучия они в значительной степени ориентируются на ценности материального благополучия, хорошего здоровья, наличия собственности, имущества и интересной работы. Однако родительские предпочтения однодетных женщин относительно благ и возможностей для ребенка максимальны по сравнению с женщинами, имеющими двоих и более детей. Это означает, что однодетные женщины ориентируются на максимизацию возможных ресурсов, вкладываемых в единственного ребенка (по принципу «лучше один лев, чем куча зайчат»).

Многодетные женщины, имеющие троих и более детей, в понимании собственного благополучия ориентированы на ценности прочности семьи, хороших отношений с супругом и с детьми, хорошего здоровья и общественного признания. Этим обуславливается их традиционное отношение к семье, браку, детям, зачастую определяемое особым отношением к религии. Многодетные женщины предъявляют высокие требования к качеству благ и услуг для детей исходя из приоритетности, ценности детей самих по себе, обуславливающих их многодетность. Для этих женщин свойственен высокий уровень родительского альтруизма, жертвенности своими интересами для блага членов своей семьи, нивелирование индивидуальных интересов.

Двухдетные женщины, с одной стороны, ориентированы в значительной степени на семейные ценности, с другой – демонстрируют минимальные родительские предпочтения отно-

сительно благ и возможностей для детей. Вероятное объяснение этому связано с тем, что они все же хотят иметь определенный уровень индивидуального потребления и досуг, однако на практике реализовать эти желания им затруднительно ввиду необходимости перераспределять ресурсы в пользу двоих детей.

Таким образом, полученные данные подтверждают наличие дифференциации родительских предпочтений относительно благ и возможностей для детей у женщин, имеющих разное количество детей. Очевидно, что эти женщины будут выбирать разные стратегии инвестирования в своих детей и демонстрировать разную готовность к перераспределению ресурсов в пользу детей в условиях значительных бюджетных ограничений. Дальнейшие исследования детерминант формирования человеческого капитала детей в семье позволят более эффективно и качественно разрабатывать и реализовывать мероприятия государственной семейной, молодежной политики и политики в интересах детей, обеспечивающие синергетический эффект с целью накопления и использования человеческого капитала страны.

Примечания

- 1 См.: *Lichtenstein S., Slovic P.* The construction of preference. N. Y. : Cambridge University Press. 2006.
- 2 См.: *Schoen R., Kim Y., Nathanson C., Fields J., Astone N. M.* Why do Americans want children? // *Population and Development Review.* 1997. Vol. 23, iss. 2. P. 333–358.
- 3 См.: *Preferences* // *International Encyclopedia of Economic Sociology* / eds.: J. Beckert, M. Zafirovski. Routledge, 2005. P. 530–532.
- 4 См.: *Becker G.* Accounting the Tastes. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1996.
- 5 См.: *Lee R., Mason A.* Fertility, human capital, and economic growth over the demographic transition // *European Journal of Population.* 2010. Vol. 26, № 2. P. 159–182.
- 6 См.: *Van Bavel J.* Choice of study discipline and the postponement of motherhood in Europe : The impact of expected earnings, gender composition and family attitudes // *Demography.* 2010. № 47. P. 439–458.
- 7 См.: *Lesthaeghe R., van de Kaa D.* Twee demografische transitie? (Two demographic transitions?) // *Lesthaeghe R.*

- & van de Kaa D. (eds.). *Bevolking – Groei en krimp, mens en maatschappij*. Deventer : Van Loghnum Slaterus, 1986. P. 9–24.
- ⁸ См.: *Liefbroer A., Billari F.* Bringing norms back in : A theoretical and empirical discussion of their importance for understanding demographic behaviour // *Population, Space and Place*. 2010. Vol. 16, iss. 4. P. 287–305.
- ⁹ См.: *Bernardi L., Keim S., Lippe H. von der.* Social Influences on Fertility : A Comparative Mixed Methods Study in Eastern and Western Germany // *Journal of Mixed Methods Research*. 2007. Vol. 1. P. 23–47.
- ¹⁰ См.: *Блинова Т., Вяльшина А.* Репродуктивные предпочтения сельских женщин и ценность детей в семье // *Вестн. СГСЭУ*. 2012. № 4 (43). С. 165–170 ; *Они же.* Потенциал третьих рождений в двухдетных сельских семьях (по результатам прикладного социологического исследования) // *Вестн. СГСЭУ*. 2013. № 1 (45). С. 78–84.
- ¹¹ См.: *Bourdieu P.* The forms of capital // *Richardson J. G.* (ed.) *Handbook of theory and research for the sociology of education*. N. Y. : Greenwood, 1986. P. 241–258.
- ¹² См.: *Schoen R., Kim Y., Nathanson C., Fields J., Astone N. M.* Op. cit.
- ¹³ См.: *Hakim C.* A new approach to explaining fertility patterns : Preference theory // *Population and Development Review*. 2003. Vol. 29, iss. 3. P. 349–374.
- ¹⁴ См.: *Пайе А., Синявская О.* Занятость женщин во Франции и в России : роль детей и гендерных установок // *Демоскоп Weekly*. № 449–450, 1–23 января 2011. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0449/index.php> (дата обращения: 25.11.2016) ; *Блинова Т., Вяльшина А.* Репродуктивные предпочтения сельских женщин и ценность детей в семье.
- ¹⁵ См.: *Логинов Д., Елисеева М.* Дополнительное образование детей в Москве : стратегии потребления услуг // *SPERO*. № 17. Осень-Зима 2012. С. 113–120.
- ¹⁶ См.: *Вяльшина А.* Анализ зарубежных методологических подходов к оценке детской бедности в сельской местности // *Региональные агросистемы : экономика и социология : ежегодник / отв. ред. А. А. Анфиногентов. Саратов : ИАГП РАН, 2011. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iagpran.ru> (дата обращения: 12.07.2017).*
- ¹⁷ См.: *Блинова Т., Вяльшина А.* Отношение сельских женщин с детьми к профессиональной занятости // *Человек и труд*. 2011. № 11. С. 21–25.

Образец для цитирования:

Вяльшина А. А. Родительские предпочтения в сельских семьях с разным количеством детей // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 37–46. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-37-46.

Cite this article as:

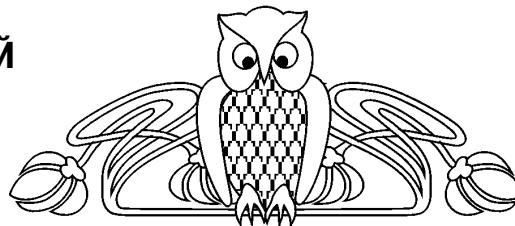
Vyalshina A. A. Parent Preferences in Rural Families with Different Number of Children. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 37–46 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-37-46.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.334.2

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

И. А. Понукалин

Понукалин Илья Алексеевич, аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, altair0505@mail.ru

В статье представлены результаты теоретического осмысления и эмпирического исследования паттернов потребительского поведения посетителей торгово-развлекательного центра в контексте влияния новых цифровых технологий. Одной из исследовательских задач, относимых к области экономической социологии, является анализ потребительского поведения. В рамках социологического подхода он предполагает акцентуацию исследовательского внимания на условиях, ситуациях, факторах и на действиях различных социальных субъектов, реализующих свои социально-экономические интересы. Автор анализирует новые форматы обслуживания в ситуации роста привлекательности онлайн продаж. По результатам авторского эмпирического исследования «Поведение потребителей ТРЦ в контексте влияния новых цифровых технологий», осуществляемого в г. Саратове в 2016–2017 гг., формулируются выводы. Как показали исследования, в настоящее время ТРЦ становится пространством расширения и совмещения различных видов социальной активности, возникновения гибридизированных потребительских практик. Все большую роль в этих процессах начинают играть новые возможности, предоставляемые цифровыми технологиями. Под влиянием новых цифровых технологий происходит изменение традиционных бизнес-моделей ТРЦ. С одной стороны, цифровые технологии повышают конкуренцию, с другой – дают больше возможностей по привлечению покупателей и созданию более современных форм и способов взаимодействия. ТРЦ модернизируют свои коммуникативные стратегии, активно применяя новые цифровые технологии. Распространяются новые потребительские практики, такие как шоурминг – знакомость с ассортиментом товаров, покупатели делают покупки в интернет-магазине, и вебрумминг – изучив ассортимент и свойства товаров в Интернете, покупки делаются в магазине. Мотивы онлайн и офлайн покупок различны. Онлайн формат больше привлекателен для удовлетворения рациональных нужд, в офлайн покупках доминируют мотивы, связанные с эмоциональностью.

Ключевые слова: поведение потребителей, новые цифровые технологии, торгово-развлекательный центр, потребление.

Influence of New Digital Technologies on Behavior of Consumers of Trading and Entertainment Centers: Sociological Analysis

I. A. Ponukalin

Ilya A. Ponukalin, ORCID 0000-0002-6010-1976, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, altair0505@mail.ru

The article presents the results of a sociological study of consumer behavior in a shopping and entertainment center. It is analyzed how new digital technologies influence consumers. The features, complexities and attractiveness of online sales are explored.

An important task of economic sociology is the analysis of consumer behavior. It involves studying the conditions, situations, factors, actions of various social actors. Through consumption, people realize their social and economic interests. The author carried out a sociological study: «The behavior of consumers of TRC in the context of the impact of new digital technologies.» The venue is Saratov, 2016–2017. The author formulates the following conclusions. Currently, shopping centers perform many social functions. Digital technologies change the work of the mall. The traditional business models of shopping centers are changing. On the one hand, competition is on the rise. On the other – there are new opportunities. There are convenient forms and ways of interaction. Communication strategies change. There are new opportunities. Showroom – Buyers watch the goods in the store, and buy in the online store. Web Mering – Buyers study the goods on the Internet, purchases are shared in the store. Motives online and offline purchases are different. Online for rationality. Offline purchases are associated with emotions.

Key words: consumer behavior, new digital technologies, trade and distribution center, consumption.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-47-50

В условиях современной России розничная торговля осуществляется по разным каналам, при этом наблюдается тенденция ее концентрации в секторах новых средств потребления и форм торговли. Вслед за Дж. Ритцером, новые средства потребления мы понимаем как социальную и экономическую структуру, которая способствует приобретению людьми товаров и услуг, а также предоставляет возможность осуществления контроля и эксплуатации этих же людей в качестве потребителей¹.

В своих работах Ж. Бодрийяр и Дж. Ритцер убедительно аргументировали, что в условиях наполнения рынка однотипными и схожими по цене товарами и услугам решающим фактором потребительских паттернов становится не ассортимент товара, а форматы и технология его предложения. Наиболее привлекательным форматом сегодня представляется организация торгово-развлекательных центров, объединяющих под своей крышей сеть магазинов, предприятий питания и развлечений, объединенных архитектурно и управляемых одной компанией. Часто они имеют своей опорой супер- и гипермаркеты в качестве «якорных» арендаторов². В рамках

данной статьи понятия «торгово-развлекательный комплекс (ТРК)», «торговый центр (ТЦ)» и «торгово-развлекательный центр (ТРЦ)» автором рассматриваются синонимично.

Торгово-развлекательные центры уже давно стали одним из активно развивающихся типов коммерческих площадок не только в столичных регионах, но и, начиная с 2000 г., в крупных и средних российских городах. Наблюдается тенденция «перетягивания» покупателей из других торговых сервисов, закрепившихся на рынке; в пространстве ТРЦ концентрация большого количества потребителей происходит благодаря внедрению в практику принципов рационализма и универсализма, именуемых, вслед за Ритцем, принципом «макдональдизации». Для урбанизированных территорий даже в кризисных экономических ситуациях характерен процесс повышения плотности ТРЦ, часто именуемых «дворцами потребления»³. Возможности ТРЦ намного шире, чем рамки функционального потребления. В пространстве ТРЦ реализуется максимально возможный спектр практик потребления, связанных с приобретением товаров, проведением свободного времени и развлечениями, а также с процессами символических обменов и конструирования идентичности.

Сегодня, в силу сложившихся социально-экономических условий, ТРЦ оказываются в непростой ситуации – снижается уровень продаж, потребители придерживаются более осторожной модели потребления из-за снижения уровня доходов. Во многих городах это происходит еще и на фоне роста предложений площадок в связи с вводом в эксплуатацию новых объектов⁴.

Как известно, процесс потребления с точки зрения социологии рассматривается как результат взаимодействия социальных сил, представленных в обществе. Пристальное внимание уделяется исследованию поддерживающей структуры и культуры. Эти силы, не учитывающиеся экономической теорией, в контексте экономической социологии считаются определяющими объемом, содержанием и паттерны потребления. Интерес социологии направлен на то, какие типы благ покупаются и потребляются, а не на агрегированный объем потребления, выраженный в денежном эквиваленте⁵. Для выявления условий, при которых меняются потребительские паттерны и сохраняется и/или повышается привлекательность торговых пространств, необходимо воспользоваться возможностями социологического аппарата. С нашей точки зрения, представляется интересным фокус исследовательского внимания на условиях диджитализации деятельности торгово-развлекательных центров и разворачивающихся внутри них потребительских практик.

В связи с этим важно отметить, что актуальным трендом современности становится электронная коммерция, покупки через Интернет. Внимание потребителей все чаще привлекают

возможности цифровых каналов коммуникации. Постепенное проникновение технологических инноваций в различные сферы жизни, формирование и усиление роли информационной среды и, как следствие, диджитализация общества оказывают влияние на способы взаимодействия торговых сервисов с потребителями, способствуют развитию принципиально новых потребительских тенденций.

В этом отношении идут жаркие дебаты по поводу будущего торговли: онлайн или офлайн?⁶ С одной стороны, торговые сервисы стремятся получить выгоды от онлайн сегмента, обуславливающего новый тренд покупательского поведения; с другой стороны – опасаются, что не выдержат с ним конкуренции. Популяризация онлайн коммерции приводит к тому, что все большее количество граждан склоняется к совершению покупки через Интернет, повышается процент заказов из-за границы – как правило, из Китая. При этом крупнейшие онлайн-сервисы предоставляют покупателям весьма привлекательные условия для совершения покупок, такие как более низкий уровень цен, при необходимости – возврат, бесплатная доставка с возможностью примерки перед покупкой.

Принимая во внимание изменения конъюнктуры рынка, особенности экономической ситуации, развитие цифровых технологий, нам представляется важным выявить специфику потребительских паттернов и предпочтений совершения покупок, осуществляемых в пространстве ТРЦ. Анализ потребительского поведения является одной из исследовательских задач, относимых к области социологии потребления и экономической социологии. Потребительское поведение представляет собой деятельность, которая связана с приобретением, потреблением товаров и услуг, а также освобождением от них. Анализ потребительского поведения сквозь призму социологического подхода предполагает акцентуацию исследовательского внимания на условиях, ситуациях, факторах, социальных институтах и на конкретных действиях различных социальных субъектов, реализующих свои социально-экономические интересы.

Далее представляются выводы по результатам авторского эмпирического исследования «Поведение потребителей ТРЦ в контексте влияния новых цифровых технологий», проведенного в г. Саратове в 2016–2017 гг. методом фокус-групп (3 фокус-группы) и 10 полуструктурированных интервью с посетителями торгово-развлекательных комплексов «Триумф» и «Хеппи-молл», а также с руководителем и персоналом торговых сервисов. Анкетирование проводилось среди посетителей торгово-развлекательных центров. Объем выборки составил 400 чел., из них мужчины 40%, женщины 60% в возрасте от 18 до 55 лет.

Проведенное автором исследование позволило выявить определенные тенденции.

1. Организация внутреннего устройства современных ТРЦ в значительной степени рационализирована. Подобное устройство способствует распространению наиболее эффективных механизмов продаж, обеспечивает многовариативность времяпрепровождения, позволяет совместить многообразие потребительских практик с репертуаром более широких социальных взаимодействий. ТРЦ сегодня становится пространством расширения и совмещения различных видов социальной активности, возникновения гибридизированных потребительских практик. Все большую роль в этих процессах начинают играть новые возможности, предоставляемые цифровыми технологиями.

2. Для современного этапа развития концепции ТРЦ характерен поиск новых методов и способов воздействия на поведение потребителя: пристальное внимание уделяется возможностям цифровых каналов коммуникации. Под влиянием новых цифровых технологий происходит изменение традиционных бизнес-моделей и устройства ТРЦ. С одной стороны, цифровые технологии повышают конкуренцию (из-за роста популярности онлайн покупки), с другой – дают больше возможностей по привлечению покупателей, осуществлению покупок и созданию более современных форм и способов взаимодействия с торговыми сервисами.

3. Привлекая новых и удерживая постоянных посетителей, представители ТРЦ модернизируют свои коммуникативные стратегии, активно применяя новые цифровые технологии. В ходе исследования нами было выявлено, что наиболее распространенными становятся следующие практики:

– потребителям на мобильное устройство поступает предложение «зарегистрироваться» и установить мобильные приложения определенных торговых сервисов. Через них потребители получают актуальную информацию и различные выгодные предложения по типу бонусных баллов. В ходе интервью с посетителями и сотрудниками ТРЦ нами было выявлено, что диджитал-технологии в пространстве ТРЦ – это еще и QR-коды в акциях, сенсорные экраны с картой территории торгово-развлекательного центра, использование геолокационных технологий, размещение рекламы на 3D-мониторах, различные диджитал-программы лояльности, например оповещения об акциях и скидках. Из интервью, респондент, ж., 21 г.: «Я всегда жду с нетерпением, когда мне смской приходят сообщения о скидках в магазине моего любимого бренда... сразу туда иду. Или расстраиваюсь, если вовремя не попадаю...»;

– потребителям предлагается оплачивать широкий спектр услуг и товаров с использованием своих мобильных телефонов. Для этого также устанавливается приложение, превращающее мобильное устройство в «электронный коше-

лек». Высказывание участника фокус-групп, м., 23 г. «Я сразу обратил внимание на то, как некоторые покупатели расплачивались просто прикладывая телефон к устройству для пластиковых карт. Это выглядело как-то модно, успешно... Я установил себе такое же приложение. Очень удобно! Теперь на меня обращают внимание...». Здесь хочется упомянуть теорию влияния референтных групп на поведение потребителей. Р. Мертон, идеи которого легли в ее основу, отмечал, что люди, «формируя свое поведение и оценки, часто ориентируются на иные группы, чем их собственная, членами которых они не являются»⁷;

– благодаря позиционированию себя на ресурсах социальных веб-сайтов (соцсети) торговые сервисы получают возможность через цифровые технологии более теплого, содержательного общения с потенциальными потребителями. (Известен такой пример: практика распродаж «Чёрная пятница» дебютировал на сайтах соцсетей.)

4. В конкурентной борьбе с электронными сервисами зарождаются новые модели потребления. Например – шоурминг. Посещая ТРЦ, знакомясь с ассортиментом товаров, покупатели имеют возможность совершить покупки в интернет-магазине. И эта практика таит в себе угрозы для развития ТРЦ. Для персонала при использовании онлайн технологий принципиально важным становится перевести фокус интереса потребителя в формат реального присутствия в ТРЦ и его магазинах.

Но есть и другая привлекательная модель – вебрумминг, когда потребитель изучает ассортимент и свойства товаров в Интернете, а совершает покупку в магазине. Так, по данным исследовательских бюро, сегодня около 72% молодых людей применяют смартфон при посещении ТРЦ для навигации и получения информации о характеристиках товаров и услугах⁸.

5. Как показало исследование, мотивы онлайн и офлайн покупок различны. Респонденты указали (76%), что среди прочих причин онлайн формат привлекателен в большей степени для удовлетворения рациональных нужд при совершении покупки, экономии времени и удобства. 58% опрошенных уверены, что при заказе онлайн товар может стоить несколько дешевле. Но при этом минусами дистанционной торговли являются: «невозможность примерить, увидеть, потрогать товар при покупке», долгая доставка, сложности с возвратом, «если вдруг разошлись». На это указали 85% респондентов.

При посещениях ТРЦ, т. е. формат офлайн покупок, доминируют мотивы, связанные с эмоциональностью. Молодое поколение, выросшее в эру цифровых технологий и тотальной мобильной связи, тем не менее, позитивно оценивает возможности и преимущества, предоставляемые реальными торговыми площадками ТРЦ. Напри-

мер, непосредственное присутствие и реальные контакты необходимы для получения тактильно-го опыта.

Удовлетворяя самые разнообразные притязания покупателей, ТРЦ позволяет осуществлять «шопинг впечатлений», что не может подменяться онлайн форматом. Но для этого ТРЦ должен объединять локации, способные предложить потребителю больше впечатлений, чем обычный поход в магазин, расширять границы сугубо материального мира и задействовать разнообразный спектр эмоций потребителей.

Таким образом, нами артикулируется парадоксальность ситуации – несмотря на объективную кризисную реальность, множится количество многофункциональных площадок для потребления. Сущность происходящего невозможно раскрыть, апеллируя только лишь к макро- и микроэкономическим показателям. В этой связи повышается востребованность анализа социокультурной роли потребления, актуализируется проблема изучения динамики потребительских практик, усиливается необходимость исследования условий и факторов модернизации потребительского поведения. К существенным факторам, трансформирующим поведение потребителей, автор относит внедрение в деятельность ТРЦ новых цифровых технологий в качестве каналов коммуникаций. Подобные новации позволяют осваивать новые форматы обслуживания, сочетающие онлайн и офлайн паттерны

потребительского поведения, достигать более персонализированных моделей коммуникаций с потребителем.

Примечания

- 1 См.: Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб. : Питер, 2002. С. 502.
- 2 См.: Радаев В. В. Эволюция организационных форм в условиях растущего рынка (на примере российской розничной торговли). Препринт WP4/2006/06. М. : ГУ ВШЭ, 2006.
- 3 См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика, 2006.
- 4 См.: Есть зона роста! 14.07.2013. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=241&uid=114312> (дата обращения: 22.09.2017).
- 5 См.: Роцина Я. М. Социология потребления : учеб. пособие. М. : ГУ ВШЭ, 2007.
- 6 См.: Интернет-шопинг : что мы покупаем в Сети? Пресс-выпуск № 2190. 17.12.2012. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113471> (дата обращения: 17.07.2017).
- 7 Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ ; Хранитель, 2006. С. 429.
- 8 См.: Цифровое будущее ТРЦ наступило : как не остаться «за бортом» диджитализации. URL: https://new-retail.ru/business/tsifrovoe_budushchee_trts_nastupilo_kak_ne_ostatsya_za_bortom_didzhitalizatsii9687/?sphrase_id=77742 (дата обращения: 03.10.2017).

Образец для цитирования:

Понукалин И. А. Влияние новых цифровых технологий на поведение потребителей торгово-развлекательных центров: социологический анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 47–50. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-47-50.

Cite this article as:

Ponukalin I. A. Influence of New Digital Technologies on Behavior of Consumers of Trading and Entertainment Centers: Sociological Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 47–50 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-47-50.

УДК 654.197.01:316

КОНЦЕПТ ТЕЛЕСМОТРЕНИЯ И ТЕЛЕПОТРЕБЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

М. Н. Лукьянова

Лукьянова Мария Николаевна, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mariabmn@yandex.ru

Средства массовой информации играют все большую роль в социализации молодежной аудитории, так как современного индивида невозможно представить в отрыве от медиа, которые занимают место одного из основных источников информации о социуме. Особенно важно исследовать СМИ в рамках взаимодействия с молодежной аудиторией, поскольку именно это поколение является опорой и движущей силой будущего общества. Реализация задач исследования осуществлена посредством теоретического анализа воззрений ученых-социологов, а эмпирической базой стало авторское исследование, проведенное методом анкетирования в 2017 г. В статье даются краткий обзор теорий взаимодействия СМИ и личности, характеристика трансформации современного телевидения и его аудитории, представлены результаты социологического исследования телепотребления саратовской молодежной аудитории, выявлены ее специфические черты. На основе полученных данных были выявлены основные детерминанты телепотребления, разработаны авторские классификации способов телесмотрения саратовской молодежи и стили телепотребления региональной телеаудитории. Выводы и результаты исследования могут быть использованы для разработки методических рекомендаций к исследованиям взаимодействия СМИ и аудитории, медийных предпочтений молодежи, маркетинговых исследований, а также для корректировки содержания телеконтента с целью привлечения молодежной целевой аудитории.

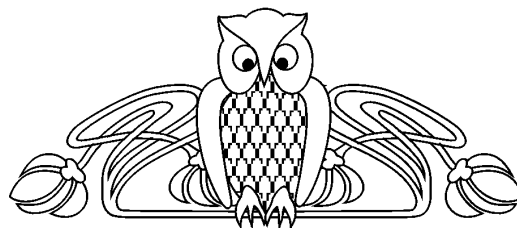
Ключевые слова: телевидение, социальные функции, телеаудитория, телепотребление, телесмотрение.

The Concept of TV-viewing and TV-consumption: Theoretical and Empirical Interpretations

M. N. Lukyanova

Maria N. Lukyanova, ORCID 0000-0002-7377-9372, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, mariabmn@yandex.ru

The mass media play an important role in the socialization of the youth audience. It is especially important to study the media in the framework of interaction with the youth audience, since it is the youth that is the driving force of the future society. The research objectives are achieved through a theoretical analysis of the views of social scientists. The empirical basis of the article is the author's research conducted by the questionnaire method in 2017. In the article the author gives a brief overview of the theories of interaction between the media and the individual, the characteristics of the transformation of modern television and its audience, the results of a sociological study of television consumption in the Saratov youth audience, and specific

features. On the basis of the data obtained, the main determinants of television consumption were identified, authorial classifications of the ways of tv-viewing of Saratov youth and the styles of tv-consumption of the regional television audience were developed. The findings and results of the study can be used to develop methodological recommendations for research on media and audience interaction, media preferences for young people, marketing research, and to adjust the tv-content to attract young target audiences.

Key words: television, social functions, television audience, television consumption, television viewing.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-51-54

Появление новых технологий медиа неизбежно воздействует на общество, активно его трансформируя. В рамках этого процесса изменяются социальные практики, формируются новые способы коммуникативного взаимодействия, что влияет на функционирование всех сфер жизнедеятельности общества, включая как социальные институты, так и социальные группы и общности, но свое начало этот процесс берет в трансформации установок индивида. Современный человек практически постоянно пребывает в массмедийном пространстве: обозревание социальных сетей, поиск информации в Интернете, современный рабочий процесс тоже ведется посредством Интернета, наиболее бюджетным способом досуга является кабельное телевидение или интернет-ТВ, большинство информации, ценностей, смыслов и образов сегодняшней индивид черпает из СМИ, которые он обозревает в своей повседневной реальности. Особая роль в этом принадлежит телевидению – наиболее распространенному и влиятельному из средств массовой информации. Сегодня оно динамично развивается, отвечая на общественное развитие, вводя в свой арсенал технологические новшества, активно подстраиваясь и иногда стимулируя общественные трансформации.

Актуальность научного социологического осмысления взаимодействия СМИ и ее аудитории обусловлена недостатком теоретических социологических концепций по рассмотрению взаимодействия СМИ и личности. Наиболее стройную систему взаимодействия СМИ и ее аудитории представляет М. В. Корсунская, она разделяет этот вид взаимодействия на два подхода: медиацентрированный и социально ориентированный¹.

Медиацентрированный подход предполагает автономию СМИ в обществе, в его пределах изучается воздействие СМИ на общество, но при этом СМИ выступают одной из детерминант изме-

нений в обществе. К данному подходу относятся: концепции неограниченного воздействия (Г. Лассуэл, М. Хоркхаймер, В. Липман), в которых предполагалось, что СМИ обладают неограниченным потенциалом воздействия на аудиторию; концепция опосредованного воздействия (воздействие СМИ опосредовано референтными группами и субъективной ситуацией индивида или влияние происходит лишь на его когнитивные установки (Д. Фиске, Г. Шаттенберг, Д. Гербнер)); концепция ограниченных эффектов воздействия (СМИ определяют значимость повседневных событий)².

Социально ориентированный подход рассматривает СМИ в контексте общественных изменений и предполагает взаимодействие между СМИ и обществом. Здесь взаимодействие СМИ и аудитории опосредовано деятельностью государства (акторов политического поля), рекламодателей (акторов экономического поля), коммуникатора и аудитории (акторов символического и культурного полей)³.

Теоретические подходы к взаимодействию СМИ и аудитории изменялись исторически. Классические модели коммуникации были построены исходя из теории доминирующей роли СМИ, неограниченных возможностей их влияния на аудиторию, предполагалось, что транслируемые образы некритически принимаются индивидами⁴.

Но в рамках вышеуказанных подходов упускается из виду проблема взаимодействия СМИ и личности. Несмотря на то что объектом обозрения медиа являются массы, каждый интерпретирует воспринятую информацию сквозь призму своего здравого смысла, опыт и систему взглядов. Необходимо начать воспринимать аудиторию не как пассивного реципиента, а как полноценного участника взаимодействия. Именно из-за этого упущения современного телевидения значимое количество аудитории уходит в Интернет, где есть более мобильная площадка для обсуждения, взаимодействия и других проявлений обратной связи.

В 1990-е гг. российское телевидение перешло на новый этап своего развития – из владения государства во владение коммерческих предприятий, оказавшись в новой социально-экономической реальности. С тех пор значительно возросло количество телевизионных каналов, появилось кабельное и спутниковое телевидение, увеличилось тематическое, жанровое и содержательное разнообразие телеэфира, СМИ стали более либеральными и плюралистичными. В результате данного процесса практики телесмотрения претерпели некоторые изменения. В связи с расширением телеконтента зрительское поведение тоже дифференцируется в зависимости от самых разнообразных детерминант, происходит «фрагментация» аудитории, а также имеет место возрастание индивидуализации стилей зрительского телепотребления⁵.

Термин «телепотребление» берет свое начало в теориях общества потребления, среди них нас наиболее интересуют концепты, выведенные Г. Зиммелем⁶ и Т. Вебленом⁷, где понятие «потребление» имеет символический характер и является отражением социально-экономического положения индивида в обществе. Через личный стиль потребления индивид фиксирует свое положение и отождествляет себя с окружающими; здесь, по мнению Г. Зиммеля, включается механизм подражания и вступает в силу следование социальным ритуалам, принятым в обществе и востребованным в его социальном слое⁸.

Также интересными в этом контексте для нас являются теории Ж. Фурастье и Дж. Катона, в рамках которых потребление воспринимается как способ поддержания социального порядка⁹.

Представитель Мичиганской школы Дж. Катон в рамках поведенческой теории стал основоположником рассмотрения потребления не как покупки товара, а как принципа общественного устройства и способа его воспроизводства и поддержания социального порядка. Дж. Катон в своих трудах подчеркивает, что основа поведенческой стратегии людей во время потребления имеет как экономическую так и культурно-психологическую основу. В этом контексте потребление становится не только реализацией покупательской способности индивида, а сложным поведенческим актом, который обуславливается системой социальных, культурных и психологических установок личности. Действие данной теории рассматривается Дж. Катонем на примере рекламы, которая провоцирует индивида на выбор определенной стратегии потребительского поведения. Таким образом, медиапространство ограничивает индивиду определенный фрагмент социальной реальности, погружая его в мир четко разграниченных и отобранных смыслов¹⁰.

В общественных теориях взаимодействия со СМИ право на собственное мнение и субъектность у индивида появилось в рамках теорий виртуализации Ж. Бодрийера и теории культивационных эффектов Дж. Гербнера. У Ж. Бодрийера¹¹ человек окружен элементами символической реальности и в стремлении овладеть материальными благами выбирает, как наполнять свою социальную реальность, которая приведет его к цели, но такой индивид по-прежнему является лишь пассивным реципиентом СМИ, посредством рекламы навязывающего ему определенный смысл существования¹².

В концепте теории «культивационных эффектов» Дж. Гербнера¹³ в рамках проекта «Культурные индикаторы» было выведено два постулата: во-первых, содержание просматриваемого телеконтента формирует определенную систему представлений аудитории об окружающей социальной реальности; во-вторых, особенностью телепотребления является невысокая избирательность, которая характеризуется Дж. Гербнером как «при-

вязанность к определенному времени», т. е. в рамках этой теории индивид смотрит не то, что хочет, а то, что может в свободное от работы время¹⁴. Но сегодня в условиях существования более гибких форм трудовой занятости и из-за наличия предпринимательства, домашнего бизнеса и развития новых форм проведения досуга данный концепт постепенно исчерпывает себя, а с возникновением кабельного, спутникового и интернет-телевидения у индивида появляется возможность отбирать свой индивидуальный контент, что делает его полноправным и равным участником взаимодействия в связке индивид – СМИ и требует изучения с несколько иных позиций.

Телесмотрением мы будем называть сам процесс телепросмотра, понятие «телепотребление» предполагает более широкое рассмотрение и включает в себя такие параметры, как способ телесмотрения, время и содержание телепросмотра. Исходя из авторского эмпирического исследования, проведенного в 2017 г. методом анкетирования 200 респондентов по квотной-районированной бесповторной выборке в г. Саратове, было выявлено, что можно выделить следующие способы телесмотрения: заппинг – хаотическое переключение телеканалов в поиске подходящего телеконтента; фоновое телесмотрение как телепросмотр параллельно с какой-либо деятельностью; внимательное телесмотрение – направленный телепросмотр четко определенного содержания, как правило, запланированный заранее. Каждый способ телесмотрения будет отличаться своими специфическими чертами, такими как время телепросмотра, степень вовлеченности в процесс телепросмотра, объем усвоенной информации, содержание просмотра.

Рассмотрим, какие способы телесмотрения предпочитает региональная молодежь. Саратовцы чаще всего занимаются фоновым просмотром (37,4%), но также 28,9% опрошенных смотрят что-то определенное и внимательно досматривают до конца, 27,9% используют заппинг (переключение с канала на канал), 3,7% ответивших смотрят что-либо лишь до первой рекламы и 2,1% совмещают все указанные способы телесмотрения. Преобладание таких способов, как фоновое телесмотрение и заппинг, свидетельствуют о том, что современный саратовский телепотребитель не склонен глубоко вовлекаться в телепросмотр, который служит способом ухода от реальности, а не источником информирования.

Распределение по гендерным характеристикам показывает, что у женщин преобладают фоновое телесмотрение, затем на равноценных позициях следуют заппинг и внимательное телесмотрение. Для мужчин преобладающим видом является внимательное телесмотрение, менее популярны заппинг и фоновое просмотрение. Выдвижение у женщин на первый план фонового просмотра иллюстрирует тот факт, что для них телепросмотр является второстепенным видом

деятельности, при котором телевидение воспринимается в качестве заполнителя пространства во время совершения каких-либо действий: домашних обязанностей, ухода за собой и т. п., что предполагает неглубокое проникновение в суть передаваемой информации и оправдывает выбор именно развлекательных телепередач, не требующих высокой концентрации внимания. Мужчины к телепросмотру относятся более ответственно, предпочитая просматривать всю передачу внимательно от начала и до конца, не упуская при этом никаких деталей, что сопровождается более глубоким вовлечением и активным получением информации.

Было выявлено, что выбор способа телесмотрения зависит от цели телепросмотра: группа, ставившая главной целью получение информации, чаще всего выбирала внимательное телесмотрение. Выбор внимательного телесмотрения обоснован приоритетом информационной цели в телепотреблении, а так как получение информации является самоцелью, то респондент будет относиться к телепросмотру более ответственно и проявлять большую степень концентрации.

Группа респондентов, выбравшая приоритетной целью телесмотрения развлечение, чаще всего пользуется такими стилями, как заппинг и просмотр до первой рекламы, либо совмещает все способы телесмотрения. Популярность заппинга у этой группы обусловлена тем, что развлечение как цель телесмотрения не требует большого количества концентрации, и блуждание по каналам позволяет выбрать любимую телепередачу из всего спектра.

Опрошенные, главной целью телепотребления которых является создание фона для деятельности, выбирали такой способ, как фоновое просмотрение. Выход на первый план такого стиля обоснован тем, что он фактически совпадает с целью телепросмотра.

Исходя из результатов исследования, целесообразно выделить следующие стили телепотребления: мужское и женское. Мужскому телепотреблению присуща большая рациональность. Приоритетным здесь будет внимательное телесмотрение (35,4%). Главным в этом стиле для его приверженца является получение информации, что подтвердили 42,4% ответивших мужчин. Предпочитаемым телеконтентом в этом случае являются политические (34%), спортивные (26%) и экономические обзоры (13%).

Женское телепотребление отличается меньшей сфокусированностью на содержании просматриваемого. Основным способом телесмотрения у женщин является фоновое телесмотрение, его выбрали 48,9% жительниц Саратова. Содержание телепросмотра соответствующее: были выбраны в основном развлекательные передачи, такие как передачи околотиографической тематики или светская хроника (44%), модные обзоры (30,3%), мультфильмы (23%).

Также можно разделить стили потребления по группам в зависимости от занятости: телепотребление трудоустроенных, телепотребление в процессе получения образования, телепотребление трудоустроенного студенчества.

Телепотребление трудоустроенных выражается в их активной гражданской позиции. Их специфическими чертами являются стремление к максимальной информированности, что выражается в избрании получения информации как основной цели обращения к телевидению. По мнению этих групп, основным вектором деятельности телевидения должна быть общественная интеграция (40,3%), а главная институциональная функция заключается в информировании масс (33,3%).

Основой телепотребления учащихся является поиск развлечения, что подтвердили большинство опрошенных студентов и школьников, выбирают они соответствующее содержание телепросмотра – музыкальные и юмористические телепередачи. Но при этом они хотят видеть в телевидении мощного агента социализации, основной целью которого является грамотное воспитание подрастающего поколения, что в случае выбора данного телеконтента сомнительно.

Телепотребление самой занятой группы – совмещающих работу и учебу – отличается тем, что, поскольку данная группа является переходной, представители ее еще не закончили свое образование, но уже трудоустроились, она представляет смешение стилей телепотребления трудоустроенных и учащихся. Для этой группы приоритетно фоновое телесмотрение (35,7%) вследствие малого количества свободного времени, а основным наполнением телепросмотра являются музыкальные передачи (33,3%). Идеальный вектор направленности телевидения для этой группы – социализация, главным образом, подрастающих поколений (76,3%), ведущая социальная роль – информирование (48,8%).

Примечания

¹ См.: Корсунская М. В. Динамика взаимодействия СМИ и аудитории : Контент-анализ российской

прессы в экстремальной ситуации // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <http://www.dissercat.com/content/dinamika-vzaimodeistviya-smi-i-auditorii-kontent-analiz-rossiiskoi-pressy-v-ekstremalnoisit#ixzz4m6vwwORj> (дата обращения: 10.09.2017).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Ковалев П. А. Российская телевизионная аудитория: дифференциация и типологические группы // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <http://www.dissercat.com/content/rossiiskaya-televizionnaya-auditoriya-differentsiatsiya-i-tipologicheskie-gruppy#ixzz4mDp9StR> (дата обращения: 10.09.2017).

⁶ См.: Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995.

⁷ См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984.

⁸ См.: Сергодеева Е. А., Мищенко Е. Ю. Теории общества потребления в современной философии // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teorii-obschestva-potrebleniya-v-sovremennoy-filosofii> (дата обращения: 06.09.2017).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Добросвет, 2000.

¹² См.: Ажимова Л. В. Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhan-bodriyyar-o-fenomene-massovyh-kommunikatsiy-v-obschestve-potrebleniya> (дата обращения: 06.09.2017).

¹³ См.: Gerbner G. Violence in television drama : Trends and symbolic functions // Comstock G. A., Rubinstein E. [eds.]. Television and social behaviour. Vol. 1. Media content and control. Washington, DC : U. S. Government Printing Office, 1972. P. 28–187.

¹⁴ См.: Семенова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ : проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М. : Институт социологии РАН, 2010.

Образец для цитирования:

Лукьянова М. Н. Концепт телесмотрения и телепотребления: теоретическая и эмпирическая интерпретации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 51–54. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-51-54.

Cite this article as:

Lukyanova M. N. The Concept of TV-viewing and TV-consumption: Theoretical and Empirical Interpretations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 51–54 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-51-54.

УДК 316.344.23

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ДЕПРИВАЦИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ РОССИЯН

К. В. Мохнаткина

Мохнаткина Ксения Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kse339@yandex.ru

В статье по результатам эмпирического исследования раскрыты возможности корреляционного анализа экономической и социальной депривации россиян. Выявлена взаимосвязь степени депривации и общественной активности населения. Уточнено, что мотивы участия в общественной жизни лишь отчасти сопрягаются с уровнем депривации опрошенных. Доказано, что при невысокой гражданской активности населения России в целом чем меньше депривация россиян, тем выше уровень активности их практик участия в общественной жизни. Самым распространенным мотивом участия в жизни социума оказались личные убеждения. Затем, с большим отрывом, следуют гражданская позиция респондентов, возможность поддерживать хорошие отношения с окружающими, быть всегда в курсе событий и на время забыть свои проблемы. Эти стимулы прямо сопрягаются с уровнем депривации опрошенных. Обратной является тенденция стимулирования активности под давлением общественности. Она растет по мере усиления депривации. Зафиксирована и измерена взаимосвязь депривации и величины свободного времени, а также способов проведения досуга. Как показал анализ, чем больше у россиян экономических лишений, тем меньше у них свободного времени, тем чаще они проводят свой досуг за распитием спиртного. Чем меньше депривация респондентов, тем реже они читают художественную литературу, но больше общаются, чаще отдыхают за компьютером, больше посвящают свой досуг прогулкам, спорту, посещениям дискотек, клубов, кинотеатров, театров, концертов, повышают свое образование.

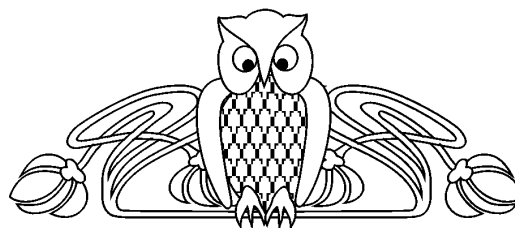
Ключевые слова: экономическая депривация, социальная депривация, социальная активность, участие в общественной жизни, досуг.

Correlation Analysis of the Impact of Deprivation on the Social Activity of Russians

K. V. Mohnatkina

Kseniya V. Mohnatkina, ORCID 0000-0003-0640-8704, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kse339@yandex.ru

Article based on the results of empirical research of possibilities of correlation analysis of economic and social deprivation. Interrelation degree of deprivation and public participation. Clarified that the motives for participation in public life are only partly in the level of deprivation. It has been proven that when low civic participation of the Russian population as a whole, the smaller the deprivation of Russians is, the higher the level of activity of their practices of participation in public life. The most common motive for participation in the life

of society were personal beliefs. Then, by a large margin followed by citizenship respondents, the ability to maintain good relations with others, and be always up to date and forget their problems for a while. These incentives directly interfaced to the level of deprivation. The reverse trend is stimulating the activity of public pressure. It grows with increasing deprivation. Fixed and measured the relationship deprivation and the amount of free time, as well as ways of spending leisure time. As demonstrated by the analysis, the more Russians economic deprivation, the less they have free time, the more they spend their leisure time for drinking alcohol. Than less deprivation respondents, the less they read fiction, but more chatting, often resting at the computer, often devote their leisure walks, sports, visits to discos, clubs, cinemas, theatres, concerts, increase their education.

Key words: economic deprivation, social deprivation, social activity, participation in public life, vacation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-55-59

Сегодня, в условиях растущей социальной дифференциации, все чаще актуализируется проблема вынужденных ограничений и лишений различных категорий россиян, их депривированности¹. Под депривацией понимается состояние, когда субъект не имеет возможности удовлетворять свои основные (жизненные) потребности в достаточной мере в течение длительного времени². Оно может быть осознанным и сопровождаться пониманием причин такого состояния, а может быть не осознанным. Однако и в том и в другом случае такое состояние может сопровождаться целым рядом негативных последствий и девиаций – от пассивной депрессии до активной агрессии представителей различных слоев россиян, ростом социальной напряженности, девиаций³. С учетом этого важно социологически отслеживать степень распространенности данного явления, его причины, дабы оценить его масштабы, вовремя принимать меры по нейтрализации и сокращению последствий.

Исходя из этого, в 2015–2016 гг. было проведено социологическое исследование степени депривированности жителей Саратовской, Ульяновской, Ленинградской, Ростовской, Мурманской областей, а также Татарстана и Башкирии. В ходе исследования по комплексной квотной стратифицированной, территориальной выборке было опрошено 850 человек, из которых 65,3% составляли мужчины 34,7% женщины. Значительная часть респондентов в возрасте от 30 до 40 лет (25,1%), 1,2% опрошенных находятся в группе лиц моложе 18 лет и 1,6% – старше 70 лет.

Экономическая депривация – это вынужденное полное или частичное ограничение потребления материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения основных потребностей личности. Она проистекает из неравномерного распределения доходов в обществе. Наиболее эффективным инструментом ее измерения выступает уровень потребительских возможностей семьи. В нашем исследовании этот индикатор замерялся через ряд параметров: 1) мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание (нищие); 2) денег хватает только на питание, но покупка одежды вызывает затруднения (бедные); 3) доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора – приходится брать заем, кредит (малообеспеченные); 4) мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, затруднительна покупка действительно дорогих вещей, например автомобиля (среднеобеспеченные); 5) мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, купить машину (состоятельные); 6) мы можем позволить себе все, что пожелаем, у нас нет материальных затруднений (богатые).

Социальная депривация в узком смысле (как антитеза экономической) – это ограничения в каких-либо правах, в возможности ведения полноценного образа жизни. Ее анализ предполагает, например, рассмотрение особенностей участия россиян в общественной жизни и их способы проведения досуга.

Большинство опрошенных (66,5%) полагают, что не участвуют в общественной жизни. Однако 17,6% – участвуют в выборах. Среди обнищавшей категории россиян таковых боль-

ше всего – 25,0% (вероятно, они связывают с выборами какие-то позитивные ожидания, испытывают ощущение своей необходимости, или – бесплатное развлечение), чуть меньше – среди бедных (18,5%) и среди состоятельных (18,0%), еще меньше – среди малообеспеченных и среднеобеспеченных групп (соответственно 15,6 и 12,8%), 6,9% – участвуют в субботниках. Причем по мере сокращения степени экономической депривации растет данный вид активности. Пороговой здесь выступает срединная категория россиян, среди которых в два раза больше таких активистов. Среди состоятельных и богатых групп эта субботняя активность вновь сокращается (табл. 1).

Только 3,3% опрошенных являются членами общественной организации (видимо, профессиональный союз не считались таковыми). Однако среди состоятельных граждан таковых в три раза больше (10%). Именно эта категория россиян в два раза чаще других участвует в общественных мероприятиях в своем населенном пункте, в пять раз чаще других занимается благотворительностью (4,0% против 0,8% по выборке).

Среднеобеспеченные группы чаще других участвуют в делах жилищного, дачного, гаражного кооператива (2,1% против 0,5% по выборке) и в мероприятиях благоустройства по месту жительства (2,1% против 1,2%). Богатые почти в 20 раз чаще других являются членами политических партий (7,7% против 0,4% по выборке). Таким образом, при невысокой гражданской активности чем менее депривированы россияне, тем выше уровень активности их общественных практик

Самым распространенным мотивом участия в общественной жизни оказались личные

Таблица 1

Влияние степени экономической депривации на участие россиян в общественной жизни, % по степени депривации

Участие в общественной жизни	Степень экономической депривации						Итого
	нищие	бедные	малообеспеченные	среднеобеспеченные	состоятельные	богатые	
Нет, не участвую	64,0	67,8	67,5	66,0	56,0	69,2	66,5
Участвую в выборах	25,6	18,5	15,6	12,8	18,0	15,4	17,6
Участвую в субботниках	5,8	7,3	6,7	12,8	4,0	7,7	6,9
Являюсь членом общественной организации	2,3	2,0	4,0	–	10,0	–	3,3
Участвую в общественных мероприятиях в своем населенном пункте	–	0,5	2,1	2,1	4,0	–	1,5
Участвую в делах жилищного, дачного, гаражного кооператива	1,2	–	0,6	2,1	–	–	0,5
Участвовал в митингах, забастовках, демонстрациях	–	1,5	1,5	–	2,0	–	1,2
Участвую в мероприятиях благоустройства по месту жительства	–	1,0	1,5	2,1	2,0	–	1,2
Занимаюсь благотворительностью	–	1,0	0,3	2,1	4,0	–	0,8
Являюсь членом партии	1,2	0,5	–	–	–	7,7	0,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

убеждения, гражданская позиция респондентов (табл. 2). На это указали 44,8% опрошенных. Среди состоятельных, среднеобеспеченных и нищих категорий населения таковых оказалось большинство (соответственно 57,1, 53,3 и 53,6%). 15,7% опрошенных считают, что – возможность поддерживать хорошие отношения с окружающими. Чаще других так полагают малообеспеченные (18,0%), состоятельные (19,0%), и каждый четвертый среднеобеспеченный россиянин (26,7%). Особенно на этом настаивают богатые категории населения, где такое мнение встречается в четыре раза чаще, чем в среднем по выборке (60,0%).

Считают, что участие в жизни общества отвлекает их от собственных проблем, 15,2% опрошенных. В 1,5 раза чаще других на этом настаивали бедные категории населения. По мере сокращения экономической депривации доля таковых уменьшается. Для 13,0% респондентов участие в общественной жизни – это возможность быть всегда в курсе событий. Начиная с бедных, этот стимул увеличивает свою значимость по мере сокращения депривации и достигает максимума в 40,0% у богатых россиян. Однако и среди нищих он встречается у 17,9%.

Обратной является тенденция активности под давлением общественности. Она растет по мере депривации: 4,0% – у малообеспеченных, 5,1% – у бедных и 7,1% – у нищих категорий населения при 3,9% в среднем по выборке; 3,5% респондентов участвуют в общественной жизни ради хорошей возможности поддерживать нужные связи. Чаще других на это ориентированы среднеобеспеченные и состоятельные граждане (соответственно 6,7 и 4,8%). Личный финансовый интерес в качестве стимула в два раза чаще

присутствует у среднеобеспеченных россиян (6,7% против 3,0% по выборке). Только малообеспеченных стимулирует общение в процессе социально-политической активности. И только бедные указали на то, что они участвуют в общественной жизни, чтобы быть как все.

Важным параметром социальной депривации является возможность качественного проведения досуга. Для его уточнения задавался вопрос о количестве ежедневного свободного времени (табл. 3). Выяснилось, что в среднем у 3,35% опрошенных – менее часа. Однако в категории обнищавших россиян таковых оказалось в два раза больше (7,7%). Около 2 часов свободного времени имеют 12,8% респондентов. В категории бедных таковых 17,4%. Самым распространенным ответом стало указание на 2–4 часа свободного времени в день (32,6%). Несколько больше таковых встречалось среди малообеспеченных (38,4%), среднеобеспеченных (34,1%) и особенно богатых россиян (46,2%). Среди этих же категорий немного чаще встречались и те, кто имеет 5–6 часов свободного времени в день. Чем менее депривированы россияне, тем больше среди них доля таковых. Больше 6 часов свободного времени чаще всего встречалось среди обнищавшей и бедной категорий опрошенных (соответственно 55,4 и 38,0% против 31,5% в среднем по выборке). Таким образом, корреляционный анализ показал, что чем сильнее депривированы россияне, тем меньше у них свободного времени. Исключение составляют большинство нищих и каждый третий бедный, которые, видимо, не работают и потому имеют много свободного времени. Коэффициент корреляции 0,370 при приблизительной значимости 0,001.

Таблица 2

Влияние степени экономической депривации на мотивы участия россиян в общественной жизни, % по степени депривации

Мотивы участия в общественной жизни	Степень экономической депривации						По выборке
	нищие	бедные	малообеспеченные	среднеобеспеченные	состоятельные	богатые	
Мои личные убеждения, гражданская позиция	53,6	40,7	43,0	53,3	57,1	–	44,8
Возможность поддерживать хорошие отношения с окружающими	7,1	8,5	18,0	26,7	19,0	60,0	15,7
Это отвлекает меня от моих проблем	10,7	27,1	14,0	6,7	4,8	–	15,2
Возможность быть всегда в курсе событий	17,9	10,2	14,0	–	14,3	40,0	13,0
Давление общественности	7,1	5,1	4,0	–	–	–	3,9
Хорошая возможность поддерживать нужные связи	–	3,4	3,0	6,7	4,8	–	3,5
В этом есть мой личный финансовый интерес	3,6	3,4	3,0	6,7	–	–	3,0
Интерес и общение	–	–	1,0	–	–	–	0,4
Принимаю участие как все	–	1,7	–	–	–	–	0,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3

Влияние степени экономической депривации на количество свободного времени россиян, % по степени депривации

Количество ежедневного свободного времени	Степень экономической депривации						Итого
	нищие	бедные	малообеспеченные	среднеобеспеченные	состоятельные	богатые	
Менее часа	7,7	2,2	2,3	4,5	4,3	7,7	3,3
Около 2 часов	10,8	17,4	10,8	11,4	13,0	7,7	12,8
От 2 до 4 часов	18,5	28,8	38,4	34,1	28,3	46,2	32,6
5–6 часов	7,7	13,6	23,6	20,5	28,3	30,8	19,5
Более 6 часов	55,4	38,0	24,3	29,5	26,1	7,7	31,5
Всегда по-разному	–	–	0,7	–	–	–	0,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Самым распространенным способом проведения досуга является просмотр телепередач (44,6%). Особенно это распространено среди малообеспеченных (47,2%) и самых богатых (46,2%) категорий россиян. Хотя можно предположить, что причины этого различны. Малообеспеченных это привлекает в связи с незатратностью данного вида досуга, а богатым дает возможность быть в курсе событий или получить релаксацию. Каждый четвертый опрошенный совершает в свободное время прогулки (26,0%). Чем менее депривирована категория респондентов, тем больше доля прогуливающихся в их среде.

За садом и огородом ухаживают 25,2% опрошенных. Немного чаще других этим занимаются обнищавшие и бедные слои населения (соответственно 27,2 и 28,7%), а также срединная категория опрошенных (30,4%). Для одних, видимо, это определенная добавка пищевых ресурсов, для других – признак срединной статусности и дополнительная возможность отдыха на природе. Еще меньше доля тех, кто в свободное время читает художественную литературу (24,1%). Интересно, что чаще других это делают представители обнищавшей и бедной категорий россиян (соответственно 28,4 и 26,2%). Корреляционный анализ показал, что чем менее депривирована группа опрошенных, тем реже она читает художественную литературу.

Примерно каждый пятый россиянин стремится посвящать свое свободное время детям (21,1%). Чаще других это делают обнищавшие, малообеспеченные и среднеобеспеченные категории опрошенных (соответственно 22,2, 23,0 и 26,1%). В свободное время ничего не делают, просто лежат 16,7%. В 1,5 раза чаще других это делают обнищавшие россияне (27,2%). Любят на досуге мастерить что-либо 14,5% респондентов. Немного чаще других так поступают обнищавшие (18,5%), среднеобеспеченные (17,4%) и богатые (15,4%) категории опрошенных. Любят на досуге общаться 14,1% респондентов. Причем чем меньше степень экономической депривации, тем больше россияне предпочитают общение.

В свободное время распивают спиртное с друзьями 10,3%. Причем чем больше экономических лишений, тем чаще выпивают. Исключение – самая богатая категория опрошенных, которые ориентированы на выпивку с друзьями в два раза чаще других (23,1%). Предпочитают развлекаться за компьютером (игры, Интернет) 8,8% опрошенных. Чем меньше депривированы россияне, тем чаще они отдыхают за компьютером. Только 6,3% занимаются спортом. Интересно, что и здесь корреляционный анализ показывает прямую связь между этими характеристиками. Среди ответов упоминались также посещение церкви, моление (4,5%), благотворительная деятельность (1,0%), рыбалка, охота (0,5%), домашнее хозяйство (0,4%) и ремонт квартиры (0,3%).

Таким образом, корреляционный анализ показал, что при невысокой гражданской активности населения России в целом чем менее депривированы россияне, тем выше уровень активности их практик участия в общественной жизни. Самым распространенным мотивом участия в жизни социума оказались личные убеждения. Затем, с большим отрывом, следуют гражданская позиция респондентов, возможность поддерживать хорошие отношения с окружающими, быть всегда в курсе событий и на время забыть свои проблемы. Эти стимулы прямо сопрягаются с уровнем депривированности опрошенных. Обратной является тенденция стимулирования активности под давлением общественности. Она растет по мере усиления депривации.

Как показал анализ, чем больше у россиян экономических лишений, тем меньше у них свободного времени, тем чаще свой досуг они проводят за распитием спиртного. Чем менее депривирована категория респондентов, тем реже они читают художественную литературу, но больше общаются, чаще отдыхают за компьютером, больше посвящают свой досуг прогулкам, спорту, посещениям дискотек, клубов, кинотеатров, театров, концертов, повышают свое образование.

Примечания

- ¹ См.: Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС : российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1. С. 78–114.
- ² См.: Маршалл Т. Х. Ценностные проблемы welfare-

капитализма // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 8, № 4. С. 439–458.

- ³ См.: Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи : атрибуция ответственности, стратегии со-владания и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 5–31.

Образец для цитирования:

Мохнаткина К. В. Корреляционный анализ влияния депривации на социальную активность россиян // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 55–59. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-55-59.

Cite this article as:

Mohnatkina K. V. Correlation Analysis of the Impact of Deprivation on the Social Activity of Russians. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 55–59 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-55-59.

УДК 316:364.65

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ТУРИЗМА

Т. А. Богданова

Богданова Татьяна Александровна, аспирант кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, bogdanova.tatyana.a@gmail.com

В настоящее время в мировой социологической науке отмечается растущий интерес к проблеме старения человека и его жизни в пожилом и старческом возрасте, что связано с возросшей продолжительностью жизни. Старение населения – одна из основных проблем для многих стран мира. В современных условиях старость становится едва ли не самым длительным периодом жизни человека и больше не укладывается в привычное понятие «закат жизни». Однако недостаточность как феноменологического материала, так и методологических подходов обуславливает низкую степень разработанности комплекса геронтологических вопросов. Проблемы социально-экономического положения представителей «серебряного возраста», проблемы их роли и места в семейных структурах, качества медико-социальной реабилитации, ресоциализации, социального обслуживания, отдыха, туризма имеют важную научно-теоретическую и практическую значимость. Данная статья посвящена актуальной теме – развитию геронтологического направления социального туризма. В исследовании осуществлен структурно-содержательный анализ понятия «социальный туризм», дано его авторское определение, представлен генезис развития социального туризма, выделены различные этапы, проанализирован опыт советского и постсоветского периодов, выявлены особенности каждого из периодов, а также определены тенденции развития геронтологического направления социального туризма в современном российском контексте.

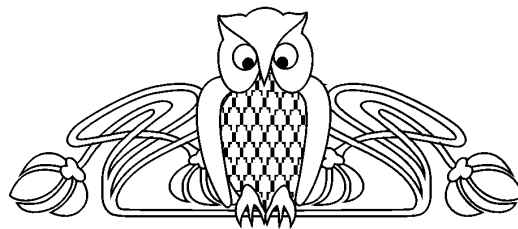
Ключевые слова: социальный туризм, социальная защита, геронтологическое направление, пожилые люди, туризм.

Gerontological Direction in Social Tourism

Т. А. Bogdanova

Tatyana A. Bogdanova, ORCID 0000-0003-4650-8371, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, bogdanova.tatyana.a@gmail.com

The world sociological science currently shows an increased interest in population ageing and elderly's life, which is associated with an increased life expectancy. Population aging is one of the main problems for many countries of the world. In modern conditions, old age becomes almost the longest period of a person's life and no longer fits into the familiar concept of «sunset years». However, the inadequacy of both the phenomenological material and the methodological approaches causes a low degree of development of gerontological issues. The problems of socio-economic status of elderly people, their role and place in family structures, the quality of medical and social rehabilitation, resocialization, social care, recreation, tourism have important scientific, theoretical and practical significance. This paper deals with the relevant direction of developing gerontological sector

of social tourism. The authors provides structural and content-wise analysis of the notion of social tourism and gives its definition. The paper presents the course of social tourism development, distinguishes its stages, analyzes the practices of Soviet and post-Soviet periods, as well as determines the development trends of gerontological direction of social tourism in modern Russian society.

Key words: social tourism, social care, gerontological direction, senior citizens, tourism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-60-64

Проблема развития геронтологического направления социального туризма приобрела особую актуальность в связи с событиями, происходящими в современном мире и России в частности. Речь идет о следующих содержательных моментах:

– устойчивая тенденция старения населения и увеличения средней продолжительности жизни. Согласно европейской статистике, за период с 1950 по 2000 г. люди стали жить на 20 лет дольше, а к 2025 г. ожидается увеличение средней продолжительности жизни еще на 10 лет¹;

– увеличение удельного веса и роли пожилых людей в современном обществе. К моменту выхода на пенсию современные пожилые люди способны продолжать вести активную жизнь, в том числе отправляться в путешествия и получать новые впечатления от отдыха;

– нестабильное социально-экономическое положение пожилых людей. Известно, что в современной России геронтологическое потребление услуг остается на крайне низком уровне: основная часть фонда личного потребления расходуется на продукты питания. Геронтологическая группа недополучает образовательные, медицинские, культурные услуги, за пределами финансовой доступности остается и потребление туристических услуг. Стоимость туристической путевки для многих пенсионеров, особенно тех, кто не продолжает работать, имеет большое значение;

– фрагментарная представленность геронтологического направления социального туризма в научном дискурсе. Геронтологическое направление социального туризма находится на периферии научного дискурса, существуют отдельные научные публикации, большая часть из которых посвящена самому феномену социального туризма, а не отдельным его направлениям (И. В. Таранова, С. А. Кузнецов, Н. Н. Насибова, Е. Н. Трофимов, Ю. С. Путрик). Государственная социальная политика в отношении пожилых граждан также находится на стадии становления.

По нашему мнению, требуется ее модернизации, так как проблемы пожилых анализируются без учета гетерогенности старшей возрастной группы, оцениваются экономическими, а не социальными категориями, в результате чего старость в официальном дискурсе подается как синонимом зависимости, беспомощности, бесконечных и бесперспективных финансовых затрат.

В любой области исследования важным является вопрос дефиниций. Разночтения в толковании применяемых терминов могут иметь неблагоприятные последствия в практических действиях субъектов туристской деятельности. Именно поэтому представляется необходимым разобраться в самом понятии «социальный туризм».

Структурно-содержательный анализ понятия «социальный туризм»

О понятии «социального туризма» впервые стали говорить в 1980 г. в документах Манильской декларации по мировому туризму: «Социальный туризм – это цель, к которой общество должно стремиться в интересах менее обеспеченных граждан при использовании ими права на отдых». Социальный туризм рассматривался как особая разновидность туризма, охватывающая все социальные слои и возрастные группы населения, поездки которых субсидируются из различных бюджетов.

В Российской Федерации понятие «социальный туризм» введено в научный оборот с середины XX в. благодаря трудам В. А. Квартального и В. К. Федорченко, в которых авторы фиксируют структурные изменения в туристской деятельности и отмечают расширение социальной базы туризма, проявляющиеся в том факте, что путешествия, походы и прогулки уже не рассматриваются как роскошь, доступная только привилегированному меньшинству. На смену туризму богатых одиночек, по мнению авторов, приходит туризм средних слоев населения: служащих, учащейся молодежи, творческой, технической и научной интеллигенции².

Несмотря на то, что практика социального туризма появилась уже в советском периоде, сам термин «социальный туризм» законодательно был зафиксирован в 1996 г. в связи с принятием Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», где он трактуется как «туризм, полностью или частично осуществляемый за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов (в том числе средств, выделяемых в рамках государственной социальной помощи), а также средств работодателей»³. В представленном определении внимание, в первую очередь, уделяется материальной составляющей туризма с упоминанием социальной помощи и видов финансирования. Отсутствует конкретизация функций и видов «соци-

ального туризма», не прописана потребительская база туристских услуг, его нравственная составляющая. На наш взгляд, квинтэссенцией социального туризма выступает его социальная значимость, которая проявляется в доступности отдыха для слабозащищенных слоев населения. Материальная составляющая также вызывает вопросы. В соответствии с определением можно выделять и рассматривать несколько финансовых источников: бюджет, государственные внебюджетные фонды и средства работодателей, однако остается непонятным, почему средства профсоюзов, общественных организаций, благотворительных фондов, спонсоров и различных ассоциаций исключены из возможных источников финансирования социального туризма. Не ясно, почему иные преференции, будь то налоговые льготы или льготные тарифы, в том числе для представителей туриндустрии, не включены в поддержку социального туризма, что конкретно должен представлять собой «социальный туризм», чтобы путешествия льготных категорий и лиц с низким уровнем достатка финансировались со стороны государства или работодателей. Данная дефиниция содержит лишь общие положения и не позволяет конкретизировать права граждан в сфере социального туризма.

Определение, данное в Законе, выступает базовым при рассмотрении авторами социального туризма, многие из них предпринимая попытки уточнить это понятие. К примеру, С. П. Шпилько относит к социальному туризму «весь туризм, признанный приоритетным с точки зрения решения социальных задач обществом и государством»⁴. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года к приоритетным направлениям относит внутренний, въездной и социальный туризм. Социальный туризм также может быть как внутренним, так и въездным.

В свою очередь, В. И. Азар, анализируя многообразные виды социального туризма, фиксирует внимание на различных видах отдыха, к которым относит оздоровление и приобщение к природному и культурно-историческому наследию. Кроме того, уточняет финансовые источники социального туризма, относя к ним средства, выделяемые государством на социальные нужды⁵. Актуальным остается вопрос о потребителях социального туризма, к которым относят социально незащищенные слои населения: школьников, работающую и учащуюся молодежь из малообеспеченных семей, пенсионеров, ветеранов и инвалидов. В Уставе Международной организации социального туризма (OITS) к пользователям социального туризма также относят группы граждан с особо низкими доходами⁶.

Отечественные исследователи обращают внимание на финансовые ресурсы в развитии социального туризма, что в корне отличается от теоретического подхода в анализе социального туризма со стороны зарубежных авторов, которые уделяют внимание не только финансированию,

но и проблемам мотивации пожилых людей, в том числе заинтересованности людей с ограниченными возможностями здоровья в мобильности, а также выявлению причин отказов от туристических активностей. Так, Р. Ровинский с соавт. рассматривают проблемы мобильности пожилых людей с инвалидностью, отмечается снижение активности пожилых людей с ограниченными возможностями здоровья, анализируются их отказы от туристических поездок в сравнении со здоровыми людьми третьего возраста⁷. Исследователи поднимают вопрос о необходимости создания стратегий и туристических программ, которые будут направлены на повышения физической активности пожилых людей с инвалидностью, сохранение их здоровья и физических функций. Проблемами мобильности пожилых людей занимаются Т. Хефтер и К. Гётц. Они анализируют всевозможные барьеры мобильности и социально-эмоциональные аспекты пребывания за пределами квартиры пожилого человека, а также разрабатывают план действий инновационных решений для удовлетворения потребностей в мобильности стареющего общества⁸.

Таким образом, по нашему мнению, финансовая составляющая понятия «социальный туризм» является важным, но не единственным критерием его содержательной идентификации. Необходимо учитывать и такие дифференцирующие критерии, как устойчивая мотивация на мобильность, ограничения по здоровью, что, как мы полагаем, позволит активизировать разработку технологий привлечения к социальному туризму лиц с инвалидностью и ОВЗ, специальных туристических маршрутов, которые будут соответствовать потребностям пожилых людей.

Развитие социального туризма в советский период

Становление социального туризма в нашей стране относят к 70-м гг. XX в. В тот период туризм не имел названия «социальный», хотя преследовал те цели, задачи и средства осуществления, которые присущи социальному туризму в настоящее время. В Советском Союзе туризм анализировался как неотъемлемая часть социальной политики государства, нацеленная на укрепление здоровья, воспитание и развитие личности. Туризм не был включен в государственное планирование, не обладал законодательной базой, он рассматривался лишь как средство отдыха и оздоровления, базирующееся на равном доступе к туристским услугам всех граждан страны, и развивался как самостоятельная область народного хозяйства. Организацией социального туризма занимался Центральный совет по туризму, экскурсионным обслуживанием – ВЦСПС (ЦСТЭ) и Бюро интернационального молодежного туризма (БММТ «Спутник»)

ЦК ВЛКСМ. Собственная материальная база системы Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС насчитывала свыше 300 тыс. мест размещения, большая часть из которых была круглогодичного действия⁹.

По нашему мнению, в этот период отсутствовала вариативность предоставления услуг, спрос не рождал предложение, поскольку массовость достигалась за счет диктата производителя туристских услуг, который давал определенный перечень туристических сервисов, и все остальные организации действовали в его рамках. Получая почти бесплатную путевку, как правило, человек не обращал внимания на содержание предоставляемого ему досуга и на уровень обслуживания. Туристские предприятия также не были заинтересованы в улучшении качества предоставляемых услуг, так как это не влияло на результаты их деятельности.

Тем не менее, экономический и социальный эффект развития туристического направления, с точки зрения вовлеченности субъектов, был достаточно выражен. К примеру, в 1989 г. объем обслуживания составлял 42 млн туристов и 226,1 млн экскурсантов, а размер оказанных услуг достигал 3 млрд руб. при численности работающих в системе 170 тыс. человек. Размер обслуживания туристов БММТ «Спутник» в том же году составил 6,2 млн человек, а объем услуг – 365 млн руб. (в ценах 1989 г.) при численности работающих около 7 тыс. человек. СССР занимал 20-е место среди двадцати четырех европейских государств – членов Всемирной туристской организации, с учетом того, что в СССР был развит только внутренний социальный туризм, в отличие от европейских стран. Социальный туризм субсидировался в основном благодаря профсоюзам, предоставлявшим туристские путевки с большой скидкой, в ряде случаев до 50–70% от их стоимости. Но льготные путевки были в дефиците, ими награждались передовики производств, имея право отправиться в путешествие с семьей. Особым спросом у туристов пользовались дальние путешествия, морские и речные круизы. По рекам России курсировало 135 речных лайнеров, более 20 лайнеров – по морям. Средняя пенсия труженика составляла 132 руб. в месяц, т. е. практически каждый пенсионер мог путешествовать, если ему выделялась путевка, с учетом того, что за 25 руб. турист мог доехать от Прибалтики до Узбекистана. Маршруты выходного дня были по всей стране – от Калининграда до Камчатки¹⁰.

В СССР была создана система социального туризма, где государство выступало социальным гарантом всего населения. Стоит отметить, что все туристские преобразования были связаны, в первую очередь, с идеологическими направлениями политики государства и во вторую – с потребностями граждан. Создание единого центрального управления туристской сферой позволило активно вовлекать и контролировать все

субъекты социального туризма, а также накапливать финансы, в итоге – за столь короткий период времени получить значительный экономический эффект от туристической индустрии.

Переход страны в 1990-х гг. на рыночные отношения привел систему социального туризма к распаду, многие туристические структуры коммерциализировались, на смену бесплатному или льготному внутреннему туризму (который так активно пропагандировался в СССР) пришел платный – международный, доступный состоятельным гражданам. С распадом Советского Союза был ликвидирован Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС. Социальным туризмом стала заниматься Российская ассоциация социального туризма (РАСТ), которая является и по сей день членом Интернационального бюро социального туризма (БИТС).

Накопленный опыт советского периода, к сожалению, не был востребован и учтен в структурной перестройке экономики России. Важным этапом явилось принятие в 1996 г. Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», который заложил основу всей современной туристской деятельности.

Современное состояние социального туризма в Российской Федерации

Современное состояние социального туризма в корне отличается от социального туризма в Советском Союзе в связи с задействованием рыночных отношений, которые приостановили развитие системы социального туризма для пожилых людей. По мнению Е. Н. Трофимова, было бы несправедливо утверждать, что социальный туризм в Российской Федерации отсутствует, «он присутствует или фрагментарно, или живет мелкими островками»¹¹.

Российские регионы сами выстраивают свою работу в деле поддержки социального туризма. Как показывают результаты нашего анализа, в 45 субъектах РФ предпринимаются меры по развитию геронтологического направления социального туризма¹², но все они носят, как правило, локальный характер и по количественному выражению похожи на пробные пилотажные действия развития социального туризма. По нашим данным, особое развитие социальный туризм получил в некоторых регионах: в Башкортостане предусмотрена система скидок на отдых для пенсионеров, инвалидов и лиц с ОВЗ, в ряде случаев скидки достигают 70%; в Ростовской, Астраханской, Ленинградской областях за счет бюджетных средств организуются поездки для социально незащищенных категорий граждан.

Можно предположить, что с принятием закона и введением социального туризма в ранг приоритетных направлений развития туризма в РФ должны были бы последовать серии законо-

дательных новелл и в других нормативных документах. Однако нормативно в РФ социальный туризм пока не определен, закон, регламентирующий социальный туризм, отсутствует. Существует лишь его проект, который вызывает постоянные дискуссии. Туризм остается услугой для людей с заработком выше среднего, а на пенсионные выплаты трудно организовать качественный отдых.

В последние годы тема пожилых людей стала активно обсуждаться на государственном уровне, в РФ разрабатываются механизмы реализации социального туризма. К примеру, с 2009 г. для пожилых жителей из дальних регионов Российской Федерации действует льготная система авиаперелетов. Существуют субсидированные авиабилеты по маршрутам, утвержденным правительством. Программы работают и востребованы, о чем свидетельствует тот факт, что за время действия программ льготными условиями воспользовались более 50 тыс. человек пожилого возраста¹³. В рамках Стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста Министерством культуры РФ запущен общероссийский проект «Туризм в интересах старшего поколения», направленный на создание и внедрение экскурсионных программы для пожилых туристов, а также повышение качества жизни старшего поколения. Целью проекта является оказание поддержки пожилым людям в социальной адаптации, духовном и физическом совершенствовании через активный отдых. Одним из первых результатов работы стал «Каталог культурно-исторических маршрутов России для пожилых людей»¹⁴. В нем собраны 60 маршрутов культурно-познавательного, исторического, природного, городского, сельского и музейного туризма. Это говорит о том, что социальный туризм в нашей стране развивается и практики социального туризма уже имеются в более чем трех десятках регионов РФ. В Российской Федерации утверждена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения, реализация которой будет способствовать повышению доступности туристских услуг, ликвидации барьеров, созданию механизма организации социального туризма для пожилых людей.

Однако, по нашему мнению, необходима проработка всей системы социального туризма, в первую очередь – консолидированный подход к разработке и реализации туристских программ для пожилых людей, объединяющий усилия государства и бизнеса. В средствах массовой информации регулярно поднимается вопрос о необходимости разработать и ввести на территории России единую государственную систему льгот на туристические пакеты для граждан старше 60 лет¹⁵. Несмотря на то, что общественные инициативы были одобрены Ростуризмом, конкретных действий не последовало. По нашему мнению, изменение льготной системы для субъектов туристического бизнеса будет способствовать укреплению

государственного и частного партнерства, а также социально-экономическому развитию регионов.

Несмотря на имеющиеся исследования зарубежных и отечественных ученых в области социального туризма, нами выявлено, что научная проработанность социального туризма недостаточна, нет понятийного единства, имеются разночтения и расхождения в его трактовках. Большая часть исследований носит описательный характер и не может применяться на практике. По нашему мнению, конкретизация содержательного наполнения данного понятия возможна в трех направлениях: с точки зрения институциональных оснований, особенностей данного вида по сравнению с другими видами туристской деятельности, а также в ракурсе сравнительного анализа различных практик социального туризма.

Поэтому логичным представляется определение, согласно которому социальный туризм – это доступные, массовые, безбарьерные путешествия с постоянного места жительства льготных категорий граждан: детей-сирот, инвалидов, пенсионеров, многодетных семей, а также детей, студентов и граждан с низким уровнем дохода в культурно-познавательных, физкультурно-оздоровительных, лечебных, спортивных, рекреационных, профессионально-деловых и иных целях, полностью или частично финансируемых за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов (в том числе средств, выделяемых в рамках государственной социальной помощи), а также средств работодателей и иных сторонних организаций. Социальный туризм как инновационное направление социальной политики государства способствует превращению туризма в массовое явление и содействует социальной адаптации льготных категорий граждан в обществе.

Примечания

- 1 См.: Eurostat : [сайт]. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/ (дата обращения: 01.10.2017).
- 2 См.: *Квартальнов В. А., Федорченко В. К.* Туризм социальный : история и современность : учеб. пособие. Киев, 1989. С. 37.
- 3 См.: Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 29.06.2015, с изм. от 02.03.2016) // Рос. газ. 04.03.2016 г. URL: <http://rg.ru/1996/12/03/osnovy-turizma-dok.html> (дата обращения: 02.10.2017).
- 4 *Шпилько С. П.* К вопросу об определении понятия «социальный туризм» // Социально-оздоровительный туризм как основа реализации социальной политики государства в целях устойчивого социально-экономического развития города Москвы : материалы круглого стола (Москва, 20 марта 2014 г.) / Российская международная академия туризма. М., 2014. С. 11.
- 5 См.: *Azap B. H.* Экономика туристского рынка. М., 1998.
- 6 См.: Social Tourism and Finish Line Promo Codes // TRAVELING CHEAP, SOCIAL TOURISM. URL: <http://www.bits-int.org> (дата обращения: 02.10.2017).
- 7 См.: *Rowin'ski R., Morgulec-Adamowicz N., Ogonowska-Slodownik A., Dabrowski A., Geigle P. R* Participation in leisure activities and tourism among older people with and without disabilities in Poland // Archives of Gerontology and Geriatrics. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.archger.2017.07.025> (дата обращения: 02.10.2017).
- 8 См.: *Hefter T., Götz K.* Mobilität älterer Menschen. State of the Art und Schlussfolgerungen für das Projekt COMPAGNO / Institut für sozial-ökologische Forschung (ISOE) GmbH. Frankfurt a/M., 2013.
- 9 См.: Доступный, социальный, массовый туризм : проблемы и перспективы развития в России / под науч. ред. Е. Н. Трофимова ; Российская международная академия туризма. М., 2016. С. 119–120.
- 10 См.: *Алексеева Е. В., Тарасов А. Е.* Состояние, проблемы и перспективы развития социального туризма в России // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 11. С. 150.
- 11 *Трофимов Е. Н.* Социальный туризм в России и в Европе // Вестн. РМАТ. 2014. № 3. С. 5.
- 12 См.: *Богданова Т. А.* Геронтологическое направление социального туризма: социологическая диагностика // Практики заботы в современном обществе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 21 декабря 2016 г.). Саратов, 2017. С. 53.
- 13 См.: *Кандаурова Т. И.* Проблемы и перспективы развития туризма пожилых людей в России // Социология и общество : социальное неравенство и социальная справедливость : материалы V Всерос. социол. конгресса (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : Российское общество социологов, 2016. 1 DVD-ROM.
- 14 См.: Каталог культурно-исторических маршрутов России для пожилых людей. URL: http://cultinfo.ru/doc/katalog_dlya_pozhilykh_lyudey.pdf (дата обращения: 02.10.2017).
- 15 См.: Ростуризм поддержал введение скидок для пенсионеров-путешественников // Life # Туризм. URL: https://life.ru/t/туризм/414558/rosturizm_poddierzhal_vviedeniie_skidok_dlia_piensionierov-putieshiestviennikov (дата обращения: 02.10.2017).

Образец для цитирования:

Богданова Т. А. Геронтологическое направление социального туризма // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 60–64. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-60-64.

Cite this article as:

Bogdanova T. A. Gerontological Direction in Social Tourism. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 60–64 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-60-64.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32+303

К ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТИВИЗМА В ОЦЕНИВАНИИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. А. Вилков

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы о неизбежном субъективизме в проведении рецензирования результатов политологических исследований на уровне рукописей для публикации в научных журналах, а также на уровне экспертизы содержания кандидатских и докторских диссертаций. Дана критическая оценка процессам формализации критериев оценивания качества политологических работ и сформулировано авторское видение оптимизации данной процедуры.

Ключевые слова: критерии оценивания, политологические исследования, проведение экспертизы, субъективизм оценивания качества научных исследований.

Revisiting the Problem of Subjectivity in Political Science Research Evaluation

A. A. Vilkov

Alexander A. Vilkov, ORCID 0000-0003-4277-0372, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, vil57@yandex.ru

Debatable issues of inevitable subjectivity while evaluating results of political science research in the form of articles for scholarly journals and both candidate and doctoral theses are considered in this article. The author analyzes processes of evaluation criteria formalization and formulates his own vision of the ways this procedure may be optimized.

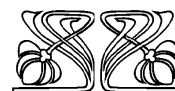
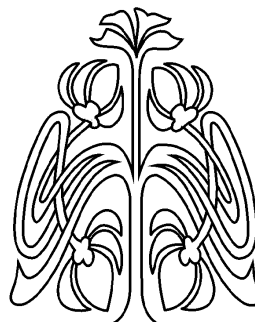
Key words: criteria of evaluating, political science research, expert evaluation, subjectivity in evaluation of studies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70

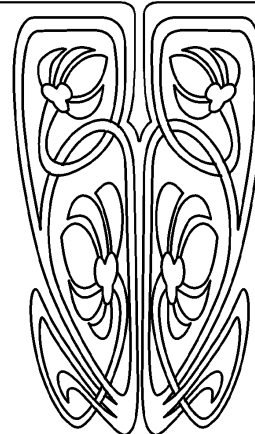
Одной из серьезных проблем отечественной политической науки является разработка критериев оценки качества современного политологического исследования. Этому сюжету была посвящена статья Н. И. Шестова в третьем выпуске нашего журнала за прошлый год¹. Вопросы, поднятые в ней, действительно очень актуальны, прежде всего с точки зрения теоретико-методологической. Этим сюжетам обоснованно уделяют внимание авторы учебных пособий по методологии политического анализа² и разработчики конкретных методов политологических исследований³. Однако, на наш взгляд, дело не сводится только к чисто гносеологической составляющей проблемы. Как и любая новая наука (а для России это еще не окончательно сформировавшаяся научная отрасль), политология должна пережить не только период своей формальной институционализации, но и научной и общественной легитимации.

Процедура этого признания очень сложна и имеет много подводных камней как гносеологического, так и социального свойства.

Сложности гносеологические во многом обусловлены тем, что предметная область политической науки интегрирует в себе связь политики со всеми сферами общественной жизни. Соответственно, политология должна доказать свое право на самостоятельность тем научным дисциплинам, которые также легитимировали свое право на

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

изучение этих смежных областей общественной жизни (политическая история, политическая социология, правоведение, политическая философия, политическая антропология, политическая психология, политическая география, политическая лингвистика и др.). Многие из обозначенных наук имеют гораздо большую историю собственного развития и, соответственно, претендуют на приоритетность и большую теоретическую фундированность своего научного направления в исследовании сферы политики и большую аналитическую эффективность используемого методологического инструментария.

Выработка собственной методологии и определение предметной области политической науки в постсоветской России осложнялась также еще двумя важными обстоятельствами. Внутреннее было предопределено неизбежным влиянием наследия советского обществоведения, когда основу становящейся политической науки в постсоветской России составили вчерашние историки КПСС, преподаватели научного коммунизма, исторического и диалектического материализма. Внешнее обстоятельство заключалось в неизбежном заимствовании уже накопленного опыта в сфере политологии в западноевропейских странах (прежде всего англо-американской традиции). Не всегда адекватное использование заимствованных теоретико-методологических моделей для анализа специфической и очень противоречивой политической жизни в постсоветской России неизбежно сказывалось на качестве отечественных политологических исследований.

Эта объективная «детская болезнь» становления и роста отечественной политической науки постепенно преодолевалась по мере расширения подготовки политологов в российских вузах, увеличения мест в аспирантурах и докторантурах, существенного расширения сети диссоветов по политологии и соответствующего роста защит кандидатских и докторских диссертаций, увеличения количества научных публикаций. Однако и сегодня сторонники наднациональных методов исследований продолжают обосновывать важность их внедрения в отечественную политическую науку как важнейшего условия повышения качества⁴.

Казалось бы, переход количества в качество становился неизбежным, но отечественной политической науке сейчас приходится переживать период существенной редукации, связанной с официальным изменением государственной политики в сфере образования и науки. Причин тому много, но одной из важнейших стало обвинение гуманитарных (и не только) наук в снижении качества исследований, в мелкотемье научной проблематики, в росте числа заказных диссертаций, в снижении уровня оригинальности текстов и т. д.

Результатом изменения государственной политики стало резкое снижение количества

действующих диссоветов и существенное ужесточение требований к качеству защищенных диссертаций. Глава Высшей аттестационной комиссии (ВАК), ректор Российского университета дружбы народов Владимир Филиппов в своем интервью 2014 г. об изменениях в системе научной аттестации отметил, что только за полтора года после начала преобразований была закрыта почти треть диссертационных советов, а процедура защиты претерпела существенные изменения⁵.

Одним из инструментов реализации такой государственной политики стали Экспертные советы ВАК, где проблема качества выступила ключевой для вынесения вердикта в отношении рассматриваемых диссертаций: поддержать или не поддержать решение о присвоении искомой степени кандидата или доктора наук. Отрицательное решение ЭС ВАК неизбежно влечет за собой замечание диссертационному совету и служит одним из оснований для прекращения его деятельности.

Поэтому проблематика, обозначенная в статье Н. И. Шестова, весьма актуальна не только с теоретико-методологической, но и с прикладной точки зрения. Рассмотренные им критерии оценки качества гуманитарных исследований действительно носят универсальный характер: четкость формулирования исследователем своей задачи, корректность аргументации им своих обобщений и выводов, а также новизна последних⁶. К ним, на наш взгляд, можно добавить также ряд других критериев, например, четкость обоснования границ предмета исследования, соответствие формулировки темы работы и ее содержания, соответствие масштаба заявленной научной проблемы инструментальным возможностям ее исследования в рамках диссертационного исследования (по характеру и объему использованных источников, по выбранному периоду, по методологии и другим критериям) и др.

Универсализм значительного количества данных критериев подтвержден не только аксиоматичным их признанием большинством членов научного сообщества, но и формализацией в виде обязательных требований, утвержденных приказом Минобрнауки России, в «Положении о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», а также в «Положении о присуждении ученых степеней». Однако Н. И. Шестов справедливо обозначил несколько проблем, связанных не столько с игнорированием данных критериев соискателями, сколько с противоречиями, которые возникают при их использовании экспертами для оценки качества политологических исследований.

Это проблема отсутствия единого языка политической науки, единого понятийного аппарата, предопределяющая наличие различных дискурсивных практик.

Это мировоззренческие и идеологические позиции, предопределяющие субъективизм экспертов в оценках (к ним можно добавить еще субъективизм представителей различных вузовских научных школ, конкурирующих друг с другом).

Это неоднозначность в интерпретации различных политологических источников, в признании их «реальными фактами», отсутствие их четкой верификации.

Это сложность в определении научной новизны в гуманитарных науках и причины, по которым сейчас доминирует «делопроизводственная» логика ее оценки⁷.

Можно согласиться с большей частью тех критических аргументов, которые привел в своей статье Н. И. Шестов по указанным проблемам. Тем не менее, на наш взгляд, важно выделить среди них сквозную, определяющую – неизбежный субъективизм экспертов в использовании большинства обозначенных критериев для оценки политологических исследований.

О том, что обозначенные проблемы повсеместно присутствуют в политологическом сообществе, можно убедиться на примере критериев экспертного рецензирования статей для публикации в журналах, включенных в реестр ВАК. Например, в солидном и авторитетном журнале «Международные процессы» критериальность для экспертов, рецензирующих поступившие в редакцию статьи, обозначена и формализована следующим образом: «1. Важность освещаемой в статье темы с точки зрения решения научных задач, заявленных журналом “Международные процессы”: 1 = минимальный вклад; 2 = незначительный вклад; 3 = умеренный вклад; 4 = значительный вклад; 5 = существенный вклад в развитие дисциплин»⁸. Сам критерий не вызывает сомнения, но формализованный характер ранжирования обозначенной важности содержания рукописи полностью зависит от субъективного мнения эксперта. Обусловлено это тем, что четкие основы для процедурного применения данного критерия в документе отсутствуют (по причине того, что они невозможны для гуманитарных дисциплин в принципе). Поэтому определение границы, например, между «минимальным» и «незначительным» или между «значительным» и «существенным» вкладом остается полностью на совести эксперта. В результате оценка эксперта будет определяться в соответствии с его личным мировоззрением, идеологическими предпочтениями, приверженностью к определенной научной школе, с его собственным пониманием рассмотренной в рукописи научной проблемы. Наличие у автора рукописи иного ракурса, иной позиции, иного ее понимания в этом случае будет оцениваться экспертом по предложенной шкале от 1 до 5 в зависимости от его отношения к допустимости иной точки зрения на данную проблему (а это во многом опреде-

ляется морально-нравственными установками и императивами эксперта). Например, какова будет оценка важности темы статьи в том случае, если в ней по какой-либо причине (например, вышла недавно и доступ к ней ограничен) отсутствует ссылка на опубликованное исследование самого эксперта по данной проблематике? Или в том случае, если автор статьи положительно оценивает исследования представителей иной научной школы, чем та, к которой принадлежит эксперт? Или в случае, если автор обосновывает иную оценку и интерпретацию какого-либо события (факта, программы, концепции и т. д.), которая существенно отличается от позиции по этим сюжетам самого эксперта? Ответы на данные вопросы вовсе не очевидны.

Сомнения в возможности объективного оценивания возникают и при рассмотрении второго формализованного критерия: «2. Актуальность исследования с точки зрения современных тенденций развития международных отношений как научной дисциплины: 1 = практически не актуально; 2 = незначительная актуальность; 3 = умеренная актуальность; 4 = значительная актуальность; 5 = существенный вклад в развитие дисциплины»⁹. Прежде всего, вызывают некоторые сомнения сами формулировки предложеной шкалирования в оценке актуальности (с точки зрения русского языка), но суть даже не в них, а в самой возможности четкого и объективного отнесения содержания статьи к какому-либо из обозначенных критериев. Например, еще в сентябре 2017 г. тема взаимоотношений России и Судана вряд ли могла быть отнесена к разряду «значительно актуальных» (и тем более к тем, которые вносят «существенный вклад в развитие дисциплины»). Однако в ноябре-декабре 2017 г. данная проблематика вполне могла быть отнесена к разряду действительно существенных в связи с актуализацией вопроса о возможности создания российской военной базы на территории Судана. Кроме того, сама научная актуальность может быть различной. Одно дело, если акцент делается на обосновании теоретической или теоретико-методологической актуальности обозначенной в статье темы, и другое, если акцент делается на ее политической актуальности и возможностях прикладного использования.

Ряд сомнений вызывает и третий критерий: «3. Оригинальность (самостоятельность) подхода автора к трактовке предмета исследования: 1 = низкая (шаблонно, стандартно, “общие места”); 2 = ниже среднего (присутствуют отдельные оригинальные моменты); 3 = умеренная; 4 = достаточная; 5 = оригинальное исследование, содержащее новый подход к исследуемой проблематике»¹⁰. Прежде всего, некоторое сомнение вызывает фактическая синонимичность оригинальности и самостоятельности. Первая традиционно и общепризнанно понимается как отличие от других, как неповторимость, особенность.

Самостоятельность в контексте данного критерия, на наш взгляд, не обязательно означает наличие у автора оригинального подхода «к трактовке предмета», а, например, самостоятельное использование устоявшихся, «классических» подходов к анализу новых, впервые введенных в научный оборот источников. Очевидно, что в этом случае работа будет самостоятельной на основе оригинальных источников, но не оригинальной по наличию нового подхода.

Подобные сложности в применении формализованного подхода к экспертному рецензированию рукописей можно найти в отношении почти всех девяти критериев, утвержденных в журнале «Международные процессы» (Теоретическая фундированность концепции автора; Адекватность избранной методологии; Убедительность выдвинутой гипотезы, стройность и логичность аргументации; Достоверность применяемых данных). Менее всего вопросов возникает к критерию 8 «Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность». Его шкалирование действительно вполне реально и основывается на оценке грамматических и стилистических ошибок, терминологической точности, наличии повторов, точности изложения. Наглядность и возможность использования количественных параметров для оценивания по данному критерию делает его наиболее объективным среди всех, обозначенных редакцией.

Иными словами, сама формализация критериев экспертизы неизбежно подталкивает к утрированному и упрощенному оцениванию отдельных характеристик содержания рукописи. С большой степенью достоверности можно предположить, что на практике большинство экспертов уважаемого журнала руководствуются в оценке рукописей по обозначенным критериям своим общим впечатлением от их содержания, в соответствии с которым они и шкалируют обозначенные как самодостаточные формальные позиции. Главным для экспертов будет ответ на вопрос – рукопись достойна публикации в журнале, либо она нуждается в определенной доработке, либо не соответствует требованиям журнала в принципе? И формализованное самодостаточное шкалирование по рассмотренным критериям вряд ли может способствовать принятию рецензентом соответствующим образом обоснованного решения.

Не случайно, что во многих российских научных журналах необходимость обязательного оценивания рецензентами рукописей по важнейшим научным критериям не сопровождается их формализацией и тем более шкалированием. Например, в «Вестнике ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» в разделе «Рецензирование» авторов предупреждают, что «Рецензент оценивает актуальность и научную новизну представленных к опубликованию результатов исследования, их теоретиче-

скую и практическую значимость, наличие необходимых ссылок на данные из других работ. На основании анализа статьи рецензент составляет заключение: а) статья рекомендуется к публикации; б) статья нуждается в доработке в соответствии с замечаниями рецензента; в) статья отклонена (с указанием причин)»¹¹. Представляется, что такой подход дает более широкие возможности для оценки содержания рукописи в целом, без обязательного формального шкалированного оценивания каждого из обозначенных критериев. В этом случае ответ рецензента о необходимости доработки статьи (или ее отклонении) может носить характер корректных и обоснованных конкретных замечаний и рекомендаций, а не достаточно унижительных для авторского восприятия шкалированных оценок.

Обозначенные сложности рецензирования, рассмотренные на примере нескольких журналов, могли бы оцениваться как конкретный частный случай, если бы не отражали тех тенденций, которые характерны для развития отечественной политической науки в целом в последние годы, когда проблема оценки качества политологических исследований стала главным инструментом в редуцировании данной научной отрасли (так же как и многих других).

Проблема соотношения объективности и субъективизма экспертных оценок научных исследований особенно актуальна и значима для работы Экспертных советов ВАК. Обусловлено это тем, что от их работы зависит судьба не отдельных статей, отражающих какой-либо промежуточный этап научной деятельности исследователя, а совокупный итог многолетних интеллектуальных усилий (особенно в рамках подготовки докторской диссертации). Более того, от данной экспертизы зависит судьба не только отдельных аспирантов и преподавателей российских вузов, но и диссертационных советов, судьба сложившихся или складывающихся региональных научных школ.

В связи с тем, что уже несколько лет, будучи экспертом ВАК, включен в «делопроизводственную» процедуру оценки качества и новизны диссертационных исследований, хотел бы поделиться несколькими практическими соображениями по этому поводу.

Сам алгоритм достаточно быстротечной экспертизы на заседании ЭС ВАК предполагает, что тщательный и всесторонний содержательный анализ диссертационного исследования должен быть проведен во время принятия его к защите экспертами диссовета, официальными оппонентами, ведущей организацией и членами диссовета во время защиты. Именно на них лежит ответственность за всестороннюю проверку содержания диссертации и ее соответствия критериям «Положения о присуждении ученых степеней». Эксперт ВАК проверяет, прежде всего, правильность процедуры защиты и соответству-

ющее оформление необходимых документов. На первом этапе экспертизы о качестве работы и ее новизне он судит по обязательным процедурным документам (заключение организации с рекомендацией к защите, официальные отзывы, оценки и замечания оппонентов и ответы на них, вопросы членов диссовета во время защиты, характер дискуссии, процедура голосования, заключение по диссертации и т. д.). В случае возникновения сомнений осуществляется один из вариантов последующей экспертизы на основе уже полного текста диссертационного исследования и публикации соискателя.

Однако существует первичный источник, по которому эксперты ВАК уже во время первичной экспертизы могут наглядно получить свое собственное представление о качестве и новизне данного диссертационного исследования. Это автореферат, который, к сожалению, не всегда рассматривается соискателями ученых степеней и их научными руководителями в качестве ключевого документа для оценки качества диссертации и ее новизны.

Наиболее типичными и распространенными ошибками является именно формулирование новизны и личного вклада соискателя, которые очень часто носят неконкретный, формальный характер. В этом случае авторы констатируют в качестве новизны не результаты, а процедурные моменты исследования: «проведен анализ», «сделаны выводы», «дана оценка», «сформулировано авторское определение», «выявлены тенденции» и т. д. Без концентрированной формулировки конкретных результатов этой новизны данная констатация выглядит очень поверхностной и неубедительной. Это становится одной из причин вызова соискателя на заседание ЭС ВАК для выявления его личного вклада и конкретной новизны проведенного им исследования. В результате соискатель обязан уточнить, что им:

- «проведен анализ, который позволил выявить такие новые характеристики, как...»;
- «сделаны выводы, главные из которых можно сформулировать таким образом...»;
- «дана новая оценка, суть которой состоит в том...»;
- «сформулировано авторское определение, главное отличие которого от других заключается в...»;
- «выявлены тенденции, которые можно обозначить как...» и т. д.

Достаточно распространенными являются ошибки в формулировании некоторых положений, которые авторы выносят на защиту. Нередко в качестве таковых формулируют общеизвестные истины, характеристики, которые никем не оспариваются, выводы, которые очевидно не подкреплены фактами. Достаточно типичным является формулирование сложных, наукообразных, но абстрактных рассуждений, которые ло-

гически не связаны друг с другом, с целями и задачами исследования и его содержанием.

Нередки случаи поверхностного и формального изложения методологии исследования, отсутствие конкретной характеристики использованных источников.

С учетом неизбежности вышеобозначенных факторов субъективизма в проведении экспертизы такие откровенно слабые места в авторефератах позволяют зародить сомнения в качестве содержания диссертации у большинства членов ЭС ВАК и привести к соответствующим решениям о проведении более тщательной экспертизы в виде вызова соискателя на заседание ЭС для уточнения его авторской позиции либо запроса уже непосредственно полного текста диссертации. Причем знакомство с последним нередко свидетельствует о том, что он может содержать и фактическую новизну, и интересные и обоснованные теоретические сюжеты по различным аспектам темы, и практические рекомендации по оптимизации исследуемой политической реальности. Такое несоответствие между содержанием диссертации и ее автореферата свидетельствует о достаточно распространенной недооценке соискателями и их научными руководителями значения последнего документа. Хотя именно знакомство с авторефератом является наиболее открытым и доступным для большинства исследователей данной проблематики.

Резюмируя, еще раз подчеркну, что проблема субъективизма и формализации критериев оценки качества является многомерной и недостаточно разработанной в отечественной политической науке (так же как и в гуманитарной научной сфере в целом). Главное, чтобы в борьбе за повышение объективности оценки диссертационных исследований и их качества не дойти до абсурдных крайностей. Проявлением последних, например, видится ситуация с требованием многих диссертационных советов обеспечивать уровень оригинальности текстов диссертации для их постановки на защиту не менее 90% (без учета характера источниковой базы и специфики самого исследования, количества опубликованных работ автора по различным аспектам темы). В результате возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, официальная стратегия изменений в научной сфере нацеливает на повышение роли соответствующего научного сообщества в оценке качества диссертационных исследований (за счет обязательной апробации отдельных результатов своего труда в виде публикаций в журналах из реестра ВАК). С другой стороны, чтобы обеспечить формальный показатель уровня оригинальности, автор вынужден убирать из текста диссертации апробированные материалы своих опубликованных статей по данной теме (либо излагать их в неузнаваемом для системы «Антиплагиат» виде). Очевидно, что тем самым выхолащивается сама идея предвари-

тельной публичной апробации и введения основных результатов работы над диссертационным исследованием в соответствующее научное информационное пространство. В итоге справедливая борьба с некорректными заимствованиями в результате ее формализации превращается в борьбу за количественные критерии оригинальности текста. Насколько это влияет на качество исследований – вопрос остается открытым.

Примечания

- ¹ См.: Шестов Н. И. Качество политического исследования : проблема критериев оценки // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 308–313. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313.
- ² См., например: Вертакова Ю. В. Исследование социально-экономических и политических процессов : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2009 ; Дегтярев А. А. Прикладной политический анализ. Электронный учебник для студентов-политологов. URL: https://mgimo.ru/files2/2013_05/up24/file_59082ae315107afb4191f31a25971edd.pdf (дата обращения: 02.12.2017) ; Рой О. М. Исследования социально-экономических и политических процессов : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2004.
- ³ См., например: Алескеров Ф. Т., Беляева Н. Ю. Количественный анализ развитости гражданского общества

в регионах России : параметры, методика, пилотные исследования // Полития. 2008. № 1(48). С. 160–168 ; Быков И. А. Эмпирические исследования политики с использованием методов сетевого анализа. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19118583_14204690.pdf (дата обращения: 02.12.2017) ; Павлов И. Ю., Голубева Е. Г., Голубев В. О. Методика мониторинга официальных сайтов органов власти / под ред. И. Ю. Павлова. СПб. : Издательская группа «PRINTELLECT», 2011.

- ⁴ См.: Дегтерев Д. А. Формализованные модели в международно-политической науке // Полис. 2017. № 4. С. 33–48.
- ⁵ См.: Механизм заработал. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/07/30/filipp1/> (дата обращения: 15.08.2014).
- ⁶ См.: Шестов Н. И. Указ. соч. С. 308.
- ⁷ Там же. С. 309–311.
- ⁸ Критерии экспертного рецензирования рукописей, утвержденные в журнале «Международные процессы». URL: <http://www.intertrends.ru/pdf/qualify-final.pdf> (дата обращения: 04.12.2017).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Рецензирование // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. URL: <http://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/peer-review-ru> (дата обращения: 06.12.2017).

Образец для цитирования:

Вилков А. А. К проблеме субъективизма в оценивании политологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–70. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70.

Cite this article as:

Vilkov A. A. Revisiting the Problem of Subjectivity in Political Science Research Evaluation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 65–70 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70.

УДК 338

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОБЛАЗН» СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ЭЛИТ

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

В статье обоснована возможность усовершенствования методологии изучения современных («цветных») революций. Приведены доводы в пользу того, что методология, основанная на представлении исследователей о политико-технологической природе этих революций и ориентированная на их анализ через призму политических технологий, заведомо суживает возможности политической науки в изучении этого феномена. В статье предложен теоретический подход к объяснению феномена увлеченности современных обществ и элит революционными способами решения своих политических проблем, основанный на выявлении исторической динамики и логики построения политико-мифологических мотиваций этого «революционного соблазна».

Ключевые слова: политическая наука, научная методология, политические технологии, «цветные» революции.

“Revolutionary Temptation” of Modern Societies and Elites

N. I. Shestov

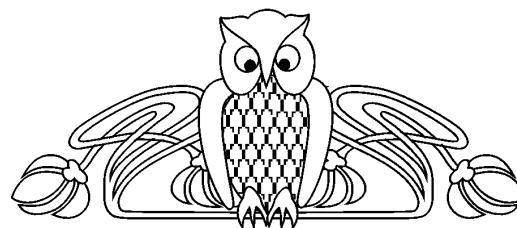
Nikolay I. Shestov, ORCID 0000-0003-2220-7582, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article substantiates the possibility of improving the methodology of studying modern (“color”) revolutions. It is argued that the methodology, based on the researchers’ ideas of political technologies nature of these revolutions and focused on their analysis through the prism of political technologies, obviously narrows the possibilities of political science in studying of this phenomenon. The article proposes a theoretical approach to explaining the phenomenon of modern societies and elite’s interest in revolutionary methods of solving their political problems, based on the identification of historical dynamics and the logic of constructing the politico-mythological motivations of this “revolutionary temptation”.

Key words: political science, scientific methodology, political technologies, “color” revolutions.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-71-75

Современные демократические или демократизирующиеся общества, как показали «цветные» революции, потрясшие некоторые из них в минувшее десятилетие, подвержены своего рода «революционному соблазну». Многие свои большие и маленькие проблемы, вполне решаемые другими политическими средствами, доступными, в принципе, демократической политике, они решают посредством государственных переворотов и гражданских войн. Причину такой

отзывчивости граждан и элит на этот соблазн, на идею решить все свои политические и неполитические проблемы простым насилием над обществом и государством эксперты по современным политическим конфликтам и политической культуре часто видят в специфических свойствах нынешней политики¹, в частности, в засилье в ней разнообразных манипулятивных технологий. В «технологичности» природы нынешних революций специалисты усматривают их принципиальное отличие от социальных революций прежнего времени, представлявших результат сословных и классовых конфликтов².

У такой позиции специалистов по современным революциям есть свои плюсы и минусы, как политические, так и теоретические. С одной стороны, в рассуждениях экспертов о технологической природе современных «цветных» революций просматривается искреннее стремление привлечь внимание сограждан к тому факту, что некто пытается с не самыми добрыми намерениями манипулировать их политическим сознанием и поведением, что это наносит очевидный урон нормальному развитию демократического процесса³. С другой стороны, такой подход ориентирует общество и элиты больше на поиск точно таких технологических приемов для противодействия революциям, чем на последовательное решение тех социальных проблем, которые сделали граждан озывчивыми на революционную агитацию политических радикалов.

Научным плюсом такого подхода является его нацеленность на создание моделей современных революционных процессов, используя которые, политическая наука могла бы заранее предупреждать общества и элиты об опасностях, возможно, даже против своей воли, быть втянутыми в революционные кризисы. Очевидным минусом является то, что данный подход аргументирует исследователя современных революций на то, чтобы меньше внимания уделять «не технологическим» факторам революционных процессов. В то время как именно эти «не технологические» факторы чаще всего и делают современные общества и элиты податливыми на соблазн решать свои политические и неполитические проблемы быстро и не считаясь с потерями для себя.

Современная политика, безусловно, превосходит политику прежних времен по количественной насыщенности ресурсами и инструментами для разнообразных, тайных и явных манипуляций массовым сознанием. С точки же зрения ка-

чества манипуляций, если оценивать таковое по набору основных инструментов воздействия на массовое сознание и последствиям воздействия, в этой сфере за последние столетия мало что принципиально изменилось. Во всех великих и малых революциях прошлого, от Английской и Французской до русских революций первой четверти прошлого столетия, имела место, как и сейчас, манипуляция массовым сознанием посредством политической публицистики, революционных и контрреволюционных прокламаций, «фейковых» новостей, распространяемых СМИ и социальными сетями («сарафанным радио»)⁴.

Все эти «политико-технологические инновации» широко применялись уже тогда. Настолько широко, что это создает некую структурную основу для нынешних споров о революционном опыте прошлого. Разногласия нынешних противников и сторонников бывших революций упираются, в сущности, в один принципиальный вопрос: что было бы с обществами и государствами в разных революциях прошедших веков, если бы в естественно-конфликтный процесс политических отношений внутри них и между ними не вклинились бы технологии манипуляций массовым сознанием? Если бы, например, в отношении простонародья и монарха во Франции в конце XVIII столетия или в России в начале XX столетия (не слишком дружественные, если иметь в виду, например, протестную реакцию российских крестьян и рабочих на последствия Великих реформ, но и не слишком враждебные) не вмешалась агрессивная агитация радикально настроенных интеллектуалов?

На технологическом уровне нынешние «цветные» революции если и отличаются от своих предшественниц, то, пожалуй, лишь по размаху применения тех или иных манипуляций, который обеспечивают новые средства массовых коммуникаций. А также, возможно, отличие есть в позиции самих технологгов-манипуляторов, в их готовности публично требовать признания за собой авторских прав на вредоносные политические технологии, к изобретению которых они на деле не имеют никакого отношения.

Более существенным для понимания новизны современных революционных процессов представляется отличие другого порядка. Оно состоит в отношении обществ и элит к революции как своему политическому выбору – выбору в пользу наиболее радикальных способов и средств решения политических проблем. Политика, даже самая авторитарная, во все времена предоставляла своим участникам хотя бы минимальную возможность выбирать не только между радикальными и умеренными способами и средствами политического действия, но также между различными мотивациями выбора в пользу умеренности или радикализма. Суть разницы в этом выборе можно сформулировать следующим образом. *Прежде для участников полити-*

ческого процесса революция была «осознанной необходимостью», наиболее эффективным средством решения проблем политики и ускорения ее прогресса. Сегодня она представляется им «осознанной возможностью». Возможностью уклониться в решении политических проблем современных государств и обществ от обязательного использования правил и базового институционального инструментария либерально-демократической политики, преодолеть ее ценностные и функциональные ограничения.

У революций прежнего времени и нынешнего *разное социально-мифологическое основание. Иначе говоря, разное стереотипное представление о смысле и назначении революции как инструмента решения текущих общественных и государственных проблем и как ресурса ускорения прогресса всей политики. На это обратил внимание Е. В. Сальников, но связал эту тенденцию с «изменением роли трансцендентного компонента в легитимации насилия»⁵. На новые свойства современного мифа революции можно посмотреть и с другой стороны.*

Прежде революции принимали широкий размах и приводили к серьезным изменениям во всем экономическом, культурном и правовом укладе жизни общества, а не только в организации государственной власти и ее поведении. Исследователи справедливо применяют к ним определение – «социальные революции». Противоречия, сами по себе, важны. Вместе с тем «причиной» эти противоречия становились тогда, когда в массовом сознании складывалось устойчивое стереотипное представление о сути и вероятных последствиях этих конфликтов. Масса людей руководствовалась в своей революционной и контрреволюционной активности общим мотивом, мифологической установкой на то, что у человека, стремящегося к «светлому будущему», нет иного выбора, кроме как поддерживать революцию или бороться с нею. Личное участие в этом политическом конфликте для сторонников и противников революции было условием наступления «светлого будущего» и кратчайшим путем к нему. Этим обеспечивалось втягивание в революционный процесс абсолютного большинства граждан.

Установка массового сознания на отношении к революции (консервативной, либеральной, демократической) как инструменту, прибегать к которому следует лишь тогда, когда продуманы все позитивные и негативные последствия этого шага и когда прошлое и настоящее обществ и государств находятся в очевидном противоречии с замыслами будущего, формировалась исторически. Она явилась плодом длительных дискуссий консервативно, либерально и леворадикально настроенных интеллектуалов в России и других странах по поводу того, каков оптимальный путь прогресса современной цивилизации. Дискуссии эти разворачивались в эпоху, когда до-

стижения промышленной, научной и культурной революций в цивилизованном мире обозначили для развития современных государств иные векторы, нежели те, которые им были определены их предшествующим историческим развитием.

Формированию этой установки массового сознания на «осознанное» отношение к революции содействовал и опыт, вынесенный обществами из своего участия в многочисленных в XVIII, XIX и XX столетиях «реформах сверху» во многих развитых и развивающихся странах современного мира. Часто такие реформы (примером тому российские реформы второй половины XIX столетия и рубежа XX–XXI вв.) своими противоречивыми результатами превращали современников в сознательных революционеров и контрреволюционеров успешнее, чем это могли сделать все политтехнологи вместе взятые⁶.

Установка на восприятие революции как «осознанную необходимость» свойственна и многим современным людям. Российское общество сегодня имеет в своем составе сознательных революционеров и контрреволюционеров, отверженных представлению, что революции сами собой не приходят и не уходят, что для этого нужен масштабный кризис социально-политической системы, который поставил бы под вопрос будущее общества и государства. Ее устойчивость поддерживает свойство их исторической памяти, по каналам культуры унаследованное от предшествующих поколений. Память эта в установлении связей между прошлым, настоящим и будущим руководствуется принципом, согласно которому у истории, а значит, и у прошлого и будущего обществ и государств есть устойчивый «внутренний смысл» и «внутренняя логика развития». Представления о «смысле» и «логике» были порождены обстоятельствами формирования государств-наций и потребностью подвести смысловое и логическое основание под «национально-государственные интересы», освятить эти интересы авторитетом прошлого. Если прошлое и настоящее общества и государства человеку чем-то не нравятся, то выйти за границы этих «смысла» и «логики», чтобы потом свободно сконструировать «светлое будущее» по своему усмотрению, он может только путем революции в своем сознании и в окружающем его социально-политическом пространстве.

В современной, особенно демократической политике с людьми с таким традиционным складом исторической памяти и с привычкой понимать революцию как «осознанную необходимость» успешно конкурируют люди с иными представлениями о «связи времен» и о логике общественного и личного выбора в пользу революции. В этом обстоятельстве, как представляется, ключ к пониманию особенностей нынешнего «революционного соблазна».

В современных обществах растет число политически активных людей, для которых исто-

рическая память, основанная на поиске «смысла» и «логики» в связях прошлого, настоящего и будущего, а соответственно, и на поиске осознанных аргументов «за» и «против» революции, перестает быть актуальной, т. е. управляющей их политическим выбором. В направлении этого изменения меняется и «миф революции». Актуальность исторической памяти в ее прежнем виде подавляется эйфорией, в последние десятилетия охватившей большие массы людей во многих частях современного мира, не исключая и Россию, и сопредельные с ней постсоветские страны.

Эйфория людей от мысли, что они, как их ежедневно и часто назойливо в этом убеждают ученые, публицисты и политики, живут в другом, чем даже предшествующее поколение, мире («глобальном мире»), в другом обществе («информационном обществе» и «постиндустриальном обществе»), в условиях другой культуры («массовой культуры», «сетевой культуры»), являются гражданами иного, по сути, государства («социального государства» и «электронного государства»), участниками иной политики («постмодернистской политики»).

Это эйфория от впечатления, что, говоря словами У. Шекспира, «распалась связь времен»⁷. Что прошлое уже не так сильно, как прежде, детерминирует поисковую активность массового сознания в направлении проекта будущего, либо вообще ее не детерминирует. Это эйфория от мысли, что все ответы на все вопросы о будущем человек может не искать более в прошлом, а находить их в сегодняшнем дне. Точнее сказать, не находить, а конструировать их сегодня по своему произволу.

Нынешний «революционный соблазн», поразивший многие демократические и демократизирующиеся общества, имеет источником «эйфорический миф революции». Его продуцируют не сами по себе новые информационные и иные манипулятивные и коммуникационные технологии. Его создает уверенность участников массовых коммуникаций на тему «связи времен» в своей безграничной возможности (можно сказать также – безнаказанности) конструировать эти связи каждый раз по своему произволу, в меру своей образованности и политической заинтересованности и даже в меру своей психологии. А также по своему произволу навязывать свои построения «связи времен» другим людям и тем влиять на общественный политический выбор.

Человека, и даже целое общество, находящегося в состоянии эйфории от невиданной прежде и никем не контролируемой, как им кажется, возможности манипулировать любой информацией, трудно убедить (хотя ученые, публицисты и политики не оставляют таких попыток), что прошлое есть прошлое, настоящее есть настоящее, будущее есть будущее. Что это не только разные характеристики, но и разные реальности и не подлежащие взаимной замене, что их нельзя

путать. Что каждое из этих состояний социально-политической системы представляет собой одновременно и условие существования других состояний, и определенное ограничение на возможность людей корректировать это состояние в своих интересах.

Для людей и обществ, находящихся в эйфорической уверенности, что все вокруг них это только информация (информация о прошлом, настоящем и будущем), которой каждый индивид (особенно в демократической политике) свободен манипулировать по своему усмотрению, даже гуманитарным наукам сегодня трудно найти рационально выстроенную аргументацию в пользу того, почему нельзя, например, конструировать прошлое на основании настоящего, а тем более будущего. Наука и публицистика в поиске доходчивых аргументов постоянно в этом случае вынуждены прибегать к морализаторству: если сограждан не убедить, что произвольно манипулировать прошлым, настоящим и будущим нельзя, то можно попробовать их убедить, что манипулировать ими плохо. За последнее десятилетие сформировалась устойчивая модель такой аргументации, широко используемая в дискуссиях об истории и политике. Она основана на тезисе, что если человек по своей прихоти меняет местами и значениями прошлое с настоящим и будущим, то он тем самым совершает преступление против «исторической правды», «ответственности перед памятью предков», «патриотическим долгом» и «национальными интересами».

Морализаторство в данном случае не решает проблемы. Если рационально выстроенной аргументации в пользу недопустимости произвола в отношении общества и человека к прошлому, настоящему и будущему нет, то нет, что естественно, и внутреннего (на уровне индивидуального и массового сознаний) ограничения на то, чтобы не только, как прежде, конструировать будущее на основании прошлого, но и прошлое на основании будущего. Сегодня этот процесс конструирования национальной истории на основании ожиданий граждан и элит от своего «светлого будущего» приобрел на значительной части постсоветского пространства (особенно в Польше, на Украине, в прибалтийских, кавказских и среднеазиатских государствах), свойство одного из политических и культурных трендов, и в нем уже обнаруживается определенная структурная и функциональная системность. Дополнительным стимулом к развитию этого тренда является очевидная политическая выгода, которую от этого получают действующие постсоветские политические элиты. Если прошлое сконструировано по идеологическим и мифологическим лекалам ожидаемого «светлого будущего», то оно способно в практической текущей политике заменить собой это будущее в роли ориентира политического и культурного прогресса. Есть в этом смысле логика в уверенном росте истори-

чески-националистических настроений в рядах либерально-демократических элит и обществ на постсоветском пространстве и даже за его пределами.

В контексте такой мифологической интерпретации массовым сознанием современных обществ и элит «связи времен», когда революционный разрыв с прошлым уже не выглядит условием для высвобождения творческой активности людей в проектировании своего будущего, выбор последних в пользу революции выглядит в полном смысле выбором максимально добровольным. Он олицетворяет собой во всей полноте возможность для современного человека и общества руководствоваться в своем политическом выборе не «ответственностью перед прошлыми и будущими поколениями», а исключительно своим текущим пониманием политической выгоды и политических рисков.

«Цветные» революции сегодня олицетворяют собой либеральный выбор демократизирующихся обществ, освобожденный от диктата «связи времен». Сама готовность личности и общества пойти на риск революционного конфликта выступает в данном случае свидетельством высокого градуса свободы, достигнутого ими, мерилем их искренности в стремлении к «светлому будущему», которое сегодня чаще всего олицетворяют собой институты, нормы и ценности «западной» либеральной демократии. По этой причине, как представляется, современные революции стали одним из заметных атрибутов нынешнего либерально-демократического процесса. С этим, возможно, связаны и те завышенные ожидания прорыва в «светлое будущее» либеральной свободы и демократии, справедливости и законности, которые каждый раз вновь возникают в рядах участников «цветных» революций и их зарубежных «спонсоров», вне зависимости от того, что предыдущие революции обычно наглядно демонстрируют несостоятельность таких ожиданий. Разочарования в революции не наступает, по крайней мере, до той поры, пока ее участникам и организаторам удастся видеть в революционном конфликте воплощенную «осознанную возможность» для себя действовать в политике по своему усмотрению, а значит, соответствовать либеральному идеалу политической свободы.

Примечания

- ¹ См., например: *Замай И. В.* О некоторых результатах исследования технологий насильственного захвата политической власти в ходе «цветных революций» на постсоветском пространстве // *Вестн. Воен. ун-та. Армия и общество.* 2007. № 2 (10). С. 27–35. URL: <https://vivliophica.com/articles/policy/467658/1> (дата обращения: 28.11.2017); *Манойло А.* Как готовят «цветные революции» // *Росинформбюро. Информационное агентство.* 04.11.2014. URL: <http://www.rosinform.ru/>

- mir/644474-andrey-manoylo-kak-gotovyatsya-tsvetnye-revoljutsii/ (дата обращения: 01.12.2017) ; *Манойло А. В.* Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // *Мировая политика*. 2015. № 1. С. 1–19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html (дата обращения: 29.11.2017) ; *Манойло А. В.* Концептуальные и организационные основы противодействия цветным революциями в Российской Федерации и на постсоветском пространстве // *Мировая политика*. 2016. № 1. С. 1–5. DOI: 10.7256/2409-8671.2016.1.17782. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_17782.html (дата обращения: 29.11.2017) ; *Сундиев И. Ю., Смирнов А. А.* Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М., 2016 ; Теория и технологии революций в XX–XXI в. : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 26 мая 2017 г.) : в 2 ч. Саратов, 2017.
- ² См.: *Вилков А. А.* Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59 ; *Вилков А. А.* Политические технологии и нравственные основы политики : к проблеме совместимости // *Материалы Первого съезда Российского общества политологов* : «Национальные интересы России : глобальные приоритеты, политические стратегии и перспективы» (Суздаль, 30 июня – 3 июля 2014 г.) / Российское общество политологов ; под общ. ред. А. Ю. Шутова ; сост. А. И. Волошин. М., 2014. С. 121–128 ; *Милаева О. В.* Немного о революциях : современные теории социальных революций // *Военное обозрение*. 26 сентября 2017 г. URL: <https://topwar.ru/125388-nemnogo-o-revoljuciyah-sovremennye-teorii-socialnyh-revoljuciy.html> (дата обращения: 04.12.2017) ; *Юревич А. В.* Социальная психология революций // *Психология*. 2006. Т. 3, № 4. С. 110–132. URL: <http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm> (дата обращения: 29.11.2017).
- ³ См.: *Черепанов Э. Н.* Руководство по противодействию цветным революциям. СПб., 2015 // Fornit : [сайт]. URL: <http://scorcher.ru/art/revolution/manual.php> (дата обращения: 28.11.2017).
- ⁴ См.: Революционный креатифф. Как агитировали за большевиков и против них? URL: <https://uznayvse.ru/interesting-facts/revolyucionnyy-kreatiff-kak-agitirovaliza-bolshevikov-i-protiv-nih.html> (дата обращения: 29.11.2017) ; *Раткевич К. И.* Газеты времен Французской Революции // *Большевицкая печать* (рубрика «Из истории печати»), 1939. № 12. URL: http://az.lib.ru/r/ratkewich_k_i/text_1939_gazety_vremen_frantzuzskoy_revolutzii.shtml (дата обращения: 28.11.2017) ; Публицистика Великой Французской революции (1789–1794). Жан Поль Марат (1743–1793). Дар Отечеству. Речь первая. Речь вторая. Речь третья. Речь четвертая. Речь пятая. URL: <http://evartist.narod.ru/text4/53.htm> ; http://az.lib.ru/r/ratkewich_k_i/text_1939_gazety_vremen_frantzuzskoy_revolutzii.shtml (дата обращения: 28.11.2017) ; *Холореншиоу Г.* Левеллеры и английская революция : пер. с англ. М. : Изд-во ин. лит., 1947. 148 с. URL: http://econlibrary.ru/books/94/85/holorenschow_levellers%20and%20english%20revolution.html (дата обращения: 26.11.2017).
- ⁵ *Сальников Е. В.* Легитимация насилия в революции // *Информационные войны*. 2015. № 3 (35). С. 22–26. URL: <http://noosphere.ru/pubs/423808> (дата обращения: 26.11.2017).
- ⁶ См.: *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России : XVIII – начало XX века. М. : Новый хронограф, 2010. 911 с. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/09/1214829329/%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%20%D0%91_%D0%91%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%81%D1%82%D1%80_1_72%20%D0%91.pdf (дата обращения: 03.12.2017).
- ⁷ *Шекспир У.* Гамлет, принц датский (пер. М. Лозинский). URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt> (дата обращения: 26.11.2017).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Революционный соблазн» современных обществ и элит // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 71–75. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-71-75.

Cite this article as:

Shestov N. I. “Revolutionary Temptation” of Modern Societies and Elites. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 71–75 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-71-75.

УДК 323.22/28

ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖСЕКТОРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С. А. Панкратов, С. Д. Гаврилов

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, pankratov@volsu.ru

Гаврилов Сергей Дмитриевич, ассистент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, gavrilov_sd@volsu.ru

В статье анализируются практики осуществления межсекторного взаимодействия в публичном пространстве в Волгоградской области. Уточнены условия и факторы, обуславливающие реализуемые коммуникационные стратегии институтов в современном региональном пространстве публичной политики. Предлагаются стратегии политического развития Волгоградской области, основанные на признании интеграции как наиболее современной и результативной формы коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: публичная политика, институт, межсекторное взаимодействие, Волгоградская область.

Integration of Public Policy Institutions in Volgograd Region: Practices of Implementation of Intersector Interaction

S. A. Pankratov, S. D. Gavrilov

Sergey A. Pankratov, ORCID 0000-0002-4802-9203, Volgograd State University, 100, Universitetsky Prosp., Volgograd, 400062, Russia, pankratov@volsu.ru

Sergey D. Gavrilov, ORCID 0000-0002-9098-8301, Volgograd State University, 100, Universitetsky Prosp., Volgograd, 400062, Russia, gavrilov_sd@volsu.ru

The article analyzes practices of the intersectoral interaction in the public space in the Volgograd region. Conditions and factors, that determine the communication strategies used by institutions in the modern regional space of public policy, are specified. Strategies of political development of the Volgograd region, based on integration as the most modern and effective form of communication, are proposed.

Key words: public policy, institute, intersectoral interaction, Volgograd region.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-76-81

Публичное пространство в Волгоградской области обусловлено взаимодействием между акторами политического процесса, неформальными правилами и механизмами по поводу достижения общественно-политического консенсуса, согласия и определения стратегии политического развития. Вместе с тем новые условия и перспективы для реализации современных де-

мократических принципов, обеспечивающих эффективное представление публичных интересов и влияние различных гражданских организаций на процесс формирования публичной политики, определяют необходимость взаимодействия политических институтов, имеющих разную направленность, функционал и полномочия, для достижения единых целей в рамках единых «правил игры». Отметим, что выработка «повестки дня» является прерогативой не только и не столько административной (исполнительной), но и законодательной власти. Особое внимание в данном аспекте следует уделить субъект-объектному составу институтов публичной политики Волгоградской области, степени их вовлеченности в процесс принятия государственных и/или политических решений в регионе, а также возможности интеграции, согласованности действий. Проблемный характер механизмов и практик взаимодействия субъектов публичной политики, обусловленный индивидуальными интересами в реализуемой деятельности, актуализирует необходимость политического анализа реальной и потенциальной способности политических институтов к объединению в контексте участия в процессе принятия решений в Волгоградской области.

Для дальнейшего анализа указанной проблемы необходимо операционализировать понятие «публичная политика». Так, А. Ю. Сунгуров предлагает интерпретировать концепт «публичная политика» через понятие «policy», а не «politics». Такое трактование позволяет понимать под публичной политикой «программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий социальных групп (страт) общества через их представителей»¹. Однако фокусируясь на характере содержания публичной политики, на наш взгляд, теряется субъектный состав институционального взаимодействия. В данном случае нам представляется возможным также оперировать определением публичной политики, которое предложил В. А. Михеев. С его позиции, публичная политика – «деятельность, характеризующаяся системным взаимодействием государства, частного сектора, институтов гражданского общества, многообразных социальных, профессиональных групп и слоев, общественных объединений по поводу реализации личных и общественных интересов,

производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа или населения определенных территорий»². Отметим, что в рамках публичной политики представительные органы власти (например региональный парламент) и иные акторы политического процесса (органы исполнительной власти, институты гражданского общества и др.) формируют «повестку дня» посредством выработки политических стратегий.

Вместе с тем в современной политической науке сложилось несколько традиций анализа пространства публичной политики России. Первая традиция исходит из закрытости процесса принятия решений и, как следствие, имитационности публичности. Так, А. А. Рябов апеллирует к стремлению отечественной политической системы к «неформальным» центрам принятия решений, что, в свою очередь, приводит к отторжению публичности принятия решений. «Вопреки конституционным институтам власти – парламенту, правительству, которые в разной степени должны быть “открытыми”, решения принимаются в неформальных, непубличных, “тайных” центрах власти»³. Сходной позиции на современный политический процесс в России придерживается Л. И. Никонова. С ее точки зрения, функциональность публичного пространства обусловлена лишь фрагментарным (периферийным) участием отдельных субъектов гражданского сектора в политическом процессе, который представляет собой «особую конфигурацию административно-централизованных методов управления полем политики и спорадической самоактивизации остаточных элементов публичного дискурса»⁴. Иными словами, сфера публичной политики представляет собой конкретное политическое пространство, где субъекты власти и непубличный сектор находятся в состоянии противоборства за процесс принятия политических решений.

В свою очередь, вторая традиция обусловлена консенсусными взаимоотношениями между институтами публичной политики, обусловленными конкуренцией в процессе достижения общественных благ. Так, несмотря на дихотомическое положение власти и гражданского общества, подчеркивается единоначалие в их целеполагании. Вместе с тем, как подчеркивает Т. А. Мордасова, сложность взаимодействия различных институтов публичной политики заключается в отсутствии дублирования функционала в контексте реализации общих задач: институты гражданского общества в процессе конкуренции с государством в разработке политических идей, программ и проектов общественного благоустройства и т. п. не должны претендовать на прерогативы государства⁵. Указанная дифференциация полномочий необходима, с нашей точки зрения, для минимизации политических рисков и предупреждения политических конфликтов,

которые могут возникать в условиях отсутствия четкого определения функций в деятельности.

Особую важность публичная политика имеет в региональном политическом процессе, где выступает не только как поле для конкуренции, но и в качестве особого институционального пространства для взаимодействия по поводу оформления политического курса в регионе, его соответствия общефедеральным тенденциям и специфическим особенностям в локальном контексте. Таким образом, в системе предупреждения политических конфликтов на региональном уровне, находящейся в процессе модернизации, особенно важны механизмы прямой и обратной связи между обществом и государством, которые в своей совокупности и представляют сферу публичной политики. Более того, критерием публичности принятия решений выступает не только количество институтов, принимающих участие в реализации политического курса, но и возможность их интеграции в условиях реализации собственных интересов.

Слово «интеграция» происходит от латинского *integratio*, что значит «воссоединение». В гуманитарном знании принято считать, что интеграция – это создание новой, масштабной единицы или общности из нескольких частей. Такое новое целое приобретает признаки единого организма, функционирующего автономно. В отечественной политологии чаще всего акцент ставится на межгосударственную составляющую интеграции, а именно на «объединение усилий нескольких регионов с целью сотрудничества в какой-либо из сфер жизни, в результате которого возникает самостоятельная сфера, обладающая признаками целого»⁶. Однако, с нашей точки зрения, необходимо сместить фокус исследования к более локальным проявлениям интеграции, свойственным конкретным политическим институтам в пространстве публичной политики. Более того, в указанном отношении стоит полагать, что интеграцию часто рассматривают с трех разных сторон: как процесс, результат или процесс, приводящий к определенному конечному результату. Иными словами, процесс объединения функционала различных политических акторов с целью достижения результата конкретной политической и/или административной деятельности в публичном пространстве представляет собой интеграцию институтов публичной политики.

Региональное пространство публичной политики в Волгоградской области обусловлено совокупностью факторов, определяющих структурные и функциональные параметры институционального взаимодействия. Во-первых, регион с исторической точки зрения имел стратегическое положение: имперский период – «торговый перекресток», аграрный район, оплот казачества; советский период – промышленный центр, железнодорожный узел, сельскохозяй-

ственная житница⁷. Во-вторых, регион имел повышенное внимание государственной власти и в свою очередь обеспечивал «великие стройки» (ВГТЗ, ВДСК им. В. И. Ленина, завод «Красный Октябрь», Волжская ГЭС и др.) человеческим капиталом. Отсюда – высокий уровень притока населения, миграции. В-третьих, полиэтничность и многоконфессиональность региона обуславливала, с одной стороны, конфликтность в политической сфере, с другой – единение в плане межнационального взаимодействия.

Таким образом, социально-политические изменения в Волгоградском регионе от своего зарождения до краха советской системы сопровождались централизацией политической системы в регионе. Это было обусловлено четкой системой развития региона как промышленного края. При этом существовала разобщенность политической элиты относительно способов осуществления этих трансформаций, которые не выходили за рамки общепризнанного централизованного плана. Иными словами, несмотря на доминирующее положение центра по отношению к региону, в сфере управления сохранялось политическое разнообразие среди формальных региональных институтов, что и дало возможность развития конкурентной среды в партийной системе региона в послесоветский период⁸. В указанном контексте примечательно, что в условиях политики централизации региональных политических режимов в РФ Волгоградская область представляет собой территорию с нетипичной формой входа на политический рынок новым акторам. Так, по мнению Ю. О. Гайворонского, для Волгоградского региона характерно «заключение партикулярных неформальных контрактов, что с точки зрения экономического подхода является стратегией с повышенными издержками»⁹. Таким образом, реализация регионального политического курса в публичном пространстве обусловлена коммуникационными стратегиями политических институтов, направленными на интеграцию деятельности с применением формальных и неформальных практик взаимодействия по поводу достижения конечного результата.

Опираясь на тезис о возможности принятия политических и государственных решений в Волгоградской области, очевидно, что в институциональном измерении публичного пространства необходимо выделить сектора – центры принятия решений, вокруг которых консолидируются политические акторы. С точки зрения обладания правом законодательной инициативы представляется возможным определить три сектора: формальные властные организации (законодательная и исполнительная власти); надзорная власть; некоммерческий и неполитический сектор (в том числе и местное самоуправление). Уместно сказать, что за последние семь лет таковыми субъектами были: региональный парла-

мент, губернатор, Правительство (Администрация) Волгоградской области, представительные органы муниципальных образований, прокурор Волгоградской области, контрольно-счетная палата, Управление Минюста, избирательная комиссия, омбудсмены по правам человека и ребенка, молодежный парламент, Общественная палата Волгоградской области и т. д. Очевидно, что при равных возможностях внесения законодательских инициатив региональный парламент и губернатор являются лидерами по количеству внесенных и рассмотренных законопроектов. Причем за данный период каждый из этих субъектов внес по 577/551 законопроект соответственно, а, например, избирательная комиссия Волгоградской области (занимающая третье место по количеству внесенных и принятых Думой законопроектов) имеет в своей копилке не более 50 законопроектов¹⁰. Вместе с тем отчетливо виден отрыв губернатора и областной думы от остальных институтов. Такая тенденция, с одной стороны, показывает интенсивность политической активности главы региона и областных депутатов, а с другой – указывает на закрытость, консервацию региональной системы управления. При этом количественный состав институтов политического режима Волгоградской области довольно широкий и включает в себя не только органы законодательной и исполнительной власти, но и надзорные органы (суды, прокуратура, контрольно-счетная палата), институт омбудсмена (по правам человека и ребенка), представителей гражданского общества и МСУ, а также молодежный парламент. Однако при использовании такого подхода к анализу институциональной организации теряются непарламентские политические партии и элиты, которые не наделены правом принимать государственные решения посредством процедуры законотворчества.

Сложившаяся ситуация с доминированием одних институтов и почти полной безучастностью других в процессе принятия решений проецирует противоречия в контексте выстраивания единых целей реализации политического курса. Как справедливо отмечают С. И. Морозов и Т. В. Порошина, «многочисленные противоречия внутри региональной политической элиты, динамично меняющаяся кадровая политика как внутри административного управленческого аппарата Волгоградской области, так и на уровне высшего руководства (губернаторов и их заместителей) неоднозначно сказываются на качестве политико-коммуникативного взаимодействия административных структур, элитных групп и населения региона»¹¹. Более того, указанные трудности подчеркивают необходимость переориентации политического курса в сторону воспроизводства новых форм коммуникации. С позиции А. Э. Калининой и Ю. В. Задорожной, «для перехода региона с инерционного на инновационный сценарий социально-экономи-

ческого развития необходимо в первую очередь совершенствование сферы управления, а также формирование и развитие транзакционной подсистемы, включающей организационную, информационную и институциональную составляющие социально-экономической политики»¹².

Тем не менее, реализация межсекторного взаимодействия в публичном пространстве Волгоградской области сопряжена не только с необходимостью преодоления рисков конкурентной среды, но и с упрочением позитивных практик интеграции. Причем последнее декларируется руководством региона как основная задача институтов публичной политики. Так, губернатор Волгоградской области А. И. Бочаров 23 ноября 2017 г. в ежегодном отчете о результатах деятельности Администрации Волгоградской области подчеркнул, что «выполнение сейчас и в будущем таких серьезных объемов разноплановых работ, в сжатые сроки, с ограниченными ресурсами, в непростых экономических условиях, возможно только вместе, в единой команде, когда мы опираемся на поддержку жителей. Такой объем задач можно выполнить, когда есть всесторонняя поддержка руководства страны и лично Президента России»¹³. Иными словами, губернатором обозначена интеграционная стратегия институционального взаимодействия, успешно реализующаяся в регионе посредством консолидации усилий с опорой на федеральную власть.

Справедливо отметить, что обозначенный губернатором итог имеет под собой конкретные практики реализации межсекторного взаимодействия. Целесообразно классифицировать их на три группы: формальные использующиеся (обозначенные в нормативно-правовом поле); неформальные использующиеся (не имеющие законодательного закрепления); перспективные (предполагающиеся к реализации, но не использующиеся в конкретный период). Такой подход к анализу интеграционных процессов в Волгоградской области, с нашей точки зрения, позволит последовательно указать существующие закономерности коммуникативного взаимодействия, а также сформировать предложения по минимизации рисков применения тех или иных стратегий.

Первую группу представляет реализация взаимодействия институтов публичной политики для достижения целей государственной политики посредством декларирования в нормативно-правовых актах. В указанном контексте наиболее показательным примером может стать политика стратегического планирования в Волгоградской области и г. Волгограде. Так, согласно Распоряжению губернатора Волгоградской области № 159-р от 29.12.2014 г. «Об утверждении плана подготовки и корректировки документов стратегического планирования Волгоградской области», предусматривается комплекс мероприятий, направленных на выработку единой

политики в области социально-экономического и иного развития в Волгоградской области. Более того, в Законе Волгоградской области от 24.12.2015 № 247-ОД «О стратегическом планировании в Волгоградской области» обозначен механизм институционального взаимодействия посредством реализации деятельности общественных обсуждений (ст. 8). В практической плоскости данный механизм был реализован целым рядом общественных дискуссий. Наиболее масштабные из них: форсайт-сессия, на которой представители научного сообщества, бизнесмены, общественники, власти города и области представили образ региона в будущем¹⁴; серия конференций, проходивших в 2016 г. в Волгоградском государственном университете, на тему «Вопросы методологии целеполагания и системы индикаторов, механизмов реализации и мониторинга, информационного обеспечения и сопровождения Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 г.»¹⁵. Более того, принятая Стратегия социально-экономического развития Волгограда до 2030 года декларирует, что «в качестве инструмента реализации стратегии целесообразно также использовать соглашения и договоры, позволяющие привлекать внешние ресурсы и согласованно активизировать совместные стратегические действия с Администрацией Волгоградской области, российскими и зарубежными городами, международными организациями»¹⁶. Однако формальные практики взаимодействия различных институтов публичной политики не опосредованы только лишь стратегическим планированием в Волгоградской области, но и имеют систематический характер, обусловленный взаимодействием секторов формальных властных организаций и гражданским обществом. Так, например, принятие «Социального кодекса Волгоградской области» сопровождалось как позитивными откликами (преимущественно со стороны органов государственной власти региона), так и негативными позициями со стороны общественников. Вместе с тем, признавая необходимость упорядочения сферы социального регулирования, между заинтересованными сторонами было достигнуто согласие и документ был принят Волгоградской областной думой, а впоследствии корректировался по запросу институтов гражданского общества¹⁷.

Вторую группу практик межсекторного взаимодействия образуют коммуникации между институтами, которые прямо не закреплены в юридическом поле. Актуальным в данном аспекте является совместная работа Избирательной комиссии Волгоградской области и Общественной палаты по поводу перехода региона в другой часовой пояс. Общественная палата Волгоградской области предложила провести референдум, губернатор Андрей Бочаров эту инициативу поддержал, а Избирательная комиссия занима-

ется техническим сопровождением¹⁸. Важным является тот факт, что региональные парламентарии неоднократно пытались обсудить эту инициативу, но не могли прийти к единой позиции, что привело данную дискуссию на уровень межсекторного взаимодействия. К указанной группе практик межсекторного взаимодействия также можно отнести участие предпринимателей в реализации целей и задач политического курса региона. Так, например, «финансовое обеспечение экологической деятельности как итог взаимодействия органов власти и институтов МСУ, а также иных акторов регионального политического процесса характеризуется: во-первых, инвестициями в основной капитал, направленными на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов; во-вторых, капитализацией государственных программ, направленных на поддержание экологической стабильности и недопущение катастроф. Привлечение частного капитала в Волгоградской области сопряжено с нестабильностью в инвестиционном климате региона»¹⁹.

Третья группа практик, обозначенная нами как перспективные, представляет собой формы взаимодействия институтов публичной политики, которые не используются (либо не в полной мере реализуются) в политическом пространстве Волгоградской области. Среди таких форм следует выделить краудсорсинг – «технология создания пространства делегированных обязательств, где желающим передается право предложить решение конкретной задачи, доверяется предоставить варианты рационального подхода к той и иной проблеме, будь то проблема бизнеса, общества или власти»²⁰. Безусловно, к указанной форме можно было бы отнести взаимодействие различных институтов по поводу подготовки к Чемпионату мира по футболу FIFA 2018, однако вся деятельность по подготовке координируется специально созданным органом власти в регионе – Комитетом по подготовке и проведению матчей Чемпионата мира по футболу 2018 года Волгоградской области. К тому же подготовка основывается не на сетевом, а координационном принципе, что определено в Постановлении губернатора Волгоградской области от 25 марта 2014 г. № 257 «Об утверждении Положения о комитете по подготовке и проведению матчей чемпионата мира по футболу 2018 года Волгоградской области»²¹.

Таким образом, интеграционное институциональное взаимодействие в публичном пространстве Волгоградской области обусловлено целым рядом факторов: во-первых, преимущественным положением региональных органов власти в формировании стратегического политического курса по отношению к другим институтам публичной политики; во-вторых, фрагментарностью, отсутствием полной систематизации целей и задач коммуникативного взаимодействия вслед-

ствие пробела в нормативном регулировании стратегии социально-экономического развития Волгоградской области на региональном уровне (примечательно, что для г. Волгограда такая концепция уже принята); в-третьих, преобладанием традиционных форм взаимодействия институтов в публичном пространстве (общественные слушания и мониторинг). Указанные факторы определяют необходимость формирования инновационного подхода к реализации стратегии политического развития Волгоградской области, должны быть основаны на признании интеграции как наиболее современной и результативной формы коммуникативного взаимодействия, предполагающей:

– разработку единых «правил игры» в контексте принятия Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года с учетом интересов всех субъектов межсекторного взаимодействия;

– привлечение большего количества неполитических организаций, обладающих ресурсами для минимизации рисков реализации государственной власти в регионе;

– использование сетевых технологий для определения пространства «делегированных обязательств» с целью реализации эффективного политического проектного менеджмента, где главным ресурсом становится обладание человеческим капиталом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области (проект № 17-13-34039).

Примечания

- 1 Отчет о Заседании межрегионального семинара по проблемам публичной политики (Санкт-Петербург, 21 октября 2003 г.). URL: <http://rapn.ru/?doc=94&grup=69> (дата обращения: 18.11.2017).
- 2 Михеев В. А. Социальное партнерство и пути совершенствования публичной политики // Власть. 2005. № 7. С. 14.
- 3 Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (круглый стол) // Полис. 2000. № 10. С. 89.
- 4 Курюкин А. Н. Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества: российские проблемы (материалы круглого стола) // Власть. 2011. № 2. С. 168–169.
- 5 См.: Мордасова Т. А. Общественное участие в политическом управлении: институциональная среда и оценка эффективности / под общ. ред. Е. В. Морозовой. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2011.
- 6 Побединский И. М. Концептуальные основы интеграционных процессов // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 86. С. 33.
- 7 См.: Атопов В. И., Масляев В. Е., Лилявкин А. Ф. Волгоград. М.: Стройиздат, 1985.

- ⁸ См.: Петров Н. В. Демократичность регионов России // Брифинг Московского центра Карнеги. 2005. Т. 7, вып. 9. С. 56.
- ⁹ Гайворонский Ю. О. Вызовы централизации и трансформации региональных политических режимов (на примере Волгоградской области) // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 1. С. 294.
- ¹⁰ См.: Итоги работы Волгоградской областной Думы. URL: <http://volgoduma.ru/analitika/itogi-raboty.html> (дата обращения: 21.11.2017).
- ¹¹ Морозов С. И., Порошина Т. В. Коммуникативные технологии легитимации региональных органов исполнительной власти в Волгоградской области // Изв. ТулГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 59.
- ¹² Калинина А. Э., Задорожнева Ю. В. Перспективы реализации инновационного сценария развития Волгоградской области : проблемы, оценка // Вестн. ВолГУ. Сер. 3 : Экономика. Экология. 2012. № 2. С. 30.
- ¹³ Андрей Бочаров : «Единой командой Волгоградской области – только вместе, только вперед». URL: <http://volgoduma.ru/informacziya-press-sluzhby/news/23004-andrey-bocharov-ledinoy-komandoy-volgogradskoy-oblasti-tolko-vmeste-tolko-vpered.html> (дата обращения: 24.11.2017).
- ¹⁴ См.: Стратегию развития Волгоградской области обсудили на форсайт-сессии. URL: <http://gorvesti.ru/society/strategiyu-razvitiya-volgogradskoy-oblasti-obsudili-na-forsayt-sessii-36987.html> (дата обращения: 23.11.2017).
- ¹⁵ См.: В ВолГУ обсудили актуальные вопросы разработки Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 г. URL: <http://volgograd.bezformata.ru/listnews/ekonomicheskogo-razvitiya-volgogradskoj/45577589/> (дата обращения: 24.11.2017).
- ¹⁶ Стратегия социально-экономического развития Волгограда до 2030 года. URL: <http://www.volgadmin.ru/d/strategy2030/index/49> (дата обращения: 24.11.2017).
- ¹⁷ См.: Социальный кодекс Волгоградской области существенно подкорректировали. URL: <https://regnum.ru/news/2144343.html> (дата обращения: 24.11.2017).
- ¹⁸ См.: Старт дан : в Волгограде собирают подписи за референдум о переводе времени. URL: <https://regnum.ru/news/2343043.html> (дата обращения: 25.11.2017).
- ¹⁹ Гаврилов С. Д., Морозов С. И. Экологическое направление институционального взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Волгоградской области // Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий муниципальных образований : опыт и проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ростов н/Д, 2017. С. 516.
- ²⁰ Панкратов С. А., Шакарбиева С. В. Публичная политическая коммуникация и краудсорсинг : от толпы к публике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, № 3. С. 332. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-329-333.
- ²¹ Об утверждении Положения о комитете по подготовке и проведению матчей чемпионата мира по футболу 2018 года Волгоградской области : постановление губернатора Волгоградской области от 25 марта 2014 г. № 257. URL: <http://komitet2018.volgograd.ru/about/legal-basis/> (дата обращения: 25.11.2017).

Образец для цитирования:

Панкратов С. А., Гаврилов С. Д. Интеграция институтов публичной политики в Волгоградской области: практики реализации межсекторного взаимодействия // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 76–81. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-76-81.

Cite this article as:

Pankratov S. A., Gavrilov S. D. Integration of Public Policy Institutions in Volgograd Region: Practices of Implementation of Intersector Interaction. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 76–81 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-76-81.

УДК 324

ИНСТИТУТ ПРЯМЫХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ПАРЛАМЕНТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ

О. И. Зазнаев

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, political.science@mail.ru

В статье анализируется влияние института прямых выборов президента на форму правления в условиях парламентской республики. Автор выделяет пять моделей итога введения всенародных выборов, из которых в трех моделях (Исландия, Ирландия и Чешская Республика) сохраняется парламентская система, а в двух других происходит переход к полупрезидентской (Франция) и президентской системам (Турция). Дается авторская оценка роли всенародных выборов президента в парламентской системе.

Ключевые слова: выборы президента, прямые выборы, парламентская республика, президент, конституционные изменения, форма правления.

The Institution of Direct Presidential Elections in Parliamentary Republics

O. I. Zaznaev

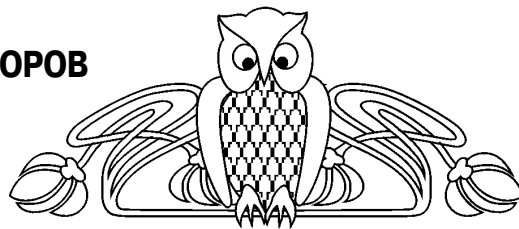
Oleg I. Zaznaev, ORCID 0000-0002-6070-5999, Kazan (Volga region) Federal University, 18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russia, political.science@mail.ru

The article analyzes the impact of the institution of direct presidential elections on the form of government in the conditions of a parliamentary republic. The author identifies five models of the outcome of the introduction of popular elections, of which the parliamentary system remains in three models (Iceland, Ireland and the Czech Republic), and in the other two the transition to semi-presidential (France) and presidential systems (Turkey) occurs. Author's assessment of the role of popular presidential elections in the parliamentary system is given.

Key words: presidential elections, direct elections, parliamentary republic, president, constitutional changes, form of government.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-82-86

Институт прямых президентских выборов в парламентских республиках рассматривается обычно как отклонение от «чистой» парламентской системы и как «исключение из правил», поскольку считается, что при такой форме правления президент избирается законодательной или специальной избирательной коллегией, а не народом. Вместе с тем случаи, когда парламентские страны, где существуют выборы президента населением, не единичны. В одних парламентских государствах прямые президентские выборы существуют с момента принятия конституции и внедрения новой формы правления (например в Болгарии, Исландии и Румынии), в других этот институт появился позже (например в Австрии, Словении и Финляндии).

В последнее десятилетие в ряде парламентских республик были введены всенародные выборы президента. В 2007 г. в Турции прошел референдум по поправкам к конституции, в результате которого парламентский способ избрания был заменен на всенародное голосование. В 2012 г. Чешская Республика также изменила свою конституцию и перешла к прямым выборам главы государства. В 2016 г. в Молдавии Конституционным судом были восстановлены всеобщие выборы президента (в 1991–2000 гг. президент избирался народом). Дискуссии по поводу необходимости перехода к прямым выборам идут в Венгрии, Италии, ФРГ и Эстонии.

В политологии институт прямых выборов президента в условиях парламентской республики практически не исследован. На наш взгляд, необходимо дать ответы на вопросы о преимуществах и недостатках прямых выборов, об изменении характера взаимоотношений между ветвями власти в связи с переходом на прямой способ избрания президента, а также о том, меняется ли при этом парламентская форма правления на иную.

Как известно, всякое институциональное новшество требует своего обоснования. Почему парламентские республики идут на введение прямых президентских выборов?

Сторонники такой реформы к числу «плюсов» всеобщих президентских выборов относят: повышение легитимности президентской власти; превращение президента в активную политическую фигуру и повышение его роли в политическом процессе; предотвращение ситуации, когда президент выражает интересы политических партий, а не более широких групп населения, а также ситуации, когда президенты становятся «продуктом» «делок» между партиями; преодоление отчуждения граждан от власти и политики; повышение явки на выборах и преодоление усталости избирателей.

Противники перехода к прямым выборам президента в парламентской республике считают, что такого рода выборы больше подходят президентским и полупрезидентским системам, а не парламентским, в которых президент «царствует, но не правит», и слабый статус президента в парламентской системе больше соотносится с тем, что его избирает парламент, а не народ. Далее оппоненты прямых выборов подчеркивают, что прямые выборы – не гарантия независимости президента от партий, а президент, избранный от партии, может управлять независимо.

Приводит ли введение прямых выборов президента в условиях парламентской республики к изменению характера взаимоотношений между ветвями власти? Каковы возможные последствия внедрения этого демократического института для функционирования парламентаризма? Анализ политического опыта парламентских стран мира позволил нам выделить пять моделей последствий учреждения всеобщих выборов президента.

1. *Парламентская республика с «церемониальными» выборами и церемониальной главой государства.* Ярким примером этой модели является Исландия, которая, согласно Конституции, является «парламентарной» республикой. Действительно, государственный механизм функционирует как типичная парламентская система. Его нетипичным элементом являются всеобщие выборы президента, которые, на наш взгляд, можно охарактеризовать как церемониальные.

Во-первых, если зарегистрирован только один кандидат, то он считается законно избранным без голосования (ч. 1 ст. 5 Конституции Исландии). Так, Оулавюр Рагнар Гримссон автоматически стал президентом в силу отсутствия других кандидатов дважды – в 2000 и 2008 гг. (в 1996, 2004 и 2012 гг. он избирался на альтернативной основе). Из 19 выборов в послевоенный период 11 не состоялись в силу того, что у единственного кандидата не было соперников. Следует согласиться с оценкой Дж. Сартори, который говорит о том, что такого рода «выборы» свидетельствуют об «атрофии» президентской власти в этой стране¹.

Во-вторых, в Исландии существует традиция, согласно которой кандидаты принимают участие в президентских выборах индивидуально, и политические партии в избирательном процессе не участвуют, что резко снижает значимость выборов главы государства.

В-третьих, предусмотрено своеобразное «недоверие» президенту: президент слагает свои полномочия досрочно, если это будет одобрено большинством голосов на референдуме, проведенном согласно резолюции, принятой тремя четвертями членов Альтинга (ч. 2 ст. 11 Конституции Исландии). При этом ничего не говорится об основаниях такого отзыва, что означает, что данная процедура не является импичментом, который требует нарушения закона со стороны президента. Получается, что глава Исландского государства может быть лишен своей должности по политическим соображениям.

Президент фактически играет церемониальную роль, и его правовой статус имеет много общего с правовым статусом конституционного монарха². Президент не реализует своих полномочий самостоятельно, поскольку он «осуществляет свою власть через министров» (ст. 13 Конституции Исландии), и все его акты подлежат

контрассигнации одним из членов правительства (ст. 19 Конституции Исландии). Роль президента в политическом процессе сугубо формальная. Хотя президент и имеет право вето согласно Основному закону, однако ни один из президентов ни разу не применил его со времени введения института президентства в 1944 г.³ В Исландии принято считать, что президент «выше политики» и не должен не только вмешиваться в политический процесс, но и даже выражать своего мнения по актуальным проблемам жизни страны. Так, президента Гримссона критиковали за «излишнюю» политизированность.

Таким образом, выборы исландского президента не играют значимой роли в политическом процессе, а республика «живет по законам» типичной парламентской системы с номинальным главой государства.

2. *Парламентская республика с церемониальной главой государства.* Пример Австрии показателен. С 1957 г. федеральный президент избирается на всеобщих выборах на 6 лет (ч. 1 и 5 ст. 60 Федерального конституционного закона (далее – ФКЗ⁴)). Он обладает полномочиями, характерными для глав государств в парламентских республиках: представляет республику во внешних сношениях, принимает и назначает послов, заключает государственные договоры, созывает и закрывает сессии парламента, может распустить Национальный совет (нижнюю палату парламента), назначает федерального канцлера и по его предложению – остальных членов правительства, назначает федеральных служащих, осуществляет помилование и проч. (ст. 27, 28, 29, 65, 70 ФКЗ). Все действия федерального президента осуществляются на основании предложений правительства или уполномоченного правительством федерального министра, и все его решения должны быть скреплены подписью федерального канцлера или компетентного федерального министра (ст. 67 ФКЗ). Федеральный канцлер и по его предложению остальные члены правительства назначаются федеральным президентом (ч. 1 ст. 70 ФКЗ) с учетом расстановки политических сил в парламенте, т. е. в этом вопросе президент не свободен в своем выборе. Правительство формируется на срок деятельности Национального совета, перед которым оно несет ответственность. Вотум недоверия может быть выражен Национальным советом всему кабинету или отдельному министру, что влечет их отставку (ч. 1 ст. 74 ФКЗ).

В отличие от Исландии, выборы президента Австрии являются партийными (кандидаты пользуются поддержкой партий) и, как правило, конкурентными с реальным соперничеством кандидатов. Так, на последних выборах, которые прошли 22 мая 2016 г., победу одержал представитель Партии зеленых Александр Ван дер Беллен (50,3%) с небольшим перевесом голосов над соперником. Однако Партия свободы обжаловала

вала итоги выборов, и Конституционным судом Австрии было принято постановление о проведении новых выборов, которые состоялись 4 декабря 2016 г. На них вновь победил Александр Ван дер Беллен с результатом 53,3% голосов. В 2004 г. Хайнц Фишер (СДПА) получил 52,39% голосов, выиграв у соперника от Народной партии и Партии свободы с перевесом в 4,78% (на своих вторых выборах в 2010 г. Фишер одержал уверенную победу – 79,3% голосов избирателей).

Однако, несмотря на интерес к выборам и популярность фигуры австрийского президента, его положение остается во многом церемониальным. По верному замечанию М. Дюверже, он обычно действует «как современные итальянский и германский президенты или как королева Англии...»⁵

3. *Парламентская республика с относительно влиятельным президентом.* К этой модели может быть отнесена Чешская Республика. В течение всего постсоциалистического развития эта страна была парламентской, однако, как подчеркивают эксперты, чешский президент всегда был «сильнее монархов и большинства президентов в парламентских системах (например, в Германии, Словакии или Венгрии), но в то же самое время слабее глав государств в большинстве полупрезидентских систем (Франция) или в системах, близких полупрезидентализму (например, Польша)»⁶. В Чешской Республике существует некоторое разделение исполнительной власти между президентом и премьером, правда, «власть президента ограничена узкой, хотя и важной областью полномочий, в основном касающихся выдвижения кандидатур и назначения на различные должности»⁷. Президент Чешской Республики не столько реализует свою политическую программу, сколько является гарантом всей конституционной системы страны. Роль главы государства в чешской политической системе зависит, прежде всего, от политического контекста: «...слабый премьер, политически фрагментированная Палата депутатов, существование пропрезидентской политической партии и авторитет президента в глазах общественности расширяют пространство президента для маневра. С другой стороны, сильный премьер, поддерживаемый парламентским большинством, может политически маргинализировать президента»⁸.

Повышение роли президента в политической жизни Чешской Республики требовало определенной ее легитимации, что нашло отражение в создании института всеобщих выборов главы государства в 2012 г. (первые прямые президентские выборы прошли в 2013 г.). Как отмечается в литературе, «введение прямых президентских выборов в Чешской Республике было вызвано, главным образом, плохим опытом, связанным с последними косвенными выборами в 2008 г., и ответом на давнее стремление чешской

общественности к избранию президента всенародным голосованием»⁹.

При этом Чешская Республика продолжает оставаться во многом парламентской системой. Без существенных конституционных изменений по усилению власти президента невозможно ее функционирование как полупрезидентской системы¹⁰. Вместе с тем сам факт прямого избрания президента дает ему моральное право для попыток изменения парламентских конституционных обычаев в направлении усиления власти президента, что неоднократно демонстрировал действующий президент Милош Земан.

4. *Полупрезидентская система с реальным дуализмом исполнительной власти.* Франция Четвертой республики была парламентской системой. Конституция 1958 г. радикально поменяла форму правления в стране, предложив новую модель – полупрезидентскую. Однако этой системе не хватало одного существенного элемента – всеобщих выборов президента. Первый президент Пятой республики был избран в 1958 г. особой коллегией выборщиков, включавшей членов парламента и представителей местных органов самоуправления. Однако Шарля де Голля не устраивал такой способ избрания, поскольку он стремился усилить позиции главы государства и предотвратить эволюции режима в сторону парламентской республики. К тому же всенародное избрание могло бы укрепить легитимность президентской власти. Вопрос о введении всеобщих выборов был вынесен де Голлем на референдум в 1962 г. Первые президентские выборы состоялись в 1965 г. С этого момента глава французского государства стал получать свой мандат из рук народа. Тем самым была окончательно оформлена полупрезидентская система.

5. *Президентская система.* В Турции прямые президентские выборы стали началом смены парламентской системы на президентскую. Конституция страны, принятая в 1982 г., предусматривала создание парламентской республики. На протяжении четверти века в стране функционировал парламентский режим. Первый шаг к радикальной реформе формы правления был сделан на референдуме в 2007 г. с введением прямых всеобщих выборов президента, который прежде избирался парламентом. Первые выборы президента по новой системе состоялись в 2014 г.: за Эрдогана отдали голоса 51,79% избирателей. На референдумах 2010 и 2017 гг. были одобрены другие серьезные институциональные изменения, касающиеся формы правления (всего насчитывается 18 ключевых поправок к Конституции Турции). Предусматривается, что будет ликвидирована должность премьер-министра, введены посты вице-президентов, которых президент станет назначать самостоятельно, у президента появится право назначать и увольнять министров и других высших должностных лиц в

системе исполнительной власти, будут отменены обязанности министров устно отвечать на вопросы в парламенте. Кроме того, значительно расширятся полномочия главы государства: у него появится право объявлять чрезвычайное положение с дальнейшим утверждением его парламентом, право назначать часть судей в Совете судей и др. Все эти новации превратят Турцию в президентскую республику. Вступление в силу поправок к Конституции намечено на 2019 г., когда одновременно пройдут президентские и парламентские выборы. Сторонники реформы утверждают, что она позволит устранить напряженность и конфликт в отношениях между президентом и парламентом, предоставив больше полномочий президенту и дав парламенту возможность выступать в качестве действительно законодательного органа. Критики говорят, что изменения проложат путь к «единоличному правлению»¹¹ и формированию «султанистского режима», поскольку власть будет сконцентрирована преимущественно в руках президента¹².

Итак, в трех случаях (Исландия, Ирландия и Чешская Республика) введение института прямых президентских выборов не привело к смене парламентской системы на иную. Во французской и турецкой моделях выборы стали неотъемлемой частью реформы формы правления и ее изменения на полупрезидентскую (Франция) и президентскую (Турция) (таблица).

Следует заметить, что оценка формы правления после учреждения института прямых выборов президента зависит от того, что мы понимаем под парламентской системой. В научной литературе верно замечено, что парламентская система создает «единственный локус верховной власти на национальном уровне», в отличие от президентской системы, где власть разделена между двумя избираемыми органами – законодательной и президентом¹³. Полупрезидентской системе свойственен дуализм исполнительной власти (президент и премьер-министр). Нельзя согласиться с мнением Р. Элджи, который полагает, что всеобщие выборы президента превра-

щают форму правления в полупрезидентскую систему¹⁴. На наш взгляд, при оценке формы правления нужно ориентироваться не на признак выборов, а на правила и принципы функционирования власти.

Дж. Сартори верно подмечает, что президентские и парламентские системы являются таковыми вследствие существования у каждой из них своей системной логики¹⁵. Для президентской системы характерна логика раздельного существования законодательной и исполнительной власти, раздельного их выживания, логика концентрации всей полноты исполнительной власти в руках президента как следствие его всеобщего избрания, а парламентской системе, напротив, свойственна логика совместного существования правительства и парламента, их совместного выживания, парламентского или правительственного доминирования (в зависимости от модели парламентской системы)¹⁶.

Поэтому, прежде чем отнести ту или иную парламентскую страну к разряду полупрезидентских в силу наличия всеобщих выборов президента, мы должны выяснить, нарушается при этом логика парламентаризма или нет. Создает ли «аномалия» прямых президентских выборов другие механизмы власти, функционирующие по совершенно иной – непарламентской логике? В первых трех проанализированных случаях эта логика не нарушается: Исландия, Австрия и Чешская Республика продолжают «жить по правилам» парламентской системы. О трансформации системы в сторону полупрезидентской (Франция) или президентской (Турция) можно говорить только в том случае, если существенно меняется характер взаимоотношений между ветвями власти и президент из номинального превращается в реального и сильного политического игрока.

Итак, способ избрания президента в условиях парламентской республики не имеет решающего значения для трансформации взаимоотношений между ветвями власти. Несмотря на повышение степени легитимности президентской власти в силу прямого всеобщего

Итоги введения прямых выборов президента в парламентских республиках

Кейсы	Дата принятия конституции	Первые прямые выборы президента	Выборы президента	Президентская власть	Форма правления как итог введения прямых выборов президента
Исландия	1944	1952	Церемониальные беспартийные	Крайне слабая	Парламентская
Австрия	1920–1945	1957	Конкурентные партийные	Слабая	Парламентская
Чешская Республика	1992	2013	Конкурентные партийные	Умеренная	Парламентская
Франция	1958	1965	Конкурентные партийные	Сильная	Полупрезидентская
Турция	1982	2014	Конкурентные партийные	Сильная	Президентская

избрания главы государства, автоматически не происходит повышения статуса президента и его усиления. Сама по себе имплементация института прямых выборов президента в условиях парламентской республики не ведет к изменению формы правления на полупрезидентскую или президентскую. Институциональные изменения (расширение полномочий президента, сужение функций парламента и проч.) и политический контекст в большей степени влияют на смену принципов организации власти, чем простой переход к всеобщим президентским выборам.

Примечания

- ¹ См.: *Sartori G.* Comparative Constitutional Engineering : An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. 2nd ed. L. : Macmillan Press, 1997. P. 138.
- ² См.: *Тимошенко И.Г.* Исландия. Вводная статья // Конституции государств Европы : в 3 т. / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : НОРМА, 2001. Т. 2. С. 10.
- ³ Там же. С. 11.
- ⁴ См.: Федеральный конституционный закон Австрийской Республики от 10 ноября 1920 года // Конституции государств Европы. Т. 1.
- ⁵ *Duverger M.* A New Political System Model : Semi-Presidential Government // European Journal of Political Research. 1980. Vol. 8. P. 167.
- ⁶ *Kysela J., Kühn Z.* Presidential Elements in Government : The Czech Republic // European Constitutional Law Review. 2007. Vol. 3. P. 99.
- ⁷ Ibid. P. 112.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ *Wintr J., Antoš M., Kysela J.* Direct election of the president and its constitutional and political consequences // Acta Politologica. 2016. Vol. 8, №. 2. P. 145.
- ¹⁰ Ibid. P. 150.
- ¹¹ См.: Turkey's Constitutional Reform : A review of Constitutional History, Current Parliamentary System and Proposed Presidential System. № 4, February 2017. Istanbul : TRT World Research Centre, 2017.
- ¹² См.: *Sezgin Y.* How a constitutional amendment could end Turkey's republic. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/01/24/how-a-constitutional-amendment-could-end-turkeys-republic/?utm_term=.6b26db402660 (дата обращения: 27.12.2017).
- ¹³ *Gerring J., Thacker S. C., Moreno C.* Are Parliamentary Systems Better? // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42, № 3. P. 337.
- ¹⁴ См.: Semi-Presidentialism in Europe / ed. by R. Elgie. Oxford : Oxford University Press, 1999. P. 8–9, 14.
- ¹⁵ См.: *Sartori G.* Op. cit. P. 85.
- ¹⁶ См.: *Зазнаев О. И.* Полупрезидентская система : теоретические и прикладные аспекты. Казань : Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 121.

Образец для цитирования:

Зазнаев О. И. Институт прямых президентских выборов в парламентских республиках // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 82–86. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-82-86.

Cite this article as:

Zaznaev O. I. The Institution of Direct Presidential Elections in Parliamentary Republics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 82–86 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-82-86.

УДК 323.2

СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ МАНИПУЛЯЦИЯМ В СМИ

А. А. Казаков

Казаков Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aldr.kazakov@gmail.com

В статье рассматриваются основные способы противодействия манипулятивным приемам, используемым СМИ в политических целях. Среди прочего автор обосновывает необходимость сопоставления информации из различных источников, проверки достоверности излагаемых фактов и оценки степени представленности в медиасообщении альтернативной точки зрения.

Ключевые слова: манипулирование, медийная грамотность, политическая культура, средства массовой информации.

Ways to Counteract Political Manipulation in Mass Media

A. A. Kazakov

Alexander A. Kazakov, ORCID 0000-0002-3140-0977, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, aldr.kazakov@gmail.com

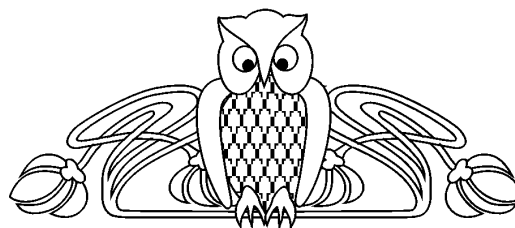
The main methods to counteract manipulative techniques used by mass media for political purposes are considered in this article. Among others, the author argues the necessity to compare information from different news sources, to check credibility of the facts conveyed by journalists, and to evaluate the extent to which a story is balanced.

Key words: manipulation, media literacy, political culture, mass media.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-87-91

В современной научной литературе методам манипулятивного воздействия на сознание аудитории уделяется достаточно много внимания. Помимо приемов, составляющих давно ставшую классикой «азбуку пропаганды», отечественные ученые активно анализируют большое количество других механизмов, при помощи которых массмедиа влияют на формируемые у людей представления о происходящем в мире политики¹, исследуют специфику политической функциональности СМИ² и изучают их роль в ведении информационных войн между государствами³.

Вместе с тем значительно реже появляются работы о том, каким образом человек может эффективно перерабатывать поступающие к нему потоки политической информации и противостоять используемым журналистами манипуляциям. В основном подобные исследования ведутся в рамках медиаобразования и медиапедагогики и так или иначе концентрируются вокруг понятий «медийная грамотность», «информационная грамотность/культура» и «медиакомпетентность»⁴.

В данной статье в качестве рабочего используется первое из них. При этом под медийной грамотностью будем понимать умение человека находить в материалах массмедиа интересующую его информацию, критически ее осмысливать и проверять достоверность, а также – при наличии соответствующей необходимости – самому создавать элементарные медийные сообщения. Полагаем, что в контексте настоящего исследования именно критическое осмысление и проверка достоверности транслируемых журналистами фактов являются теми компонентами, которые как раз и позволяют индивиду противодействовать медиаманипуляциям.

Для удобства восприятия весь комплекс существующих на этот счет рекомендаций предлагаем условно разделить на две группы – общие принципы и инструментальные техники. В нашем понимании, первую составляют правила, относящиеся к восприятию медиатекстов в целом, вторую – набор конкретных рекомендаций по тому, как можно обезопасить себя от отдельных манипуляций со стороны журналистов.

Наиболее важным общим принципом мы считаем необходимость скептического отношения ко всему тому, о чем нам сообщают массмедиа. К сожалению, сегодняшняя реальность такова, что за каждым информационным ресурсом кто-то стоит (в первую очередь, в финансовом плане, так как существовать исключительно за счет подписки или рекламы в настоящий момент практически невозможно – необходимы «спонсоры»). И у этого кого-то, скорее всего, есть собственные интересы, в том числе – применительно к сфере внутренней или внешней политики. Стало быть, логично предположить, что в той или иной форме эти интересы прямо или косвенно будут отстаиваться и в подконтрольных им средствах массовой информации. А значит, неминуемы случаи намеренного воздействия на характер преподнесения фактов и, как следствие, манипуляции со стороны авторов медиасообщений.

Разумеется, этот скепсис не должен быть абсолютным. Подвергать сомнению каждое слово или мысль просто невозможно! Считаем, что медийно грамотная личность должна просто всегда держать в голове тот факт, что ею в принципе (не обязательно – в данный конкретный момент, но вообще) могут манипулировать. Причем особенно внимательным в этом смысле стоит быть в те моменты, когда речь идет о каких-либо спорных,

противоречивых, неоднозначных или «чувствительных» для общества вещах. Практика показывает, что в таких случаях вероятность целенаправленного воздействия на сознание аудитории в угоду чьим-либо политическим целям серьезно возрастает.

Рекомендуется также выработать привычку не делать скоропалительных выводов по поводу увиденного, услышанного или прочитанного в массмедиа. Далеко не всегда та информация, что доходит до нас впервые, в итоге оказывается достоверной и объективной. Особенно актуально это для тех случаев, когда речь идет о срочных сообщениях, поступаемых во время прямого эфира или в режиме реального времени. Более или менее полная и соответствующая реальности картина, как правило, складывается позже – когда сообщаемые «с пометкой “молния”» факты будут перепроверены и подтверждены из нескольких не зависящих друг от друга источников. Поэтому в таких случаях всегда лучше просто принять информацию к сведению, но до определенного времени воздержаться от того, чтобы делать из нее какие-то выводы, так как в дальнейшем она вполне может не подтвердиться или быть существенно скорректирована.

По возможности при восприятии новостных сообщений нужно также стараться отключать эмоции. Как уже отмечалось выше, нередко журналисты намеренно повышают степень эмоциональности своих статей или репортажей (например, демонстрируя кадры страдающих людей, плачущих детей, разрушенных городов и т. п.) с целью вызвать у своих читателей или зрителей соответствующие чувства и тем самым повлиять на их отношение к тому, что сообщается. Оставаться абсолютно безучастным к подобного рода вещам, естественно, очень сложно, однако вместе с тем нужно стараться всегда помнить о том, что все это также вполне может быть элементом манипулирования.

Аналогичным образом всегда необходимо стремиться к тому, чтобы, во-первых, отсеивать так называемый информационный шум и, во-вторых, находить корень тех проблем, что действительно важны для общества или для нас лично. Характерные для современного общества информационная перегрузка и приемы по «оттенению» не выгодных для манипулятора фактов ощутимо затрудняют для человека формирование адекватной картины того, что произошло в тот или иной день. Более того, даже выявив круг действительно важных тем, разобраться в их реальной сути (выявить истинные причины, определить вероятные последствия и т. д.), полагаясь исключительно на транслируемые журналистами фреймы, не всегда возможно.

Разобраться в сути сообщаемого журналистами помогает диалогичность восприятия. При этом диалогичность в данном случае мы понимаем двояко. Как своеобразный диалог с

автором – не автоматическое следование за ходом его рассуждений, а мысленная дискуссия с ним посредством задавания таких, например, вопросов, как «Что заставляет автора так считать?», «Почему именно так, а не иначе?», «Не выдает ли автор собственное мнение за факт?», «Достаточно ли у него оснований, чтобы утверждать это?» и т. д. Иными словами, это уже упомянутый выше скепсис, но облаченный в более конкретную форму.

Второе измерение диалогичности предполагает обсуждение наиболее острых и важных для личности проблем с другими людьми – родственниками, друзьями, коллегами. Зачастую в ходе таких бесед удается несколько иначе посмотреть на конкретный сюжет, увидеть в нем новое, прежде не замечавшиеся грани и, возможно, даже несколько изменить собственное мнение по данному вопросу. При этом очевидно, что лучше всего обсуждать что-либо с теми, кто придерживается в отношении этого противоположных взглядов. В таком случае вероятность составления более целостного представления по интересующему нас вопросу значительно больше.

Иногда, чтобы понять, манипулируют нами или нет, достаточно просто оценить сообщаемое с точки зрения здравого смысла и чувства меры. Для этого, в частности, можно задать примерно такие вопросы: «Возможно ли такое в принципе?», «Не противоречит ли это элементарным законам физики или биологическим возможностям человека?», «Насколько все это реально с точки зрения имеющихся у кого-либо или чего-либо материальных ресурсов?» и т. д. Разумеется, вряд ли стоит оценивать таким образом каждое из утверждений автора. Однако там, где дело касается действительно важных для нас тем, такая практика явно не будет лишней.

Наконец, одним из самых действенных, но одновременно труднореализуемых общих принципов противостояния манипуляции, на наш взгляд, является включенность в происходящие события. Одно дело – когда человек узнает о чем-либо исключительно из материалов средств массовой информации. Совершенно другое – когда есть возможность наблюдать отдельные процессы лично, собственными глазами. В первом случае люди, получается, полностью зависят от того, каким образом информация о произошедшем будет преподнесена журналистами; во втором они смогут соотнести все это с тем, что наблюдали воочию.

Конечно же, мы отдаем себе отчет в том, что в силу самых различных причин (недостатка времени, территориальной отдаленности и т. д.) непосредственное участие во многих политических мероприятиях и событиях просто невозможно. Но, опять же, тогда, когда сделать это можно и когда сам вопрос для конкретного человека важен, пренебрегать такой возможностью не нужно.

Так, например, можно прочитать и просмотреть огромное количество медиасообщений, скажем, об акциях в честь годовщины воссоединения России и Крыма, потратить на это много времени, но так и не понять, сколько же людей приняли в них участие (вполне вероятно, что лояльные действующей власти СМИ будут несколько преувеличивать это число, а оппозиционно настроенные – преуменьшать), пришли ли они на этот митинг добровольно, или их заставили это сделать, и т. д. А можно самому посетить место проведения акции, оценить все собственными глазами, пообщаться с людьми и в итоге составить уникальное, ни от кого не зависящее и никем не «отформатированное» представление о происходящем.

Таков набор рекомендаций, которые мы отнесли к разряду основных принципов противодействия медиаманипуляциям. Все они носят достаточно общий характер и представляют собой, скорее, универсальные установки по поводу того, как следует относиться к транслируемой журналистами информации.

Однако есть еще и целый ряд более частных способов, позволяющих распознать попытки недобросовестного воздействия на сознание аудитории. Пожалуй, самый эффективный из них – это сопоставление информации по одному и тому же поводу из различных медийных источников. Очевидно, например, что то, как какое-то резонансное политическое событие преподносится, скажем, «Российской газетой», будет очень сильно отличаться от того, как то же самое будет освещаться, условно говоря, «Новой газетой». Примерно такой же будет разница в подходах и оценках между российскими и зарубежными массмедиа в отношении вопросов внешней политики нашей страны.

Десятилетний опыт анализа подобных сюжетов дает нам основания утверждать, что в таких случаях различными, как правило, являются и транслируемые журналистами фреймы, и атрибутивные повестки дня, и повестки дня первого уровня. А следовательно, если человек будет стараться получать информацию о происходящем из разных (что принципиально важно – разнонаправленных по своим политическим ориентациям и предпочтениям) СМИ, у него будет возможность формировать более целостное, включающее в себя аргументы как сторонников, так и противников чего-либо, представление о происходящем. Плюс ко всему сравнение зачастую противостоящих друг другу позиций также поможет обнаружить и прямые искажения фактов (приемы из разряда «обман»), и более тонкие приемы манипулирования («уловки»).

При этом, выбирая ресурсы для сопоставления, нужно по возможности максимально четко понимать, кому они принадлежат и какие политические или коммерческие структуры за ними стоят. Разумеется, эти данные редко явля-

ются публичными. Однако при желании выяснить этот момент все-таки можно. Хотелось бы заметить, что такая информация очень важна и в том случае, если у человека нет возможности или времени сравнивать контент из нескольких источников. Даже если кто-то привык смотреть один телеканал или читать одну газету, знание того, кто этот ресурс спонсирует, безусловно, будет весьма важным в понимании особенностей общей редакционной политики данного ресурса.

Воспринимая информацию из любого медийного источника, нужно также обращать внимание на то, представлена ли альтернативная точка зрения по какому-либо вопросу, и если да, то в каком объеме. Естественно, не следует понимать данную рекомендацию буквально: подавляющее большинство используемых журналистами тезисов не предполагает наличия противоположного мнения. Однако в тех случаях, когда речь идет о действительно важном, спорном или противоречивом вопросе, как правило, имеются как сторонники, так и противники позиции, излагаемой автором конкретного материала. Стандарты журналистской работы предполагают, что в новостной статье должен быть представлен как можно более широкий спектр существующих на этот счет взглядов. Стало быть, если такого не наблюдается, либо же альтернативная точка зрения лишь упоминается, но раскрывается значительно менее подробно, то, скорее всего, в данном случае имеет место попытка манипулирования.

При этом, правда, необходимо четко осознавать разницу между различными жанрами информационных сообщений – такими, например, как новостная заметка, репортаж, частное мнение, аналитика, интервью, пропаганда, реклама и т. д. Ожидать абсолютной объективности от последней из перечисленного, конечно же, вряд ли приходится. Равно как и в рамках «частного мнения» или блога, например, автор волен высказывать только ту точку зрения, которую считает нужной. Однако если речь идет, скажем, о новостном репортаже или аналитической статье, то здесь уже должны соблюдаться требования объективности и хоть какой-то беспристрастности.

Вообще, несмотря на то что внешне все это кажется само собой разумеющимся, на практике, по нашим наблюдениям, мало кто из не очень искушенных в вопросах медийной грамотности людей придает этому большое значение. Общение со студентами и людьми более зрелого возраста убеждает нас в том, что далеко не все задумываются над жанрами медиатекстов, из которых они черпают информацию. Проблему усугубляет еще и то, что, в отличие от западных стран, где, по крайней мере, в печатной прессе принято четко обозначать вид материала (редакционная статья, частное мнение и т. д.), в нашей стране такое можно встретить далеко не всегда.

К сожалению, практически столь же редко мы обращаем внимание и на источник транслируемой журналистами информации. Что это – официальное заявление чиновника, мнение эксперта, анонимный «высокопоставленный источник» или что-то еще? На наш взгляд, степень доверия каждому из перечисленных вариантов должна быть различной. Предоставляя ложную, непроверенную информацию или высказывая мнение, не соответствующее действительности, первые два рискуют как минимум своей репутацией. А вот третий, в силу того что он не назван, не рискует вообще ничем. Более того, как мы уже отмечали, в реальности этого анонимного источника может и не быть вовсе – таким образом журналисты могут озвучивать информацию, которая выгодна им самим или стоящим за ними субъектам.

Иногда, чтобы доказать факт манипуляции, достаточно просто проверить достоверность изложенных в медиасообщении фактов. Для этого можно уточнить что-либо в справочнике или любых других информационных ресурсах, не связанных непосредственно с политикой. На Западе сами редакции многих СМИ, не желая быть пойманными на фактологических ошибках или неточностях, создают соответствующие отделы, которые занимаются предварительной проверкой содержащихся в информационных материалах дат, цифр, цитат и т. д. Такая работа даже получила соответствующее наименование – fact-checking (в пер. с англ. – проверка фактов). В России же подобная практика только начинает внедряться. Хотелось бы, чтобы не только журналисты, но и сами люди, получающие от них информацию, время от времени также находили возможность проверять и уточнять отдельные детали и факты. В некотором смысле это тоже является одним из условий медийной грамотности.

В целях повышения иммунитета к медиаманипуляциям рекомендуется обращать внимание на используемую автором лексику – каким образом кто-то или что-то именуется (самые распространенные примеры: «сепаратист» или «борец за независимость», «ополченец» или «боевик», «воссоединение» или «аннексия» и т. д.), какие метафоры, эпитеты, эвфемизмы, сравнения при этом используются. Иногда бывает полезно просто – своими словами, по возможности избегая политически нагруженных терминов – пересказать основное содержание медиасообщения. Считается, что таким образом можно обнаружить какие-либо нестыковки в логике автора и, как следствие, не поддаваться на заложенные в медиатекст манипуляции.

Наконец, еще одним весьма действенным механизмом выхода из-под влияния манипулятора (особенно в тех случаях, когда воздействие осуществляется ежедневно) являются паузы в привычном режиме получения информации.

Практика показывает, что, если, например, в течение недели не смотреть «любимую» новостную телепередачу или не читать общественно-политическую газету, то потом, по окончании перерыва, транслируемый по данному каналу контент будет восприниматься совершенно иначе – более критично и беспристрастно.

Таковы основные советы по тому, каким образом можно защититься от манипулирования со стороны журналистов. Разумеется, универсального «лекарства», дающего стопроцентную гарантию защиты, быть не может. Однако в своей совокупности описанные выше приемы, на наш взгляд, способны сделать человека значительно менее уязвимым и более медийно грамотным.

Очевидно, что все эти вещи требуют достаточного количества времени и усилий. И потому вряд ли найдется в мире человек, который скрупулезно следует всем этим правилам применительно к каждой из новостей, получаемых им из массмедиа. Однако мы убеждены, что в тех случаях, когда речь идет о действительно важных для нас событиях, это того стоит. Потратив какое-то время на критическое осмысление транслируемой СМИ информации, мы тем самым обезопасим себя от нередко навязываемых нам ложных и предвзятых представлений.

Примечания

- ¹ См., например: *Грачев Г. В., Мельник И. К.* Манипуляция личностью : Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2007 ; *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо ; Изд-во МГУ, 1997 ; *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. Век XXI. М. : Алгоритм, 2015 ; *Пономарев Н. Ф.* Политические коммуникации и манипуляции : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2007.
- ² См.: *Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В.* Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов : Саратовский источник, 2011 ; *Казаков А. А.* Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня» : возможности и ограничения // Вестн. ВолГУ. Сер. 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 138–143.
- ³ См.: *Крысько В. Г.* Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск : Харвест, 1999 ; *Манойло А. В.* Государственная информационная политика в особых условиях. М. : МИФИ, 2003 ; *Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологических конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности : учеб. пособие. М. : МИФИ, 2004.
- ⁴ См., например: *Жилавская И. В.* Проблема формирования понятийного аппарата медиаобразования в условиях конвергенции медиа- и информационной грамотности // Фундаментальные исследования. 2014. № 5 (ч. 1). С. 213–217 ; *Казаков А. А.* Методы мани-

пулирования общественным сознанием в контексте медийной грамотности : политическое измерение // ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 3. С. 26–34; *Левецкая А. А.* Формирование медийной грамотности и медиакритика в Канаде // Медиаскоп. 2016. Вып. 1. URL: <http://mediascope.ru/?q=node/2087>; *Федоров А. В.* Медиао-

бразование и медиаграмотность. М. : Директ-Медиа, 2013; *Федоров А. В.* Медиаобразование : история и теория. М. : МОО «Информация для всех», 2015; *Федоров А. В., Чельшева И. В.* Медиаобразование в России : краткая история развития. Таганрог : Познание, 2002.

Образец для цитирования:

Казаков А. А. Способы противодействия политическим манипуляциям в СМИ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 87–91. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-87-91.

Cite this article as:

Kazakov A. A. Ways to Counteract Political Manipulation in Mass Media. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 87–91 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-87-91.

УДК 323

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е. В. Ефанова, Д. В. Мельниченко

Ефанова Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, efanova@volsu.ru

Мельниченко Дмитрий Вячеславович, студент, кафедра международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, melnichenko-dmi@mail.ru

В статье рассматриваются научные трактовки понятия «социальные медиа», раскрываются функции (коммуникативная, релятивистская) и тенденции их развития в современную информационную эпоху. Доказано, что социальные медиа дают возможность отстаивания интересов в публичном пространстве как рядовым гражданам, так и оппозиционным движениям. Российское сетевое сообщество активно осуществляет политический диалог посредством социальных медиа, формируя публичный дискурс и новые формы массовой коммуникации.

Ключевые слова: социальные медиа, публичная политика, информация, коммуникация, Интернет.

Social Media as the Tool of Public Policy in Modern Russia

E. V. Efanova, D. V. Melnichenko

Elena V. Efanova, ORCID 0000-0003-2019-1273, Volgograd State University, 100, Universitetskii Prosp., Volgograd, 400062, Russia, efanova@volsu.ru

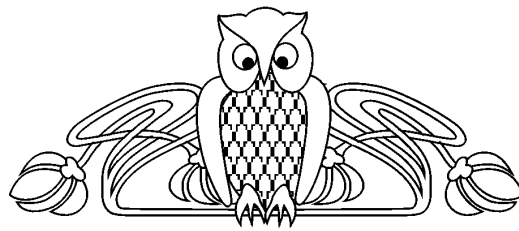
Dmitry V. Melnichenko, ORCID 0000-0003-3708-1249, Volgograd State University, 100, Universitetskii Prosp., Volgograd, 400062, Russia, melnichenko-dmi@mail.ru

In article scientific interpretations of the concept "social media" are considered, functions (communicative, relativistic) and tendencies of their development during a modern information era reveal. It is proved that social media give the chance of upholding of interests in public space to both ordinary citizens, and the opposition movements. The Russian network community actively carries out political dialogue by means of social media, forming a public discourse and new forms of mass communication.

Key words: social media, public policy, information, communication, Internet.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-92-95

Эпоха XX в. характеризуется бурным развитием средств массовой информации (СМИ), что привело к распространению массовой коммуникации в обществе. Появление радио, телевидения, а также распространение печатной прессы оказало огромное влияние на восприятие и мышление людей, тем самым меняя социальные коммуникативные практики. СМИ активно вторгались во все сферы общества, включая и сферу публичной политики.

Основными каналами коммуникации являлись телевидение и пресса, которые и в настоящее время остаются важнейшими инструментами информационного воздействия.

Однако дальнейшее развитие технологий коммуникации привело к созданию Интернета, что стало причиной создания глобального информационного пространства. Однонаправленное воздействие СМИ, характерное для массовой коммуникации, изменилось на сетевые формы коммуникации, что дало предпосылку для появления информационного общества. В результате электронные сети стали играть значительную роль в современном обществе. На базе созданных интернет-сайтов стали развиваться электронные платформы, создающие новое глобальное информационное пространство и вовлекающие в себя все больше участников. К таким интернет-сайтам, несомненно, относятся социальные медиа.

Понятие «социальные медиа» появилось совсем недавно, и в политической науке этот термин является новым, поэтому общепринятого определения данного феномена пока еще нет. Российский исследователь Н. С. Бондарев относит социальные медиа к одной из разновидностей интернет-сайтов, «обладающих определенным адресом, которые обладают функциями публикации, обмена и обсуждения контента широким кругом пользователей»¹. Следуя данной логике, к социальным медиа можно отнести следующие разновидности сайтов:

- блоги и микроблоги (Живой Журнал, Blogger, Tumblr);
- социальные сети (Facebook, Twitter, ВКонтакте);
- социальные базы данных (Wikipedia);
- видеохостинги (YouTube);
- новостные социальные сайты (Newsland, Lenta.ru).

Другой российский исследователь, М. С. Будолак, приравнивает социальные медиа к онлайн-СМИ. По ее мнению, «социальные медиа – это новый вид онлайн-СМИ, где любой пользователь сети Интернет, не обладающий навыками программирования, может участвовать в процессе создания, хранения и распространения социально значимой информации, имеющей периодический характер и адресованной широкой общественности»². При таком подходе социальные медиа представляют собой новый вид СМИ, где каждый человек может одновременно выступать и в роли аудитории, и в роли автора. Специальное программное обеспечение, которое размещено на сайте, позволяет каждо-

му пользователю примерить на себе роль журналиста и дает возможность создавать, редактировать и распространять сообщения, организуя сообщества вокруг общих интересов.

Отсюда можно выделить главную функцию социальных медиа – коммуникативную. Социальные медиа становятся новым средством коммуникации, с помощью которого пользователи могут свободно обмениваться сообщениями, создавать и распространять информацию. Развитие интернет-технологий позволяет обмениваться не только сообщениями, но и фотографиями, и видеофайлами. При этом распространение информации в социальных медиа носит структурированный характер. Для этого предусмотрен специальный функционал, называемый «лентой новостей», формирующий определенный поток информации из распространяемых другими пользователями сообщений.

Еще одной важной функцией социальных медиа является релятивистская функция. Пользователи социальных медиа нередко переносят свои реальные отношения в виртуальное пространство. В этом им помогает функционал социальных медиа, который называется «добавление в друзья»³. Такие «дружеские» отношения являются важнейшим элементом социальных медиа, на основе которого образуется коммуникативная сеть. В формировании коммуникативной сети кроется весь информационный потенциал социальных медиа. С помощью коммуникативной сети происходит быстрое распространение сообщений от одного пользователя к другому, и при наличии необходимых условий эти сообщения могут охватить обширную аудиторию.

Американский исследователь Б. Солис акцентирует внимание на технологических особенностях социальных медиа: «...социальные медиа в самом общем виде – это способ, при помощи которого люди обнаруживают, читают, и комментируют новости, информацию и содержание. Это слияние социальной составляющей и высоких технологий, трансформирующей монолог (от одного ко многим) в диалог (многие ко многим)»⁴. Таким образом, обмен информацией в социальных медиа представляет собой новый вид коммуникации. Социальные медиа позволяют устанавливать различные взаимосвязи между пользователями и сообществами, тем самым многообразие этих связей создает сеть. Внутри этой сети пользователи создают и обмениваются сообщениями, распространяя их между «друзей» по всей сети. В зависимости от масштаба распространения информации это сообщение может достичь большей части пользователей сети.

Такую новую форму коммуникации М. Кастельс называет массовой самокоммуникацией. В ее рамках любая информация может потенциально достичь глобальной аудитории благодаря массовой рассылке сообщений и распространению этих сообщений по сети от одного пользователя к другому. При этом создание и отправка сообщения осуществляется самим пользователем⁵. По мнению М. Ка-

стельса, сеть представляет собой множество взаимосвязанных узлов. Такие сети характеризуются децентрализованностью, открытостью, преобладанием в них горизонтальных связей и автономностью узлов. Несистемный характер сети позволяет узлам покидать ее и возвращаться без нарушения ее структуры. Будучи незамкнутой, сеть может постоянно включать в себя все новые и новые узлы, тем самым расширяясь до бесконечности.

Накапливая все больше информации и эффективно используя ее, узлы способны изменить структуру сети. Власть узлов в сети зависит от их способности к трансформации и распределения информации и проявляется в возможности влиять на деятельность других узлов. В таком случае власть в сети возникает тогда, когда отдельные узлы перестают выполнять роль передатчиков сообщений, а становятся трансформаторами, т. е. приобретают способность менять свойства сообщения, управлять потоками и создавать новые. Для этого узлы должны вовлекать новых членов, обладать уникальной информацией и конструировать новые потоки.

Развитие информационных технологий привело к тому, что социальные медиа стали проникать во все сферы общественной жизни, что привело к изменению коммуникационных практик и распространению сетевого взаимодействия. Социальные медиа открывают новые возможности для гражданского участия в политике. Однако расширение власти электронных сетей сопровождается попытками государства организовать контроль за распространением сетевой информации. Обеспечение контроля за социальными медиа является необходимым процессом для поддержания национальной безопасности, так как они не только благоприятствуют развитию гражданского общества, но и способствуют росту террористических и экстремистских движений. В современном информационном обществе распространение революционных идей, разрушающих основы государства, происходит с помощью социальных медиа. Ярким примером могут являться так называемые «твиттер-революции» (акции протеста в Иране 2009 г., революция в Тунисе 2010–2011 гг., революция в Египте 2011 г., Евромайдан 2014 г.), где координация проводимых мероприятий осуществлялась с помощью популярных социальных сетей. Все это еще раз доказывает возросшую роль социальных медиа в современной политике.

Тем не менее, нельзя не отметить тот факт, что социальные медиа способствуют значительному расширению публичного пространства политики. Понятие «публичная сфера» было введено Ю. Хабермасом и означает возможность для каждого гражданина принимать участие в общественно-политическом дискурсе. Для этого необходимо наличие двух условий: независимых СМИ и оппозиции⁶. Американский социолог Д. Белл утверждает, что развитие публичного пространства политики напрямую зависит от перехода к информацион-

ному обществу⁷. По мнению Т. А. Алексеевой, политическая сфера становится публичной, когда граждане интересуются политикой, контролируют деятельность государства⁸. Тем самым главной задачей публичной политики становится вовлечение граждан в политический процесс и расширение влияния социальной среды на политику. Социальные медиа способствуют налаживанию коммуникаций между гражданами, открывают доступ к публичному пространству многим политическим субъектам, обеспечивают условия для участия граждан в политическом процессе и реализуют общественный интерес, поэтому можно утверждать, что в современном мире социальные медиа становятся важным условием функционирования публичной политики. Публичная политика в сети включает в себя применение технологий Глобальной сети, расширяющих информационное пространство публичной сферы с помощью воздействия социума на создание и распространение контента сети⁹.

Анализируя роль и место социальных медиа в публичной политике, можно утверждать, что социальные медиа становятся инструментом реализации публичной политики. Многие общественные организации и движения используют социальные сети для распространения своих идей и продвижения проводимых мероприятий. Открытость и децентрализованность социальных медиа, а также автономность узлов позволяют различным гражданским движениям активно взаимодействовать с населением, привлекать их к участию в своих политических акциях. Крупные общественные движения или общественные деятели создают официальные страницы и сообщества, тем самым они становятся частью сети и могут использовать преимущества сетевой коммуникации в своих интересах. Официальная страница (или официальная группа) становится тем местом, где граждане, разделяющие и одобряющие цели общественного движения, могут общаться друг с другом, обсуждать общественные проблемы, организовывать различные мероприятия. Привлечение новых подписчиков создает сетевое сообщество, в рамках которого члены сообщества разделяют общие ценности и готовы проявлять гражданскую активность. Лидеры общественных движений активно взаимодействуют с сообществом, создавая уникальный контент и распространяя его среди пользователей. Сетевой характер коммуникации не только позволяет вовлекать пользователей в деятельность движения, но и способствует обширному распространению информации в сетевом сообществе, а также активизации слабых связей пользователей, тем самым открывает возможности для привлечения подписчиков к политическому участию.

Широкие возможности социальных медиа позволяют различным общественным структурам использовать их в качестве инструмента защиты и продвижения своих интересов. Образующие сетевые сообщества в социальных медиа становятся

формой публичной политики. В рамках этих сообществ происходит обмен информацией между пользователями сети и формирование общественного мнения. Тем самым эти сетевые сообщества представляют собой особое пространство, где создаются возможности организации политического диалога и формируются политически активные группы. Таким образом, социальные медиа выступают в роли инструмента, с помощью которого различные общественно-политические движения распространяют свои идеи и активизируют гражданское участие.

На сегодняшний день в России социальные медиа дают возможность построить эффективную коммуникацию групп населения, разделяющих общие ценности. Распространение информационных технологий и изменение в социально-демографической структуре российского общества привели к перемене публичных коммуникативных практик в политическом пространстве. Социальные медиа становятся альтернативным каналом коммуникации, где недовольные политическим курсом граждане могут выразить свой протест. Многие политические события и решения активно обсуждаются пользователями в Интернете.

По данным ФОМ, начиная с 2003 по 2017 г. количество россиян, пользующихся Интернетом хотя бы раз в месяц, возросло с 8 до 70%¹⁰. Около трети россиян ежедневно пользуются социальными сетями для получения информации и общения. К популярным социальным сетям в России относятся «Одноклассники» и «ВКонтакте». Рост интереса россиян к социальным медиа объясняется не только изменением демографического состава населения, но и падением доверия к традиционным СМИ. Так, например, в период с 2015 по 2017 г. доверие к информации на телевидении упало с 63 до 47%, в печатной прессе – с 9 до 7% и на радио – с 8 до 7%¹¹. Российский исследователь Н. Б. Кириллова связывает потерю доверия к традиционным СМИ с их зависимостью от государства, что делает из них мощный инструмент управления общественным мнением¹².

В условиях обособленности российской политики от населения социальные медиа становятся инструментом мобилизации сетевых сообществ и организации протестных акций. Это приводит к тому, что социальные медиа становятся местом реализации неофициальной публичной политики, нередко противопоставляющей себя государственному политическому курсу. Различные российские общественные движения и политические активности используют социальные медиа в качестве инструмента привлечения новых сторонников и распространения своих идей. В offline-среде это проявляется в организации различных мероприятий, включающих массовые формы участия, которые координируются также при помощи социальных медиа. Примером этого являются массовые акции протестов после парламентских выборов 2011 г. и президентских выборов 2012 г.

Протестное движение 2011–2013 гг. показало, что в современной России социальные медиа становятся эффективным инструментом вовлечения пользователей в политический процесс и способом координации гражданских движений. Необходимо отметить, что главной целью коммуникаций внутри сетевых сообществ является привлечение граждан к участию в политических митингах. Информация о таких мероприятиях мгновенно распространяется внутри сети, активизируя связи между пользователями, что приводит к массовому характеру проводимых акций. Ярким примером этого являются массовые акции протеста против коррупции в марте 2017 г. Поводом для протеста стал фильм-расследование Фонда борьбы с коррупцией, созданный гражданским активистом А. Навальным, повествующий о предполагаемых коррупционных связях в высшем эшелоне российской власти. Данный фильм был размещен на официальном канале А. Навального в популярном видеохостинге YouTube и на настоящее время набрал 25 миллионов просмотров. Информация об этом фильме быстро разошлась по всем социальным медиа и вызвала большой ажиотаж внутри российского сегмента Интернета. Большую роль в этом сыграли крупные сообщества, публикующие на своих страницах материалы по этому фильму. Отсутствие реакции на этот фильм со стороны государства стало причиной массовых митингов со стороны оппозиции во многих городах России. При этом организация этих мероприятий, привлечение участников и координация действий проводились тоже при помощи социальных медиа. Также необходимо отметить, что крупные сообщества в социальной сети «ВКонтакте» публиковали фотографии и видео с мест проведения митингов и комментарии участников.

На настоящий момент в социальных сетях действует множество оппозиционных движений и активистов. Помимо уже упомянутого А. Навального, на официальной странице которого в сети «ВКонтакте» подписано 330 тысяч человек, стоит выделить официальную группу движения «Солидарность» лидера И. Яшина (5027 подписчиков), «Новая Оппозиция» (3118 подписчиков) и движение «Мы Вместе» (2130 подписчиков). Вокруг этих групп формируются сетевые сообщества, разделяющие ценности движения и готовые к отстаиванию своей гражданской позиции. Оппозиционные движения активно работают со своими подписчиками, публикуя агитационный материал, создавая дискуссии, организовывая встречи и мероприятия.

Таким образом, приведенные примеры дают основание утверждать, что в современной России в пространстве социальных медиа развивается неофициальная публичная политика, а сами социальные медиа становятся инструментом, с помощью которого оппозиционные силы распространяют свои идеи, ищут новых сторонников и организуют различные мероприятия. Опыт российских протестных движений демонстрирует их возросшую сетевую активность в условиях информатизации российского общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области (проект № 17-13-34039).

Примечания

- 1 Бондарев Н. С. Социальные медиа в современных политических процессах : технологии и ресурсы влияния : дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. С. 62.
- 2 Будолак М. С. Понятие «социальные медиа» // Петербургская школа PR : от теории к практике. 2009. Вып. 7. С. 18.
- 3 Штайншаден Я. Социальная сеть. Феномен Facebook / пер. с нем. Н. Фрейман. СПб. : Питер, 2011. С. 13.
- 4 Solis B., Breakenridge D. Putting the Public Back in Public Relations : How Social Media Is Reinventing the Aging Business of PR. Upper Saddle River : Pearson Education Inc., 2009. P. 59.
- 5 См.: Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных. М. : ИД ВШЭ, 2016. С. 74.
- 6 См.: Habermas J. The structural transformation of the public sphere : an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge : Polity, 1989. P. 143.
- 7 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Academia, 2004. С. 202.
- 8 См.: Алексеева Т. А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? // Философские науки. 2005. № 3. С. 28.
- 9 См.: Павлютенкова М. Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2015. № 3. С. 74.
- 10 См.: Интернет в России : динамика проникновения. Лето 2017 год. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13783> (дата обращения: 21.11.2017).
- 11 См.: Об объективности СМИ и тематических предпочтениях граждан. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13618> (дата обращения: 22.11.2017).
- 12 См.: Кириллова Н. Б. Медиа среда российской модернизации. М. : Академический Проект, 2005. С. 112.

Образец для цитирования:

Ефанова Е. В., Мельниченко Д. В. Социальные медиа как инструмент публичной политики в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 92–95. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-92-95.

Cite this article as:

Efanova E. V., Melnichenko D. V. Social Media as the Tool of Public Policy in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 92–95 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-92-95.

УДК 94(47)+929Деникин

А. И. ДЕНИКИН: «РАБОТАТЬ В ИНТЕРЕСАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ...»

В. А. Митрохин

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, MitrokhinVA@yandex.ru

В статье анализируется общественная и политическая позиция одного из лидеров «белого» движения, бывшего командующего ВСЮР (Вооружённые Силы Юга России) генерала Антона Ивановича Деникина. Рассматриваются различные стороны политического процесса (общеевропейского и внутриэмигрантского), сопряженное с ним идейное и военное противоборство, которое отслеживал, анализировал и во многом предсказывал А. И. Деникин.

Ключевые слова: власть, эмиграция, «белое» движение, интеллигенция, война.

A. I. Denikin: "To Work for the Benefit of National Russia ..."

V. A. Mitrokhin

Vladimir A. Mitrokhin, ORCID 0000-0003-3067-0498, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, MitrokhinVA@yandex.ru

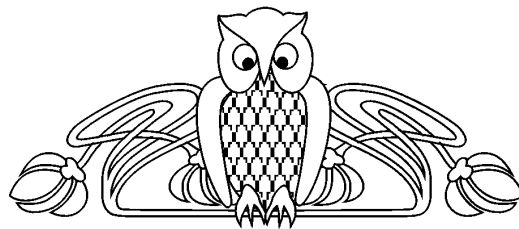
In article the public and political position of one of leaders of the "white" movement, the former AFSR (*The Armed Forces of South Russia*) commander General Anton Ivanovich Denikin is analyzed. Various parts of political process are considered (all-European and intra emigrant), the ideological and military confrontation related to it (which was monitored by A. I. Denikin) are analyzed.

Key words: power, emigration, "white" movement, intellectuals, war.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-96-98

«Вся совокупность международных отношений, национальные антагонизмы, разжигаемая ненависть при бессилии Лиги Наций ... прямым путём ведут к вооружённому столкновению...»¹. Так, задолго до начала Второй мировой войны, в 1934 г., русский генерал Антон Иванович Деникин предсказал события, которым суждено было сбыться через несколько лет.

Точный военно-политический прогноз, включая детали драматического сценария², конечно, не был простой догадкой проницательно-го человека. За ним стояли годы ратного труда на фронтах русско-японской и Первой мировой войны, суровые реалии братоубийственной Гражданской войны, богатый опыт общения с представителями стран-союзников. Свою лепту в понимание динамики международной жизни, осмысление глубинной сути европейских противоречий, конечно, внесли и годы эмигрантского лихолетья.

Перебравшись в 1920 г. через Константинополь в Великобританию, бывший командующий ВСЮР (Вооружённые Силы Юга России), сразу столкнулся с «политикой интересов» британской монархии, сориентированной на заключение мира с Советской Россией. Неожиданный «кульбит» бывших союзников генерал воспринял как акт предательства и в качестве протеста переехал в Бельгию³. Похоже, именно в Брюсселе появилась возможность оценить произошедшее, во многом переосмыслить сложившиеся за годы взгляды и представления, разобраться в реалиях эмигрантского бытия.

В фондах Государственного архива РФ сохранились уникальные материалы, связанные с пребыванием А. И. Деникина в Европе в это время. В частности, сохранился черновик его статьи «Искание Родины», в которой автор рассуждает о тяготах жизни на чужбине (не столько своих, сколько бывших подчинённых): «Условия, в которые поставлены остатки бывших белых армий безмерно тяжелы. С каждым днём расстраиваются их ряды и пустеет душа патриотического движения, овеянного когда-то подвигом и страданием...»⁴. Здесь же автор определяет свою недвусмысленную позицию в отношении «сотрудничества русских людей с иностранной агентурой»: «Работа в этом направлении может быть либо результатом беспринципности, либо непонимания...»⁵

А. И. Деникин отказывается от идеи вооружённой борьбы с Советами и приступает к литературному творчеству. Именно в период «брюссельского затворничества» началась его работа над фундаментальным трудом «Очерки русской смуты», в котором представлен авторский взгляд на события в российской истории последних лет.

Нельзя сказать, что генерал совсем перестал интересоваться событиями русской жизни за рубежом. Судя по материалам архивного фонда, Антон Иванович внимательно отслеживал общественную жизнь диаспоры. Его интересовали деятельность Русского национального комитета (А. В. Карташов), украинских националистов, состояние и действия русского воинства за рубежом и его руководителей (П. Н. Врангель, А. А. Лампе). Он поддерживал достаточно активную переписку с известными деятелями эмиграции. Однако, судя по всему, прав был генерал Е. К. Миллер (один из руководителей РОВС), утверждавший, что «Деникин никогда не был политиком»⁶.

Отчасти объяснение этому даёт переписка А. И. Деникина с известным деятелем эмиграции

В. Л. Бурцевым. В ней он выражает разочарование в связи с эмигрантским «политиканством» и сомнение в способности русской интеллигенции найти способ решения главной задачи – «возвращения домой». В частности, в письме от 11 декабря 1925 г. А. И. Деникин пишет следующее: «Относительно разлада среди русской зарубежной интеллигенции – так было и так, вероятно, будет впредь ... я наблюдал много попыток к объединению на почве “реальной национальной политики”. Все они кончались ничем»⁷.

Тем не менее, имя бывшего командующего ВСЮР не сходило со страниц эмигрантской прессы (как правило, в отрицательной коннотации), особенно если он заявлял о своих взглядах в публичном пространстве. В 1928 г. на страницах издания «Борьба за Россию» появилась «переписка» Деникина с мифическим офицером Красной Армии. Полемика велась по близкой Антону Ивановичу теме – судьбе армии и её будущем. Не скрывая своих ортодоксально антисоветских позиций, А. И. Деникин заявлял о неизбежности превращения Красной Армии в русскую в условиях нарастающего международного соперничества.

Публикация нашла живой отклик в среде русской эмиграции. Так, либеральные «Последние новости» отозвались статьёй «Деникин и Красная армия» с подробным изложением позиций сторон. Автор пришёл к выводу что «Деникин сдвинулся с мертвой точки, но продолжает выдвигать условия»⁸.

Не осталась без внимания публикация «переписки» и в офицерской среде. Генерал А. А. фон Лампе, анализируя эмигрантскую жизнь в своём дневнике, не допускал самой возможности сотрудничества с еженедельником «Борьба за Россию», «...где Деникин ... которому больше по пути с П. Я. Рысс (один из основателей и редакторов издания. – В. М.), нежели со мной...»⁹. При этом, позиция самого А. И. Деникина определялась как «слякотная» и «соглашательская»¹⁰.

Несколько иные стороны натуры А. И. Деникина отмечал генерал А. А. Брусилов. В своих воспоминаниях он характеризовал его в том числе как человека «твёрдого, весьма прямолинейного и часто непреклонного в своих решениях...»¹¹. Эта характеристика полностью согласуется с линией поведения, которой стал придерживаться генерал в 30-е гг. XX в. Богатый жизненный опыт и отменные профессиональные качества позволили ему раньше других осознать масштабы и характер приближающейся мировой войны.

Через год после прихода Гитлера к власти в городе Париже увидела свет брошюра «Международное положение, Россия и эмиграция», в которой А. И. Деникин изложил своё видение ситуации, сложившейся в мире, сделал прогноз на будущее¹².

С его точки зрения, вся совокупность мировых событий, расклад сил в политической,

дипломатической и военной областях неминуемо ведут к масштабному военному столкновению. Причем, подчёркивает автор, вступившие на путь разрушения версальских соглашений и движимые реваншизмом немцы «могут начать войну внезапно, без объявления»¹³.

В условиях «чрезвычайно сложной обстановки сегодняшнего и, в особенности, завтрашнего дня» с особой остротой встал вопрос позиции российской диаспоры, разбросанной по конфликтующим странам. А. И. Деникин отвечает на него по-военному категорично и без обиняков: «...ко всем явлениям мы должны подходить не с отвлечёнными доктринами, не с предвзятостью всяких “фильств” и “фобств”, не с личными симпатиями к чуждым вождям и режимам, к демократии или тирании, а с единственным мерилom – реальных и справедливых интересов России и русского народа...». Этим мерилom, по мнению автора «должно определять и те водоразделы, которые отделяют друзей от врагов»¹⁴.

Исходя из этого подхода, генерал определяет свою бескомпромиссную позицию в отношении «восточной программы» Адольфа Гитлера. Охарактеризовав основные положения, автор приходит к выводу, что главная её цель – захват земли за счёт России. «Что же станет с людьми?» – задаёт вопрос А. И. Деникин и сам отвечает на него: «Будет жестоко и просто, нужно читать и понимать прочитанное <...> “Восточная программа” может осуществляться только злейшим врагом русского народа...»¹⁵

Есть в работе бывшего командующего и своеобразный призыв к руководителям конфликтующих государств: «...за право на убежище, право на труд мы обязаны лояльностью странам, нас приютившим. Но и только. Никто не в праве толкать рассеянных по враждующим странам на возможное братоубийство... Кровь и жизнь наша нужны для освобождения и строительства России...»¹⁶. Особое внимание при этом обращено на недопустимость вступления бывших подданных Российской империи в армию Гитлера. А. И. Деникин призывает вести энергичную пропагандистскую работу «для удержания метущихся и сбитых с толку людей в русле государственных интересов национальной России»¹⁷.

Основным недугом эмигрантской жизни, препятствовавшим объединению здоровых сил накануне войны, генерал по-прежнему считал «политиканство». В своей речи по случаю 20-летия «белого» движения он подверг разгромной критике деятельность партийных группировок и их вождей, которые за многие годы так и не смогли выработать программу совместных действий. Сказано было буквально следующее: «Разброд эмиграции – идейный, тактический, межпартийный, внутривнутрипартийный, разброд в понимании национальных задач, наша внутренняя борьба и самоубийство грозят сделать из нас бессильных

и бездеятельных свидетелей назревающих грозных и решающих событий...»¹⁸

Кроме этого, А. И. Деникин очертил круг задач, на решение которых должно было направить свои силы и энергию эмигрантское сообщество. Среди них, по его убеждению, решающее значение имели уничтожение большевизма и восстановление русской государственности. Будучи последовательным противником советского строя, генерал, тем не менее, считал невозможной поддержку и фашистской Германии. Позже, уже в годы Второй мировой войны, это найдёт воплощение в его лозунге «Защита России и свержение большевизма».

В концентрированном виде свои взгляды Антон Иванович представил в лекции «Мировые события и русский вопрос», которую прочитал в Париже. В виде книги она была опубликована в 1939 г.¹⁹

Год 20-летия «белого» движения, увы, стал годом начала воплощения в практику предсказанного сценария. В марте 1938 г. Германия осуществила аншлюс Австрии, а в сентябре того же года случилось санкционированное европейскими политиками расчленение Чехословакии. Через несколько месяцев суверенное государство прекратило своё существование.

Начавшийся новый передел мира русский генерал Деникин воспринял как личную боль, однако, как и прежде, его в первую очередь заботила судьба страны, которую однажды пришлось покинуть в качестве побеждённого. Он по-прежнему верил в возможность возвращения в Россию – «не управлять и командовать пойдём мы туда, а служить...».

И всё-таки однажды Антон Иванович Деникин вернулся на Родину, за которую воевал и которую безотчётно любил. 3 октября 2005 г. его прах, а также прах его супруги Ксении Васильевны был перевезён в Москву для захоронения в Донском монастыре. Перезахоронение было осуществлено в соответствии с поручениями Президента России и Правительства Российской Федерации.

Примечания

¹ Деникин А. И. Международное положение, Россия и эмиграция. Париж, 1934. С. 4.

² А. И. Деникин на протяжении 1930-х гг. неоднократно предупреждал о грозящих Польше неминуемых драматических последствиях политики, проводимой польскими властями. В частности, такой прогноз (позже оправдавшийся) был сделан в брошюре «Кто спас советскую власть от гибели», изданной в 1937 г. в Париже.

³ Деникин не был единственным, кто пережил разочарование в связи с изменениями европейской политики. Неприятие «просоветского» курса западной элиты ясно просматривается в ряде документов, принятых разнообразными сообществами и объединениями российских эмигрантов на протяжении 1921–1922 гг.: Резолюция «Частного совещания членов Всероссийского учредительного собрания» (ГАРФ. Ф. 5804. Оп. 1. Д. 2. Л. 11), Меморандум Русского национального комитета (Там же. Оп. 2. Д. 169. Л. 8), Резолюция российской финансово-торгово-промышленной конференции (Там же. Л. 15), Постановление чрезвычайного общего собрания русских инженеров (Там же. Л. 20) и т. д. В одной из резолюций Исполнительной комиссии членов Учредительного собрания заявлено о необходимости «поднять голос» против «возможных попыток путём соглашений использовать большевиков в качестве туземных исполнителей волеизъявления иностранного капитала», «нельзя допустить превращения большевистской власти в законного представителя воли народов России» (Там же. Л. 19).

⁴ ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 261. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

⁷ Там же. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 230. Л. 11.

⁸ Последние новости. 1928. № 2563 от 29 марта.

⁹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 31. Л. 91.

¹⁰ Там же. Д. 34. Л. 23

¹¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. Рига : Мир, 1930. С. 254.

¹² Экземпляр этого редкого издания хранится в Российской государственной библиотеке.

¹³ Деникин А. И. Международное положение, Россия и эмиграция. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 9, 10.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Последние новости. 1938. № 6182 от 27 февр.

¹⁹ См.: Деникин А. И. Мировые события и русский вопрос. Париж : Издание Союза добровольцев, 1939. С. 64.

Образец для цитирования:

Митрохин В. А. А. И. Деникин: «Работать в интересах национальной России...» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 96–98. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-96-98.

Cite this article as:

Mitrokhin V. A. A. I. Denikin: "To Work for the Benefit of National Russia ...". *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 96–98 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-96-98.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 327(478)

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: МОЛДОВА НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПЕРЕПУТЬЕ

А. Л. Тютюнников

Тютюнников Артем Леонидович, аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mcboy88@mail.ru

Автор статьи исследует ключевые направления внешней политики Республики Молдова в период с января по август 2017 года. Анализируются инициативы президента Игоря Додона по сближению со странами ЕАЭС и их последствия для Молдовы.

Ключевые слова: европейская интеграция, Европейский союз, евразийская интеграция, ЕАЭС, Молдова, Российская Федерация.

Between East and West: Moldova on the Geopolitical Crossroads

A. L. Tiutiunnikov

Artem L. Tiutiunnikov, ORCID 0000-0001-5301-2484, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, mcboy88@mail.ru

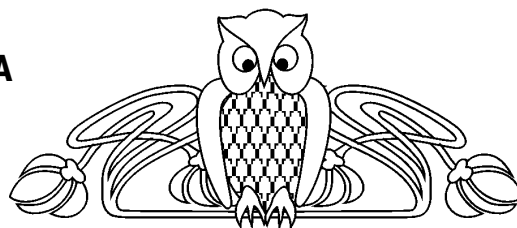
The author investigates the major directions of Moldova's foreign policy during the period from January to August, 2017. He analyzes the initiatives of the President Igor Dodon of rapprochement with the countries of EEU and their consequences for Moldova are analyzed.

Key words: European integration, European Union, Eurasian integration, Eurasian Economic Union, Moldova, Russian Federation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-99-101

Нынешняя внутривосточная обстановка в Республике Молдова характеризуется достаточно жестким противостоянием между главой государства и парламентом, вызванным отсутствием консенсуса по вопросу внешнеполитической ориентации РМ. Попытки новоизбранного президента Молдовы Игоря Додона форсировать сотрудничество с Россией и странами ЕАЭС встречают серьезное сопротивление проевропейского парламентского большинства. Тем не менее, впервые за последние 8 лет предпринимаются шаги на пути к нормализации молдавско-российских отношений. В публикации анализируются ключевые аспекты внешней политики Молдовы в первом полугодии 2017 г.

Победа на президентских выборах осенью 2016 г. кандидата от левой оппозиции, выступающей за восточный вектор развития Молдовы, свидетельствует о серьезном кризисе действующей системы власти. При этом говорить о крахе

идеи европейского выбора пока рано. Курс на сближение с ЕС по-прежнему поддерживает значительная часть населения. Не менее популярен и евразийский вектор развития¹. Однако полномочия действующего президента в нынешних условиях сильно ограничены, а главные выразители евразийской идеи в Молдове – социалисты – не обладают большинством в парламенте и, как следствие, лишены возможности серьезным образом влиять на процесс принятия политических решений. Тем не менее, сторонники восточной ориентации предпринимают энергичные шаги в направлении налаживания отношений с Российской Федерацией. Остановимся на них подробнее.

В период с января по май 2017 г. Игорь Додон и Владимир Путин встречались трижды. Примечательно, что свой первый рабочий визит новоизбранный молдавский президент совершил именно в Россию, пообещав денонсировать Соглашение об ассоциации и свободной торговле с ЕС². Результатом переговоров стало подписание на апрельском Международном экономическом форуме, проходившем в Кишиневе, Меморандума о сотрудничестве Молдовы и ЕАЭС³. Спустя время Высший Евразийский экономический совет поддержал предоставление РМ статуса наблюдателя в ЕАЭС, о чем в свое время просил Додон. Еще одним шагом на пути к евразийской интеграции Молдовы стало создание совместной рабочей группы по взаимодействию между ЕЭК и РМ⁴, первое заседание которой прошло в июне в Кишиневе. Принимая во внимание изложенное выше, можно говорить о решительной готовности Президента РМ к переориентации страны на Восток. Вместе с тем любой международный договор, заключаемый Молдовой, в обязательном порядке должен быть ратифицирован парламентом. По этой причине реализованные президентом инициативы носят скорее символический характер.

На фоне пророссийской политики Игоря Додона правящая власть, продолжающая декларировать курс на евроинтеграцию, всячески стремится усилить конфронтацию с Москвой. Перечислим ряд мер, принятых с этой целью:

1) официальный отказ Молдовы участвовать в Парламентской ассамблее СНГ, проходившей в Санкт-Петербурге в марте 2017 г., в связи с задержанием молдавских чиновников при въезде на территорию России⁵. Заседание ассамблеи тогда посетила лишь делегация от фракции ПСРМ;

2) объявление пяти дипломатов Посольства РФ в Молдове персонами нон грата (29 мая)⁶;

3) внесение в парламент законопроекта о защите информационного пространства, предусматривающего ограничение трансляции российских информационно-аналитических телепрограмм (13 июня)⁷;

4) принятие парламентом Декларации о выводе российских войск с территории Приднестровья (21 июля)⁸;

5) объявление Правительством РМ российского вице-премьера Дмитрия Рогозина персоной нон грата (2 августа)⁹.

Таким образом, решения парламента и кабинета министров Республики Молдова становятся серьезным препятствием на пути углубления российско-молдавского партнерства.

Раскол в верхних эшелонах власти приводит к разделению общества на два лагеря: сторонников евроинтеграции и объединения с Румынией, с одной стороны, и приверженцев сотрудничества с Россией и странами ЕАЭС – с другой. В пользу этого свидетельствуют результаты проводимых в республике социологических опросов¹⁰. Автор публикации инициировал собственное исследование этого вопроса. С 22 июля по 1 августа 2017 г. проводилось онлайн-анкетирование жителей Молдовы (за исключением Приднестровья). В опросе приняли участие 1064 человека в возрасте от 14 до 70 лет. Респондентам было предложено ответить на следующие вопросы:

1. Одобряете ли Вы курс на интеграцию в ЕС?

2. Необходимо ли Молдове присоединиться к Евразийскому экономическому союзу?

Опрос дал следующие результаты. Курс на евроинтеграцию одобряют 56,86% опрошенных. Из них 17,58% одновременно выступают за сотрудничество с государствами ЕАЭС. За вступление РМ в Евразийский экономический союз выступает 15,98%. Еще 35,81% респондентов считают, что с ЕАЭС стоит сотрудничать, но интегрироваться в него необязательно.

Интересно, что 42,01% опрошенных верят в то, что рано или поздно Молдова все-таки станет членом Евросоюза. При этом 31,11% сомневаются в этом. Еще 26,88% затрудняются ответить.

В контексте исследуемой проблемы важно также проанализировать политические предпочтения участников опроса (табл. 1, 2).

Наибольшей популярностью у респондентов пользуется проевропейская непарламентская партия «Действие и солидарность» (26,22%). Следом за ней идет Партия социалистов (23,03%), выступающая за восточный вектор развития Молдовы. Замыкает тройку лидеров проевропейская партия «Достоинство и правда» (14%). Примечательно, что в верхней части рейтинга располагаются оппозиционные политформирования, что в очередной раз свидетельствует о глубоком кризисе действующей власти.

Таблица 1

Рейтинг политических партий Молдовы

Партия	Респонденты	Доля, %
«Действие и солидарность»	279	26,22
Партия социалистов	245	23,03
«Достоинство и правда»	149	14,0
Наша партия	69	6,48
Демократическая партия	36	3,38
Либеральная партия	35	3,29
Европейская народная партия	35	3,29
Партия коммунистов	32	3,01
Либерал-демократическая партия	28	2,63
Партия национального единства	21	1,97

Таблица 2

Рейтинг молдавских политиков

Политик	Респонденты	Доля, %
Майя Санду (партия «Действие и солидарность»)	370	34,77
Игорь Додон (Партия социалистов)	281	26,41
Ренато Усатый (Наша партия)	97	9,12
Андрей Нэстасе (партия «Достоинство и правда»)	71	6,67
Дорин Киртоакэ (Либеральная партия)	31	2,91
Владимир Воронин (Партия коммунистов)	24	2,26
Анна Гуцу (Партия национального единства)	17	1,6
Юрие Лянкэ (Европейская народная партия)	15	1,41
Мариан Лупу (Демократическая партия)	11	1,03
Анатолий Шалару (Партия национального единства)	8	0,75

В рейтинге молдавских политиков лидирует Майя Санду, председатель партии «Действие и солидарность». Ей симпатизируют около 35% опрошенных. На втором месте – действующий президент Игорь Додон, за него выступают более 26% респондентов. Третье место занимает Ренато Усатый (9,12%), руководитель Нашей партии и мэр второго по значимости города Бельцы, снискавший славу борца с коррупционным режимом. Таким образом, наибольшим доверием среди участников исследования пользуются оппозиционные лидеры.

Отдельного внимания заслуживает позиция респондентов относительно внешнеполитической деятельности молдавского президента: 36,18% опрошенных поддерживают политику Игоря Додона, 62,22% не одобряют ее. Чем можно объяснить такой результат? Дело в том, что часть респондентов, поддерживающих сотруд-

ничество с Евразийским экономическим союзом, выступают и за евроинтеграцию. Поэтому неоднократные обещания президента денонсировать Соглашение об ассоциации с ЕС играют явно не в его пользу. Согласно результатам опроса, вследствие этого Игорь Додон теряет 12,88%. Если глава государства не изменит риторику, ПСРМ может частично лишиться поддержки данного сегмента электората на предстоящих парламентских выборах в 2018 г.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать ряд выводов. Впервые за восемь лет в Кишиневе на высшем уровне предпринимаются решительные шаги на восточном направлении внешней политики Молдовы. Действующий президент стремится сблизиться с Россией и странами ЕАЭС. Но обладая представительскими функциями, не имеет возможности изменить вектор развития РМ. Помимо прочего, этому противятся правительство и парламентское большинство. Важно принять во внимание и то, что в молдавском обществе по-прежнему сильны проевропейские настроения. Следовательно, резкие выпады президента в адрес ЕС неуместны и в некотором роде опасны. Вместе с тем нельзя не отметить, что в Молдове ощутимой поддержкой пользуется и евразийский вектор. Благодаря этому электорату Игорь Додон занял президентское кресло и потому не может не выполнять данных избирателям предвыборных обещаний. В 2018 г. пройдут парламентские выборы, которые могут изменить ситуацию в Молдове в случае, если в главном законодательном органе страны социалисты сумеют сформировать большинство.

Примечания

¹ См.: Опрос : поддержка населением Молдовы идеи вступления в ЕАЭС растет. URL: <https://ru.sputnik.md/society/20170524/12810891/opros-podderzhka-naseleniem-moldovy-idei-vstupleniya-eaes-rastet.html> (дата обращения: 11.08.2017).

² См.: Игорь Додон хочет отмены Соглашения об ассоциации с ЕС. URL: http://ru.publika.md/igor-dodon-khochet-otmeny-soglasheniya-ob-associacii-s-evrosoyuzom_2013341.html (дата обращения: 11.08.2017).

³ См.: Тигран Саркисян : «Мы должны идти навстречу друг другу, и каждый наш шаг должен быть выверенным и приносить пользу гражданам наших стран». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/3-04-2017-3.aspx> (дата обращения: 11.08.2017).

⁴ См.: ЕАЭС и Молдова делают очередной шаг навстречу друг другу. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/8-6-2017-1.aspx> (дата обращения: 11.08.2017).

⁵ См.: Делегация Молдовы отказалась ехать на заседание МПА СНГ в Петербург. URL: <https://mir24.tv/news/15873376/delegaciya-moldovy-otkazalas-ehat-na-zasedanie-mpa-sng-v-peterburg> (дата обращения: 11.08.2017).

⁶ См.: Об ответных мерах российской стороны в отношении Республики Молдова. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2772287 (дата обращения: 11.08.2017).

⁷ См.: Демократическая партия зарегистрировала законопроект о защите информационного пространства. URL: <http://www.parlament.md/Actualitate/Comunicatedepresa/tabid/90/ContentId/3147/Page/14/language/ro-RO/Default.aspx> (дата обращения: 11.08.2017).

⁸ См.: Декларация Парламента Республики Молдова о выводе российских вооруженных сил с территории страны. URL: <http://www.parlament.md/Actualitate/Comunicatedepresa/tabid/90/ContentId/3269/Page/2/language/ro-RO/Default.aspx> (дата обращения: 11.08.2017).

⁹ См.: Дмитрий Rogozin объявлен в Молдове персоной нон грата. URL: <https://www.europlibera.org/a/non-grata-dmitry-rogozin-russia-moldova-romania-europe-diplomacy-sanctions/28654952.html> (дата обращения: 11.08.2017).

¹⁰ См.: Опрос : поддержка населением Молдовы идеи вступления в ЕАЭС растет.

Образец для цитирования:

Тютюнников А. Л. Между Востоком и Западом: Молдова на геополитическом перепутье // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 99–101. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-99-101.

Cite this article as:

Tiutiunnikov A. L. Between East and West: Moldova on the Geopolitical Crossroads. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 99–101 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-99-101.

УДК 328.18

ИССЛЕДОВАНИЕ GR: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

А. Р. Закиров

Закиров Айдар Робертович, ассистент кафедры политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, azr12353@gmail.com

Статья посвящена проблеме определения политологических подходов к изучению отношений власти и бизнеса. В современной политической науке активно развивается новое направление, изучающее взаимоотношения бизнес-структур с органами государственной власти, – Government Relations. Поэтому важно установить теоретико-методологические границы изучения данного явления. Автором подробно рассматриваются теории и подходы, с помощью которых возможно исследование причин взаимодействия бизнеса с властью, основных моделей осуществления данного взаимодействия, а также выявление методов реализации GR-стратегий.

Ключевые слова: взаимодействие бизнес-акторов с властью, GR, теоретические подходы, группы интересов, агент-принципал, лоббизм.

GR Researching: Theoretical Approaches

A. R. Zakirov

Aidar R. Zakirov, ORCID 0000-0002-9843-9075, Kazan (Volga region) Federal University, 18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russia, azr12353@gmail.com

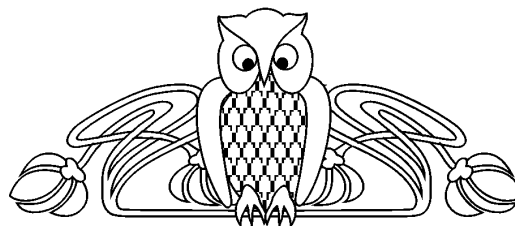
This article is devoted to the problem of revealing scientific approaches to studying business-government relations. The direction of studying Government Relation is developing in political science actively. It is important to define the theoretical and methodological frameworks of studying this phenomenon. The author examines the theories and approaches which can be used to investigate the reasons of GR, the main models of this interaction, and identify methods for GR strategies' realization.

Key words: Government Relations, GR, theoretical approaches, interest groups, agent-principal, lobbying.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-102-106

Эволюция технологий коммуникации государственных институтов и бизнес-структур послужила причиной возникновения в политической науке нового обособленного направления исследований, получившее название Government Relations (англ. GR – связи с государством). Government Relations определяется К. С. Маком как «применение коммуникативных технологий индивидами или социальными институтами для влияния на правительственные решения местного, регионального, национального или международного уровней или их комбинаций»¹.

Стоит отметить, что исследование GR в отечественной политологии находится на эта-

пе становления и активного развития. Поэтому до сих пор окончательно не очерчены границы научного поля дисциплины, не определен основной теоретический подход к исследованию GR. Вследствие этого в политологии можно выделить множество теоретических подходов, в рамках которых анализируются GR, выявляются причины осуществления бизнес-акторами взаимоотношений с органами государственной власти, а также производится попытка выделить методы осуществления данных взаимоотношений. К основным теоретическим подходам исследования GR относятся теории групп интересов, общественного выбора, ресурсной зависимости, принципал-агента, бихевиоральный и неоинституциональный подходы.

Теория групп интересов

Согласно данной теории, основы которой были заложены в работах А. Бентли², Д. Трумена³, Р. Даля⁴, в обществе наблюдается потребность во взаимодействии с государством для реализации частных общественных интересов. Данная потребность определила возникновение групп интересов, которые исполняют роль артикуляции социальных запросов, гомогенизации общественных интересов, а также занимаются продвижением данных запросов и интересов к властным структурам.

Бизнес-структуры, по мнению А. В. Паврова, выступают в качестве одного из акторов, обладающих частными общественными интересами⁵. Интересы этих акторов представляют собой совокупность целей по достижению экономической эффективности, издержек, предпочтений, а также положительных эффектов от деятельности государственной власти. Реализацию данных интересов бизнес-акторы осуществляют через группы интересов или ассоциации. По мнению политологов Дж. Пауэлла, Г. Алмонда, К. Строма, группы интересов в странах с рыночной экономикой и демократическим режимом формально институционализированы, что позволяет им официально взаимодействовать с органами государственной власти⁶.

Получив дальнейшее развитие, теория групп интересов объясняет причины осуществления бизнес-акторами GR-деятельности тем, что все субъекты социально-экономической сферы вынуждены действовать в конкурентной среде, тем самым также обращаясь и к политиче-

ским методам достижения целей. Иными словами, присутствие акторов-конкурентов со своими собственными интересами служит мотивацией для бизнес-акторов к осуществлению взаимодействия с властными структурами.

Стоит также отметить, что в рамках теории групп интересов, по мнению Д. Плотке, бизнес-структуры осуществляют политическую деятельность по идеологическим соображениям⁷. Особенностью данного взгляда является то, что бизнес-акторы – в первую очередь, в лице крупных фирм и транснациональных корпораций – реализуют GR в силу неприятия новой государственной политики в области экономики. Например, политику кейнсианства, экономический и политический социализм или неоконсервативные экономические теории, так как они могут повлиять на конкурентоспособность бизнес-акторов. Тем самым в рамках теории групп интересов GR воспринимается как вынужденное осуществление взаимодействия бизнес-структур с органами государственной власти для предотвращения невыгодных и нежелательных для них политических изменений.

Теория общественного выбора

Одним из главных основоположников теории общественного выбора является Дж. Бьюкенен. Он отмечал, что «политика – есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена»⁸. Согласно теории общественного выбора, политические процессы представляют собой отношения между органами государственной власти и обществом, в том числе и бизнес-акторами, которые схожи с рыночными отношениями между покупателем и продавцом. По мнению Р. Г. Холкомба⁹, в данных отношениях, с одной стороны, государственная власть оказывает институциональное вмешательство в экономическую сферу, предоставляет ценные услуги и участвует в осуществлении политических интересов бизнес-акторов. С другой стороны, бизнес-структуры стремятся вступить во взаимоотношения с властью, чтобы воспользоваться благами, получаемыми от государственной политики в экономической и политической сферах. Иначе говоря, бизнес-акторам требуется, чтобы государственная власть не только не бездействовала в сфере экономики, но также формировала благоприятную среду для их деятельности.

Таким образом, согласно исследованиям М. Д. Лорда¹⁰, GR представляет собой политику влияния на органы государственной власти с целью получения от них ценных для бизнес-акторов услуг и предложений. Бизнес-структуры в данных отношениях выступают как субъекты, принимающие решения в зависимости от пред-

лагаемой государственной властью политики. Такое поведение включает в себя не только ценные услуги, но также создаваемые властью стимулы и ограничения в сфере экономики, которые обосновывают выбор бизнес-акторами соответствующей GR-стратегии.

Теория ресурсной зависимости

В основе разработанной Д. Саланчиком и Д. Пфеффером теории лежит идея зависимости организаций или институтов от других акторов в силу ограниченности политических, финансовых и социальных ресурсов¹¹. Данная ограниченность ресурсов побуждает всех акторов общественной жизнедеятельности вступать в отношения обмена ради дальнейшего развития.

Ресурсная зависимость в условиях государственно-общественных отношений возникает в тех ситуациях, когда органы государственной власти, обладая рычагами регулирования, в состоянии накладывать ограничения на деятельность бизнес-акторов, например, искусственно создавая барьеры для входа (и выхода) в экономическую сферу государства. Для многих бизнес-акторов, как отмечается Д. П. Коттером, ресурсная зависимость нежелательна, поскольку она ограничивает свободу выбора, тем самым влияя на конкурентоспособность и эффективность бизнес-акторов¹². Поэтому ресурсная зависимость является одной из причин, побуждающих бизнес-структуры вступать во взаимоотношения с властью.

По мнению Д. Саланчика и Д. Пфеффера, целью взаимодействия бизнеса с органами государственной власти является снижение влияния непредвиденных эффектов и негативных последствий для деятельности бизнес-структур от изменения политики государства¹³. Таким образом, целью GR-деятельности бизнес-акторов является воздействие на изменение политики государства, а также на сглаживание последствий от резких изменений регулируемых властью экономической и политической сфер.

Теория принципал-агента

Одними из первых исследователей, использовавших теорию принципал-агента, были Б. Митник с его работой «Рациональная доверенность лица и государственная политика: теория агентских отношений и некоторые выводы» и К. Росс с книгой «Экономическая теория агентства». В рамках данной теории отношения между бизнесом и властью можно рассматривать через модель принципал-агента. «Агент подотчетен принципалу при соблюдении двух условий: агент обязан (по крайней мере, в некоторой степени) действовать от лица принципала, который имеет возможность через формальные

и неформальные правила наградить или наказать агента за его действия»¹⁴. Эта теория отношений предполагает, что цели и интересы агента и принципала могут отличаться. Поэтому агент может использовать существующие институты для реализации своих целей вопреки желанию принципала. Политическая конъюнктура вынуждает принципала доверять агенту и передавать ему определенные полномочия, несмотря на необходимость контролировать действия второго.

В рамках использования теории принципал-агента для изучения GR внимание акцентируется на том, что бизнес-акторы выступают в роли принципала, а органы государственной власти – в качестве агента. Модель отношений принципал-агента полезна при раскрытии причин, согласно которым бизнес-акторы вступают во взаимоотношения с властью. Политическая активность бизнес-структур (принципалов) осуществляется с целью формирования взаимовыгодных отношений с органами государственной власти (агентами) и последующим формированием устойчивого канала реализации интересов бизнес-акторов (например, создание публичной площадки для взаимодействия бизнеса и власти, благоприятствующего формированию положительного общественного мнения как о власти, так и о бизнесе).

Опираясь на труды Б. Митника, К. А. Гетц в статье «Общественные отношения и политические стратегии: теоретические основы» раскрывает деятельность бизнес-акторов в сфере взаимоотношений бизнес-структур как политику по контролю агента, т. е. органов государственной власти¹⁵. С одной стороны, в случае, когда агент в лице власти не понимает или не знает о позиции принципала, бизнес-акторы используют институционализированные каналы для передачи информации. С другой стороны, если агенты не признают или отрицают позицию принципала, то бизнес-акторы применяют GR как стратегию, направленную на изменение политики органов государственной власти.

Бихевиоральный подход

Основы бихевиорального подхода в изучении политики были заложены представителями Чикагской школы позитивизма Ч. Мерриамом в работе «Новые аспекты политики» и Г. Лассуэлом в «Кто что получает, когда и как». Они определяли бихевиорализм как подход в политологии, направленный на изучение поведения, действий и поступков акторов в политической системе¹⁶.

Развивая идеи Г. Лассуэла, Р. М. Кайерт и Дж. Г. Марч применили бихевиоральный подход для изучения поведения бизнес-акторов¹⁷. Согласно бихевиоральному подходу, структурная организация и поведенческая практика бизнес-акторов детерминируют достижение поставленных целей, экономические ожидания и выбор

альтернативных путей развития. Такие характеристики, как структура, имеющиеся ресурсы, корпоративный порядок и исторические традиции бизнес-актора, влияют на интерпретацию внешних стимулов и определяют соответствующую реакцию на них.

В дальнейшем бихевиоральный подход был использован Р. А. Байером, Р. Г. Куком, А. Хиллманом для исследования мотивации бизнес-структур к политическому участию и их способности к рациональному действию в политической сфере¹⁸. Данный подход выявил, что бизнес-акторы анализируют внешние стимулы с последующим выбором соответствующей стратегии по взаимодействию с государственными структурами. Основой для анализа внешних стимулов выступают размеры и возраст бизнес-структуры, ее исторические внутрикорпоративные традиции, опыт руководителей, структурная организация. В частности, в современных бизнес-структурах значительную роль приобретают GR-департаменты, специализирующиеся на взаимодействии с органами государственной власти. Соответственно, в рамках бихевиорального подхода данные характеристики бизнес-актора определяют сильные и слабые стороны процесса принятия решений в сфере организации взаимодействия с властью. Например, по мнению А. Р. Вининга и Д. М. Шапиро, при неэффективном поведении менеджеров бизнес-актора могут возникать трудности при взаимодействии с властью¹⁹. Последствием таких трудностей становятся распределительные, идеологические и репрезентативные внутрикорпоративные конфликты, ведущие к кризису публичной политики бизнес-актора²⁰.

Таким образом, взаимодействие бизнес-структур с властью в рамках бихевиорального подхода рассматривается как взаимосвязь ряда внутренних характеристик бизнес-акторов с их деятельностью в политической сфере. Данная деятельность выражается в формировании GR-стратегий, в основе которых лежит реакция на внешние стимулы с учетом особенностей внутрикорпоративной структуры, традиций и опыта бизнес-актора.

Неоинституциональный подход

Основу институционального подхода в политологии составляют труды таких известных ученых, как В. Вильсон, М. Вебер, Э. Гидденс, Дж. Марч и Й. Олсен и др. В современных политологических исследованиях существует множество определений института. Так, например, Г. О'Доннелл определяет институт как «коллективное действие по управлению, либерализации и расширению поля индивидуальных действий»²¹. С. Кроуфорд и Э. Остром понимали под институтом «правила, нормы и совместные стратегии». В свою очередь, П. Холл отмечал,

что институт – это «правила, процедуры соглашения и стандартно действующие практики, структурирующие отношения между индивидами»²². В рамках данных определений институт можно рассматривать как устойчивый тип поведения.

Неоинституциональный подход в исследовании взаимодействия бизнес-акторов с органами власти был применен В. В. Рауллом, П. Ди Маджо, В. Д. Оберманом, А. Дж. Хиллманом, М. А. Хиттом²³. Их труды связаны с исследованием проблемы используемых бизнес-акторами различных технологий по взаимодействию с властью в институциональной среде. В данном случае институциональная среда понимается как совокупность формальных правил, требований и процедур. Соответственно, за соблюдение законов и легитимное поведение бизнес-акторы могут претендовать на различные преференции от государства. Данные преференции включают в себя возможность осуществлять формальное и неформальное влияние на законодателей, достигать благоприятного общественного мнения и увеличивать политический капитал.

Таким образом, посредством осуществления GR бизнес-акторы стремятся к гарантии, что государственная политика благоприятствует достижению их собственных целей и решению задач, способствующих росту. В рамках неоинституционального подхода можно выделить одну из причин реализации GR-стратегий бизнес-акторами. В частности, причиной является использование бизнес-акторами политических ресурсов (например, влияние на парламент и правительство, идеологии, политической культуры, групповых интересов, коммуникационных сетей и др.) с целью увеличения собственного политического капитала.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в рамках рассмотренных теорий и подходов к изучению GR бизнес-структуры являются акторами общественно-политической жизни с собственными частными интересами. Реализацией данных интересов бизнес-акторы занимаются путем взаимодействия с органами государственной власти. Причиной такого взаимодействия, согласно теории групп интересов, теории общественного выбора, ресурсной зависимости, принципал-агента, институциональному и бихевиоральному подходам, является стремление бизнес-акторов к достижению не только экономически эффективного, но и благополучного социально-политического статуса.

Тем не менее, стоит отметить, что основания выделения данной причины в соответствии с каждой из теорий различны. В контексте теорий групп интересов и общественного выбора бизнес-акторы осуществляют свою деятельность в конкурентных условиях, вступая в противоборство за благоприятную для себя политическую и экономическую обстановку. Взаимодействие бизнес-актора с властью воспринимается как

одна из стратегий по противодействию деятельности акторов-конкурентов.

В соответствии с теориями принципал-агента и ресурсной зависимости основанием реализации бизнес-структурами GR представляется стремление контролировать политику государственной власти. Данный контроль обусловлен желанием бизнес-структур избегать негативных последствий от непредвиденных изменений государственной политики в сфере экономики.

В рамках бихевиорального подхода к изучению взаимодействия бизнес-структур с властью GR рассматриваются как ответная реакция со стороны бизнеса на вмешательство государственной политики в экономическую сферу общественной жизнедеятельности. Особенностью является то, что содержание GR обуславливается внутрикорпоративной структурой, историческими традициями и опытом бизнес-актора.

В контексте неоинституционального подхода к изучению GR бизнес-акторы, особенно крупные организации и корпорации, вступают во взаимоотношения с органами государственной власти с целью непосредственного формирования и увеличения политического капитала. Для этого бизнес-структуры применяют институциональные ресурсы, в числе которых различные формальные и неформальные каналы влияния на правительство и парламент, коммуникационные сети, организации групповых интересов.

Примечания

- 1 *Макс С. С. Business, Politics, and the Practice of Government Relations*. Westport : Greenwood Publishing Group, 1997. P. 4.
- 2 См.: *Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений*. М. : Перо, 2012.
- 3 См.: *Трумэн Д. Б. Правительственный процесс : политические интересы и общественное мнение*. Нью-Йорк : Нопф, 1951.
- 4 См.: *Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопр. философии*. 1994. № 3. С. 37–48.
- 5 См.: *Павроз А. В. Группы интересов и лоббизм в политике*. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.
- 6 См.: *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня : Мировой обзор : учеб. пособие*. М. : Аспект Пресс, 2002.
- 7 См.: *Plotke D. The political mobilization of business // Mark P. Petracca (ed.). The Politics of Interests: Interest Groups Transformed*. Boulder, CO : Westview, 1992. P. 175–198.
- 8 *Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопр. экономики*. 1994. № 6. С. 110.
- 9 См.: *Holcomb R. G. The Economic Foundations of Government*. N.Y. : New York University Press, 1994.
- 10 См.: *Lord M. D. Corporate political strategy and legislative decision making : The impact of corporate legislative influence activities // Business and Society*. 2000. № 39. P. 76–93.

- ¹¹ См.: *Pfeffer J., Salancik G. R.* The External Control of Organizations. N.Y. : Harper and Row, 1978.
- ¹² См.: *Kotter J. P.* Managing external dependence // *Academy of Management Review*. 1979. № 4. P. 87–92.
- ¹³ См.: *Pfeffer J., Salancik G. R.* Op. cit. P. 68.
- ¹⁴ Бусыгина И. М., Филиннов М. Г. Агенты и принципалы : чего ожидать после «вертикали власти» // Журнальный зал : [информ.-справ. портал]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/b7.html> (дата обращения: 23.06.2017).
- ¹⁵ См.: *Getz K. A.* Public affairs and political strategy : theoretical foundations // *Journal of public affairs*. 2002. № 4. P. 305–329.
- ¹⁶ См.: *Алексеева Т. А.* Современные политические теории : Опыт запада. М. : РОССПЭН, 2000. С. 83.
- ¹⁷ См.: *Argote L.* A behavioral theory of the firm – 40 years and counting : introduction and impact // *Organization science*. 2007. № 3. P. 337–349. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3037/524f67ed52eb8163b83299a6f0c5590137fd.pdf> (дата обращения: 13.09.2017).
- ¹⁸ См.: *Getz K. A.* Op. cit. P. 316.
- ¹⁹ См.: *Vinning A. R., Shapiro D. M.* Building the firm’s political lobbying strategy // *Journal of Public Affairs*. 2008. № 10. P. 159. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/pa.17/full> (дата обращения: 10.08.2017).
- ²⁰ Ibid. P. 162.
- ²¹ Цит. по: *Патрушев С. В.* Институционализм в политической науке : Этапы, течения, идеи, проблемы // *Зарубежная политология в XX столетии : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН ; отв. ред. вып. М. В. Ильин. М., 2001. С. 150.*
- ²² Там же.
- ²³ См.: *Getz K. A.* Op. cit.

Образец для цитирования:

Закиров А. Р. Исследование GR: основные теоретические подходы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 102–106. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-102-106.

Cite this article as:

Zakirov A. R. GR Researching: Theoretical Approaches. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 102–106 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-102-106.

УДК 303.7

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

К. А. Ананьина

Ананьина Кристина Александровна, аспирант кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ananina.k.a@my.mgimo.ru

В статье анализируется специфика применения факторного анализа в политологических исследованиях для построения емкого научного объяснения казуальной связи между изучаемыми переменными. Рассматриваются два вида факторного анализа – поисковый и направленный. Если первый позволяет исследовать сложное явление путем выдвижения гипотезы о его структуре, то с помощью второго можно проверить уже выдвинутую гипотезу. Ограниченная применимость направленного факторного анализа объясняется спецификой объекта и предмета политической науки, в частности, сложностью подбора количественных показателей для экспериментального подтверждения гипотезы. В этой связи автор представляет поэтапное описание методологии поискового факторного анализа при проведении политологических исследований.

Ключевые слова: факторный анализ, политологическое исследование, поисковый факторный анализ, направленный факторный анализ, гипотеза.

Specificities of Applying Factor Analysis in Political Science Research

К. А. Ananina

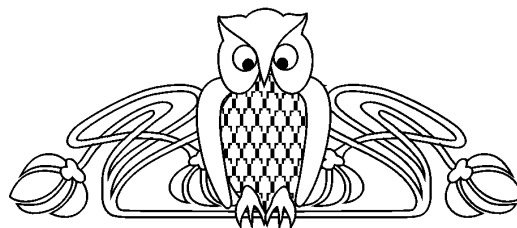
Kristina A. Ananina, ORCID 0000-0003-4884-2816, MGIMO University, 76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia, ananina.k.a@my.mgimo.ru

The article compares the applicability of two types of factor analysis – exploratory and confirmatory – as research methods of political science. The author argues that exploratory factor analysis provides better understanding of complex political phenomena by constructing a hypothesis on their potential structure. Instead, confirmatory factor analysis aims to test an already proposed hypothesis by means of experiment. Yet experimenting seems to be of limited use in political science. Firstly, political interactions cannot be studied and adequately formalized in a vacuum, namely, out of the context of constantly changing external environment. Secondly, the results of such experiments performed in reproduced artificial conditions cannot be controlled and measured in their dynamics. For these reasons exploratory factor analysis, the author posits, has larger analytical potential for political science methodology.

Key words: factor analysis, political science methodology, exploratory factor analysis, confirmatory factor analysis, hypothesis.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-107-110

Факторный анализ возник и развивался в рамках психологии. Его рождение как метода исследования связывают с публикацией в

1904 г. статьи английского психолога Ч. Спирмена под названием «Объективное определение и измерение общего интеллекта». Прибегнув к построению матрицы корреляции, Ч. Спирмен сформулировал двухфакторную теорию интеллекта, которую он описал в терминах единого общего фактора, характерного для всех измерений интеллекта¹. Однако концепция одного генерального фактора оказалась нежизнеспособной. Следующим этапом в данном направлении стала теория многофакторного анализа американского психолога Л. Тэрстоуна, опубликованная в 1947 г.². Она и легла в основу современного факторного анализа.

Впоследствии распространению факторного анализа в общественных науках, но уже в качестве многомерного статистического метода, способствовало появление электронных вычислительных машин, а затем и специальных программ статистической обработки данных. Благодаря их применению стало возможным сведение обширного числового материала к нескольким компактным факторам, раскрывающим взаимосвязь переменных и объектов наблюдения. Таким образом, факторный анализ обозначил свою ценность не только как инструмент структурирования и компактного представления данных, но и как методика построения гипотез об изначальной обусловленности корреляции ряда наблюдаемых переменных, число которых может достигать нескольких сотен.

Специфику применения факторного анализа для объяснения казуальной связи политических явлений обуславливает сложность изучения социальных взаимодействий, складывающихся под влиянием множества внешних факторов, вне контекста самих этих действующих факторов. Цель количественного исследования сводится сугубо к объяснению отношений переменных в рамках различных состояний объекта. Учет внешних факторов (вмешивающихся переменных) допускается только по остаточному принципу, когда все остальные измеряемые переменные не способны объяснить поведение зависимой переменной³.

Задача факторного анализа в этой связи состоит в том, чтобы выявить и отобрать наиболее значимые независимые переменные, с помощью которых можно формализовать зависимую переменную; создать краткую, выразительную и точную модель структуры взаимосвязей переменных. Одновременно сам процесс примене-

ния факторного анализа и его составляющие исследователь должен концептуализировать в терминах политической науки, не теряя при этом из виду качества целостности⁴. Рассматриваемое явление в итоге предстает в виде «пакета» легко квантифицируемых переменных, к которым можно применить основные критерии научности знания – в частности, критерии систематизированности (полнота и непротиворечивость), расчлененности (единство элементов знания), доказательности (возможность многократной проверки) и интересубъективности (открытость для критики)⁵. Таким образом, факторный анализ в политологии позволяет получить скупое с точки зрения разнообразия характеристик номотетическое знание, нацеленное на изучение «типичного» как выражение общей закономерности⁶.

Виды факторного анализа

В общественных науках выделяют два подхода к применению факторного анализа. Первый подход – поисковый факторный анализ, цель которого состоит в исследовании сложного явления путем выдвижения гипотез о его структуре. Второй подход – направленный факторный анализ – применяется для подтверждения или проверки уже выдвинутой теоретической гипотезы посредством эксперимента⁷. Ввиду специфики объекта и предмета политической науки направленный факторный анализ не получил широкого распространения. Две главных тому причины – принципиальная невозможность проведения эксперимента в специально заданных условиях и их контролируемого изменения, а также подбора для него количественных показателей, максимально адекватно формализующих анализируемое явление.

Поскольку целью направленного факторного анализа является проверка теоретической гипотезы, то последняя формулируется в виде априорных ограничений относительно факторов либо предполагаемой факторной структуры (факторной матрицы). Соответственно, задача направленного факторного анализа состоит в преобразовании корреляционной матрицы, составленной эмпирическим путем, в факторную матрицу предполагаемого вида⁸. Принимая во внимание два упомянутых ограничителя, полученные результаты не могут считаться валидными и надежными, поскольку нет уверенности в исчерпывающем характере и полноте применяемых измерений и устойчивости полученных с их помощью значений⁹.

Поисковый факторный анализ, напротив, направлен на выдвижение гипотезы относительно природы и структуры взаимосвязей между признаками, подбираемыми экспертно. Данный метод применяется в основном для определения размерности изучаемого явления, т. е. минимального числа его наиболее существенных и относи-

тельно независимых характеристик. Поисковый факторный анализ удобен формой представления результатов в виде матрицы факторных нагрузок, компактно синтезирующей большой объем исходной информации о вариации значений взаимосвязанных признаков. Интерпретацией размерностей занимается исследователь на основе специализированных знаний, которые должны помочь ему разобраться в сущности линейной комбинации признаков, а именно определить реальное значение влияния расчетной величины либо, наоборот, при известном значении фактора построить шкалу для его измерения¹⁰.

Поисковый факторный анализ позволяет также проверить взаимосвязь и взаимозаменяемость признаков, когда часть переменных вводится в исследование «для фона», т. е. всесторонней характеристики условий, воздействующих на рассматриваемое явление, при том понимании, что только небольшая совокупность переменных непосредственно представляет исследуемое явление¹¹. Анализ связи сложного явления с фоновыми показателями позволяет проверить обусловленность данного явления внешними факторами, а также взаимозаменяемость различных групп переменных. Как правило, вопрос о взаимозаменяемости признаков возникает при недостатке или отсутствии регулярной информации о каком-либо интересующем нас признаке.

Примером подобного рода ситуации может быть измерение понятия «идеология» посредством анкетирования. Каждая анкета в этом случае является объектом наблюдения, а ее вопросы – признаками или характеристиками данного объекта. Вопросы позволяют выявить отношение опрашиваемых к конкретной проблеме, а также их зависимость от социально-демографических характеристик анкетироваемых (фон). Подобными вопросами могут служить следующие¹²:

V₁. Согласны ли вы с декриминализацией марихуаны?

V₂. Согласны ли вы с узакониванием гомосексуальных отношений?

V₃. Согласны ли вы с тем, что в светских школах предметы по религиозной тематике должны быть факультативными?

V₄. Согласны ли вы с минимальным уровнем государственного вмешательства в регулирование экономики?

V₅. Согласны ли вы с прогрессивной ставкой налогообложения?

Используя бинарные противопоставления (1 = да, 0 = нет), опрошенные, набравшие 5 баллов (согласились со всеми вопросами), считаются идеологически отличными от тех, кто отрицательно ответил по всем пунктам (набрали ноль баллов). Таким образом, факторный анализ может быть использован для оценки идеологического фактора, который не поддается непосредственному наблюдению, а объясняется лишь измене-

нием наблюдаемых переменных (V_1, V_2, V_3, V_4, V_5 и т. п.). Кроме того, путем сопоставления характера вариации признаков от анкеты к анкете можно проверить ряд гипотез о структуре общественного мнения, а именно его зависимости от: 1) возраста, пола, уровня доходов, места жительства опрошенных; 2) их религиозной принадлежности; 3) уровня образования. Соответственно, работа с подобными рода гипотезами позволяет сопоставить группы опрошенных, с одной стороны, по характеру ответов на вопросы анкеты, а с другой – по их социально-демографическим характеристикам. Группировки считаются совпадающими, если признаки обоих видов можно объединить в единый фактор, что предполагает высокую связь признаков с факторами (высокую абсолютную величину факторных нагрузок)¹³.

Основные этапы поискового факторного анализа

В типичном политологическом исследовании, основанном на применении поискового факторного анализа, можно выделить следующие этапы¹⁴.

1. Постановка задачи: определяется целью исследования и исследовательским вопросом.

2. Построение матрицы данных: выбор объектов наблюдения и показателей для их изучения.

3. Предварительные преобразования данных: приведение показателей к единому масштабу путем преобразования исходных числовых значений объектов к рангам (1, 2, 3 и т. д.).

4. Расчет матрицы парных корреляций между показателями: матрица коэффициентов корреляции количественно выражает степень связи между парами рассматриваемых показателей.

5. Преобразование корреляционной матрицы в матрицу факторных нагрузок посредством применения нескольких методов факторного анализа (центроидного, главных компонент, экстраемальной группировки параметров и т. д.): сопоставление полученных разными способами результатов позволяет судить об объективности выявленной факторной структуры.

6. Интерпретация результатов по значениям факторных нагрузок: поиск основополагающей причины взаимосвязанного изменения признаков.

Успешность применения факторного анализа, помимо корректности выполнения вышеописанных шагов, предопределяет также соблюдение трех императивов проведения сравнительных политологических исследований: максимизация экспериментальных различий, минимизация ошибки отклонений, контроль над внешними различиями¹⁵.

Под максимизацией экспериментальных различий понимается достижение значительной вариативности значений зависимой переменной как функции независимой переменной. Иными словами, зависимая переменная должна потен-

циально иметь более одного значения, иначе исследование теряет смысл. Минимизация ошибки отклонения включает ошибки как в измерениях, так и в интерпретации. Ошибки в измерениях возникают в результате неточностей сбора, ввода или обработки данных. Ошибки в интерпретации обусловлены неточностью наблюдений, а также неверным толкованием политических процессов или явлений. Контроль над внешними различиями подразумевает идентификацию наибольшего числа внешних факторов и устранение их воздействия на значения зависимых и независимых переменных.

Наконец, основополагающей предпосылкой надежности результатов применения факторного анализа является фундированная теоретическая база. С одной стороны, качественная теория вопроса служит важным подспорьем в проведении методологически корректного исследования в смысле следования отработанному алгоритму действий. С другой стороны, она задает систему координат для ученого: предопределяет взгляды на проблему, цель и задачи работы, ее дизайн, значение критериев релевантности признаков рассматриваемого явления. Иными словами, применение факторного анализа в политологии непосредственно увязано с выбором конкретной теоретической парадигмы, в рамках которой осмысливается многообразие политической реальности (эмпирических данных и фактов). Таким образом, результаты факторного анализа, статистического по сути метода, могут дополнить инструментарий как аналитической, так и эмпирической составляющих применяемой теории.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что в политической науке распространение получил поисковый факторный анализ. Он позволяет исследовать сложные явления социальной действительности путем выдвижения гипотез об их структуре. Отход от направленного факторного анализа, имеющего целью проверить предварительно выдвинутую гипотезу, объясняется особенностями использования количественных методов в политологических исследованиях: во-первых, сложностью изучения и адекватной формализации социальных взаимодействий «в вакууме», т. е. вне подверженного постоянным изменениям внешнего контекста; во-вторых, невозможностью проведения эксперимента в искусственных, воспроизводимых условиях посредством их контролируемого измерения; в-третьих, императивом подбора признаков и их интерпретации экспертом-политологом в рамках выбранной им научной парадигмы, теории либо концепции.

Примечания

¹ См.: Митина О. В., Михайловская И. Б. Факторный анализ для психологов. М. : Учебно-методический коллектор «Психология», 2001. С. 5.

² Там же.

- ³ См.: Гаман-Голутвина О. В. Методы и виды сравнительных исследований // Сравнительная политология : учебник / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Аспект Пресс, 2015. С. 76.
- ⁴ Там же. С. 73.
- ⁵ См.: Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.) : Политическая теория и международные отношения : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2016. С. 34.
- ⁶ См.: Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч. С. 26.
- ⁷ См.: Жуковская В. М., Мучник И. Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М. : Статистика, 1976. С. 71.
- ⁸ Там же. С. 72.
- ⁹ См.: Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология : методы исследования. М. : Весь Мир, 1997. URL: http://grachev62.narod.ru/Mr/Mr_03.html#par37 (дата обращения: 24.05.2017).
- ¹⁰ См.: Figueiredo D., Rocha E., Batista M. Factor analysis for political science // Academia.edu. 2014. URL: http://www.academia.edu/7981489/Factor_Analysis_for_Political_Science (дата обращения: 25.04.2017). P. 2.
- ¹¹ См.: Жуковская В. М., Мучник И. Б. Указ. соч. С. 78.
- ¹² См.: Figueiredo D., Rocha E., Batista M. Op. cit. P. 2
- ¹³ См.: Жуковская В. М., Мучник И. Б. Указ. соч. С. 79.
- ¹⁴ Там же. С. 80–87.
- ¹⁵ См.: Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч. С. 104.

Образец для цитирования:

Ананьина К. А. Особенности использования факторного анализа в политологических исследованиях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 107–110. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-107-110.

Cite this article as:

Ananina K. A. Specificities of Applying Factor Analysis in Political Science Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 107–110 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-107-110.

УДК 323.2

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

А. А. Сучкова

Сучкова Анастасия Александровна, ассистент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, suchkova-tulgu@mail.ru

В статье рассмотрены особенности процесса взаимодействия общества и государства, факторы институционализации лоббистской деятельности, влияние становления института лоббизма на повышение эффективности процесса коммуникации гражданского общества и власти. Проанализированы субъекты, объекты, каналы, методы и технологии отстаивания интересов в современной России.

Ключевые слова: институт лоббизма, лоббирование, лоббисты, отстаивание интересов, взаимодействие общества и государства.

Institutionalization of Lobbying Activities in Russia as Factor of Increase of Efficiency of Interaction between Society and the State

A. A. Suchkova

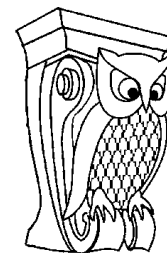
Anastasia A. Suchkova, ORCID 0000-0002-7274-5250, Tula State University, 92, Lenin Ave., Tula, 300012, Russia, suchkova-tulgu@mail.ru

Describes the main features of the process of interaction between society and the state, the factors of institutionalization of lobbying activities, the influence of formation of Institute of lobbying to increase the effectiveness of the communication process of civil society and government. Analyzed subjects, objects, channels, methods and technology advocacy in contemporary Russia.

Key words: Institute of lobbying, lobbying, lobbyists, lobby, interaction of society and the state.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-111-116

Лоббистская деятельность как механизм отстаивания интересов является одним из каналов взаимодействия общества и власти. Данный политический институт обеспечивает информирование государства об актуальных социальных проблемах, устойчивость коммуникации с гражданским обществом, формирование обратной связи, прозрачность процесса принятия решений, преодоление конфликта интересов. Эффективность процесса взаимодействия общества и органов государственной власти определяется наличием разнообразных доступных каналов продвижения инициатив, заинтересованностью объектов и активностью субъектов влияния. Важную роль занимает наличие разнообразных конвенциональных, неконвенциональных и новых методов донесения до представителей

власти потребностей граждан, выбор которых зависит от цели коммуникации, количества ресурсов у субъектов воздействия, сложившейся системы принятия и реализации политических решений. Институт лоббизма позволяет легально отстаивать интересы профессиональным лоббистам и рядовым гражданам на региональном, национальном и международном уровнях. Лоббистские методы и технологии доступны для всех субъектов взаимодействия с властью, вне зависимости от характеристик политической системы и традиций, количества обладаемых ресурсов и способов влияния.

Функционирование института лоббизма обеспечивает устойчивый и доступный канал взаимодействия общества и государства с использованием лоббистских методов. К таким относят только те технологии, с помощью которых интересы отстаиваются в органах государственной власти с использованием законодательно закрепленных легальных механизмов влияния, предметом которого являются общественно-значимые инициативы, также в процессе проведения лоббистских кампаний были привлечены эксперты и проведены исследования. Таким образом, складывается система профессиональных лоббистов, сопровождающих процесс коммуникации граждан и власти, которые можно подразделить на индивидуальные и коллективные, внешние и внутренние¹.

Индивидуальные внутренние лоббисты – это специалисты по консалтингу и GR технологиям, которые занимаются продвижением интересов компании, являясь ее постоянным сотрудником. Индивидуальные внешние лоббисты оказывают лоббистские услуги различным клиентам и не привязаны к конкретным организациям. Коллективные внутренние лоббисты встроены в управленческую систему компании и представляют специальные отделы по сотрудничеству с органами власти. Коллективные внешние – это независимые лоббистские фирмы, осуществляющие свою деятельность на профессиональной основе (таблица).

Деятельность профессиональных лоббистов показывает степень институционализации лоббизма в конкретном государстве, специфику процесса взаимодействия общества и власти, процесса принятия политических решений. В первую очередь, при правовом регулировании лоббистской деятельности государство регламентирует каналы, методы и деятельность лоб-

Сравнительный анализ деятельности лоббистов и групп давления

Критерии сравнения	Лоббист		Группа интересов	
	внутренний	внешний	внутренняя	внешняя
Цель лоббистской деятельности	Продвижение интересов компании и установление контактов с органами власти	Экономическая выгода	Отстаивание частных интересов	Содействие продвижению интересов группы
Субъект лоббизма	Компания	Клиент	Группа интересов	Группа интересов
Предмет лоббизма	Интересы компании	Интересы клиента	Интересы группы	Интересы группы
Кто выбирает объект	Лоббист и компания	Лоббист	Группа интересов	Организация, помогающая группе
Методы влияния	Формальные, неформальные, PublicAffairs, GR технологии, MediaRelations и др.	Формальные, неформальные, проведение исследований, MediaRelations, Grassroots и др.	Формальные методы, информационные технологии, не лоббистские формы влияния	Формальные и неформальные методы, MediaRelations,
Степень открытости деятельности	Низкая	Средняя	Высокая	Средняя
Эффективность деятельности	Высокая	Высокая	Низкая	Средняя
Время осуществления лоббистской деятельности	Постоянно	Постоянно	Период лоббистской кампании	Постоянно

бистов, основываясь на международном опыте и выработанных механизмах отстаивания интересов. В связи с тем, что профессиональные субъекты продвижения инициатив обладают большим количеством ресурсов, они формируют специфические технологии коммуникации с представителями власти, основываясь на политических традициях конкретного государства. Такие субъекты вырабатывают наиболее эффективные методы воздействия на объект, создают каналы обратной связи. Данный опыт позволяет формировать адекватную правовую основу лоббистской деятельности, где субъектами отстаивания интересов могут выступать любые заинтересованные граждане, группы давления, коммерческие и общественные организации. Лоббистское законодательство создано и эффективно функционирует на государственном (США, Канада, Великобритания, Франция, Германия, Австрия, Голландия, Ирландия, Литва, Польша, Венгрия, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины и др.), региональном (Тоскана, Молизе, Аbruццо и Тайвань и др.) и международном уровнях (Европейский союз).

Таким образом, формируются различные модели лоббистской деятельности, которые определяют особенности процесса взаимодействия общества и государства. Существует три основных модели: англо-саксонская (США, Канада, Австралия, Литва, Польша, Венгрия, Тайвань и др.), континентальная (Великобритания, Ирландия, Франция, Германия, Австрия, Голландия и др.) и смешанная (Россия, Казахстан, Израиль, Япония и др.). Третья характеризуется частичным сочетанием признаков англо-саксонской и континентальной моделей лоббирования.

В связи с этим необходимо проанализировать их основные черты, с помощью которых можно отнести лоббистскую практику любого государства к конкретной модели.

Одним из главных критериев является форма законодательного регулирования: в американской модели это создание единого федерального закона, включающего все этапы лоббистской коммуникации, а в европейской – отсутствует отдельный правовой акт, лоббистские нормы входят в действующее законодательство о государственной службе, деятельности парламента, также вводятся кодексы надлежащего поведения депутатов и др. Среди особенностей субъектов лоббистской деятельности в первом случае можно отметить профессиональный характер их деятельности по отстаиванию интересов (ассоциации лоббистов, лоббистские фирмы, консалтинговые организации, корпорации и др.), во втором – профильность лоббирования (профсоюзы, отраслевое лобби, корпорации, общественные организации и объединения, благотворительные фонды, ассоциации PR, научно-исследовательские центры и др.).

Вне зависимости от модели лоббистской деятельности объектами отстаивания интересов выступают федеральные исполнительные и законодательные органы власти, исключением является Австралия, где лоббистское законодательство существует на региональном уровне. В англосаксонской модели реализуется принцип обязательной регистрации субъектов лоббизма в контрольном органе и в ведомстве, в котором в данный момент осуществляется лоббистская коммуникация (по ее итогам формируется национальный реестр профессиональных лоббистов,

который публикуется каждые шесть месяцев в федеральных средствах массовой информации), а в континентальной – происходит сочетание добровольной и обязательной регистрации (реестр лоббистов составляется на основе зарегистрированных субъектов лоббистской деятельности и лоббистских фирм, которые включены в список контактов депутатов и государственных служащих за определенный государством период).

Отчетность лоббистов заключается в раскрытии информации о клиентах, лоббистских контактах с представителями органов власти, законах и постановлениях, на которые оказывалось лоббистское воздействие. Законами предусмотрена система прав и обязанностей лоббистов, полномочий представителей власти, порядок взаимодействия субъектов и объектов лоббирования, а также созданы кодексы поведения.

Для континентальной модели характерно наличие системы отчетности объектов лоббистской деятельности, которая заключается в раскрытии информации о контактах с лоббистами, консультантами, кроме этого, депутаты обязаны заявлять о своей заинтересованности перед каждым заседанием парламента, на котором будут рассматриваться лоббируемые решения и законы.

В странах с американской моделью лоббирования деятельностью профессиональных лоббистов контролируется специально созданными государственными органами, которые занимаются регистрацией субъектов лоббизма, созданием реестров, анализом отчетности лоббистских фирм и контролем за исполнением закона о лоббистской деятельности. Высокая роль общественного контроля, который четко встроен в систему государственного управления, является отличительной чертой европейского подхода к процессу взаимодействия общества и государства. Кроме традиционных функций, данные органы могут выполнять роль посредников между группами интересов и органами власти.

Таким образом, модель осуществления лоббистской деятельности зависит от особенностей формирования групп интересов, осуществления политической власти, развития гражданского общества, эффективности системы принятия и реализации политических решений, а также от сложившихся традиций политического участия. Несмотря на наличие данных моделей, они отражают только общие тенденции, принципы и этапы развития института лоббирования, при этом в каждом государстве существует уникальный подход к процессу отстаивания интересов, основанный на специфике политической культуры, доступности каналов взаимодействия общества и власти, прозрачности политической системы.

В современной России не завершен процесс институционализации лоббистской деятельности, при этом происходит процесс увеличения лоббистских практик, формируются каналы и методы отстаивания интересов, появляются про-

фессиональные лоббисты². На процесс становления института лоббизма влияют несколько факторов: политические (особенности режима, механизмов взаимодействия власти и общества, а также стиль принятия решений), исторические (традиции взаимоотношений граждан и государства), социальные (наличие групп, готовых отстаивать свои интересы лоббистскими методами), институциональные (специфика государственного управления, эффективность коммуникации с обществом), правовые (предпосылки создания целостного законодательства в данной сфере) и идеологические (понимание роли и места лоббистской деятельности в системе функционального представительства в современной России) и др. (рис. 1).

Большинство факторов показывают основные препятствия институционализации лоббистской деятельности, это связано с использованием неконвенциональных методов влияния и отсутствием лоббистского законодательства. Несмотря на это, результаты массового и экспертного опросов, проведенных на базе Лаборатории социально-политических исследований ТулГУ, показывают, что 46,7% респондентов отстаивают свои интересы. По мнению экспертов, основными субъектами лоббистской деятельности в России являются рядовые граждане, общественные объединения и бизнес сообщество, которое наиболее эффективно отстаивает свои интересы. Объектами лоббирования являются федеральные исполнительные и законодательные органы государственной власти в связи с концентрацией в них основных экономических, социальных и политических ресурсов, а также на региональном уровне продвигают свои инициативы 29,8% респондентов (рис. 2).

Личные интересы отстаивают 45,6% респондентов, 35,1% – семейные и 12,3% – общественные интересы. Эксперты отмечают, что предметом лоббистской деятельности чаще всего выступают экономические и политические интересы, которые отстаиваются с помощью таких неконвенциональных методов, как неформальные взаимоотношения с должностными лицами, коррупция, использование занимаемого положения в органах власти, а также теневые технологии лоббирования³.

Наиболее эффективными технологиями лоббизма являются Public Affairs (установление и поддержание связей организации с представителями власти), Bundling (мобилизация капитала со стороны заинтересованных лиц для проведения предвыборной кампании кандидата на публичную должность или политической партии) и Grassroots (массовое и организованное давление на лиц, от которых зависит принятие политического решения) (рис. 3).

Среди эффективных, законодательно закрепленных, нелоббистских методов отстаивания интересов в современной России респонденты

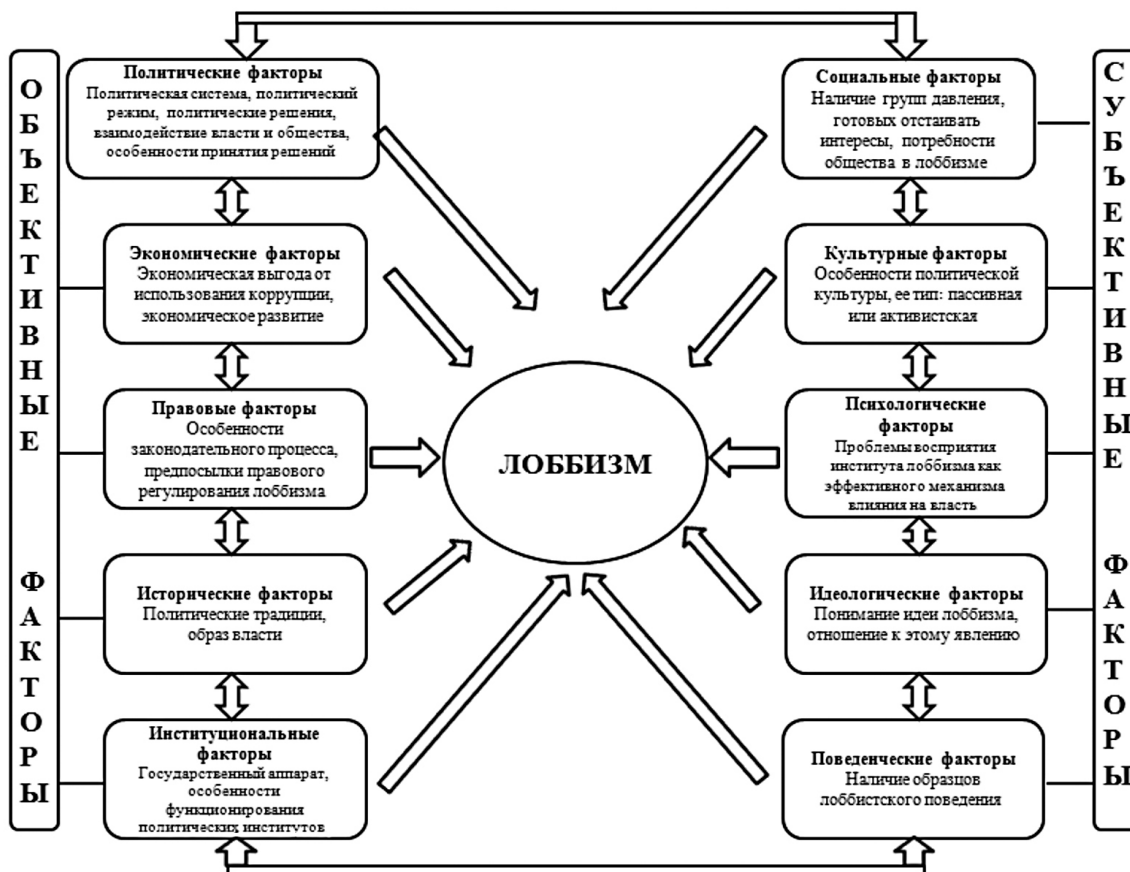

Рис. 1. Модель влияния факторов на процесс институционализации лоббизма в России

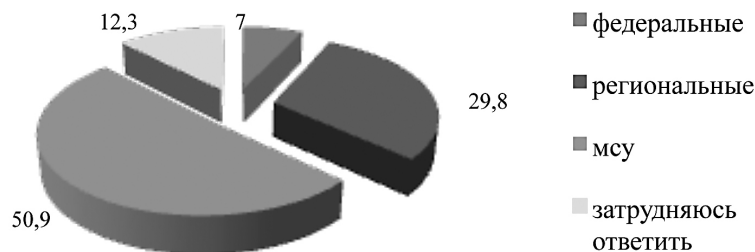

Рис. 2. Органы власти, в которых отстаивают интересы респонденты, %

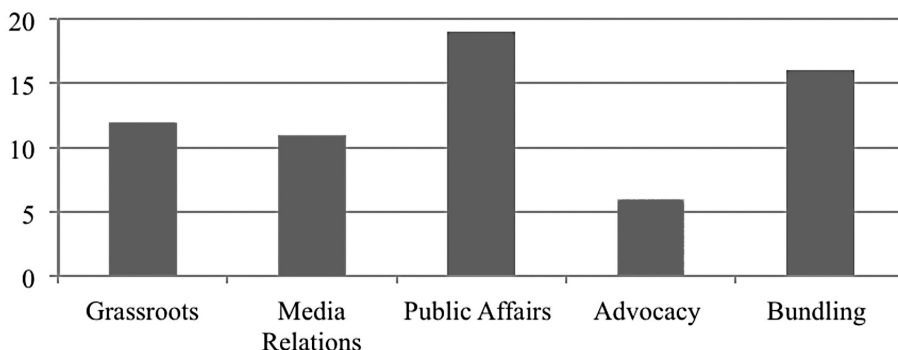

Рис. 3. Эффективность лоббистских технологий (в количественном соотношении экспертов)

выделили встречи с представителями государства (36,8%), индивидуальные и коллективные обращения в органы власти (27,9%), взаимодействие с общественными организациями (23,2%), мирные собрания и митинги (19,3%), акции протеста (15,8%) и народную правотворческую инициативу (1,8%). Недовольны результатами отстаивания интересов и отмечают

несколько трудностей, с которыми они столкнулись, 31,0% респондентов. Это, во-первых, нежелание взаимодействовать со стороны органов власти (49,1%), во-вторых, сложность системы представительства (42,1%), в-третьих, бюрократизм (3,14%), в-четвертых, коррупция (29,8%), в-пятых, процесс выбора возможных объектов лоббирования (19,3%) (рис. 4).

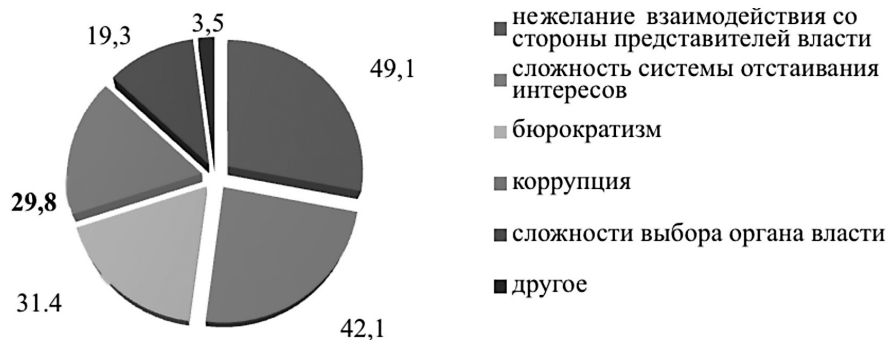

Рис. 4. Трудности, с которыми столкнулись респонденты при отстаивании интересов, %

Таким образом, несмотря на формирование субъектов лоббирования, расширение методов отстаивания интересов, увеличение лоббистских практик, сохраняются некоторые проблемы, которые препятствуют завершению процесса институционализации лоббистской деятельности в России: использование нелегальных методов отстаивания интересов, отсутствие лоббистского законодательства, пассивность отдельных частей общества, наличие трудностей процесса коммуникации граждан и государства. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что инициатором развития института лоббирования должно быть государство и его органы, поскольку большинство трудностей в функционировании лоббистской деятельности связаны с вопросом правового регулирования данного явления.

Завершение процесса институционализации лоббистской деятельности в современной России возможно при последовательной реализации следующих этапов:

1) повышение уровня осведомленности общества об институтах политической системы, функционировании органов государственной власти, участия граждан в процессе разработки и принятия решений;

2) преодоление конфликта элит по поводу предпочтения использования легальных или теневых форм взаимодействия с обществом;

3) формирование и транслирование единой позиции государства, включающей четкое понимание роли лоббирования в системе представительства потребностей общества;

4) формирование позитивного образа института лоббизма как доступного и универсального механизма отстаивания интересов;

5) увеличение институциональных практик;

6) переработка плана по борьбе с неконвенциональными и теневыми методами продвижения инициатив (коррупция, фаворитизм);

7) создание и внедрение целостного лоббистского законодательства, основанного на международном опыте, пересмотренного в соответствии со страновыми особенностями системы представительства.

Процесс взаимодействия общества и государства в современной России осуществляется различными субъектами влияния (граждане, общественные организации, бизнес-сообщество, отраслевые группы и др.) с помощью конвенциональных и неконвенциональных методов влияния на федеральные органы исполнительной и законодательной власти. К легальным формам влияния можно отнести установленные законодательством порядок и способы воздействия (индивидуальные и коллективные обращения в органы власти, встречи с государственными служащими, правотворческая инициатива граждан, мирные собрания, обращения в общественные организации и др.), развитие лоббистских технологий (Public Affairs, Bundling и др.), а к нелегальным – коррупцию и теневую лоббизм.

Для повышения эффективности процесса взаимодействия общества и государства необходимо: во-первых, увеличение субъектов лоббирования; во-вторых, изменение позиции объектов влияния на проблему функционирования института лоббизма; в-третьих, повышение активности групп интересов посредством реформирования системы сотрудничества общества и власти, преодоление проблем политического участия; в-четвертых, завершение институционализации лоббизма в России благодаря созданию системы правового регулирования данного

явления и последовательной реализации предложенных этапов; в-пятых, увеличение доступности федеральных и региональных органов власти для различных групп давления.

Примечания

- ¹ Фельдман П. Я. Лоббизм : теория и практика. М., 2015.
- ² Аношина Е. А. Лоббистская деятельность в современной России // Будущее науки – 2017 : сб. науч. ст. 5-й Междунар. молод. науч. конф. (Курск, 26–27 апреля

2017 г.) : в 4 т. / под ред. А. А. Горохова. Т. 2. Курск, 2017. С. 29–30 ; Мураценков С. В., Киняшева Ю. Б. Информационный лоббизм в системе представительства интересов гражданского общества в органах государственной власти современной России // Изв. ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2. С. 108–115.

- ³ Брянецов И. И. Принцип добросовестности в системе взаимодействия власти и институтов гражданского общества как способ противодействия теневому лоббизму // Противодействие коррупции : государственная политика и гражданское общество : сб. науч. ст. Саратов, 2015. С. 42–44.

Образец для цитирования:

Сучкова А. А. Институционализация лоббистской деятельности в России как фактор повышения эффективности взаимодействия общества и государства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 111–116. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-111-116.

Cite this article as:

Suchkova A. A. Institutionalization of Lobbying Activities in Russia as a Factor of Increase in the Efficiency of Interaction between Society and the State. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 111–116 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-111-116.
